ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

5/95

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

5/95

Время Общество Знание

Под сводом Богоявления 3
Сергей Галичев. За благотворительность сейчас и оштрафовать могут 8
Галина Усенко. Бедные деньги 11
Георгий Эдельштейн. Как можно увидеть Россию 13
Анита Эдельштейн. Творить добро может каждый 16
Семейный альбом. Мир не без добрых людей 19
Ирина Соснина. Вот моя мама 22
Никита Дедков. О Следове с надеждой 27

Свидетельства Архивы Документы

Духовное завещание Федора Чижова 31
Татьяна Войтюк. По одной только христианской добродетели 33
Ирина Тлиф. Русская благотворительность не любит ничего официального и казенного 42
Лариса Ковалева. Да не оскудеет рука дающего 46
Лариса Сизинцева. Доброе дело в Отечестве нашем 51
Ольга Кивокурцева. Душевная подать 54
Леонид Колгушкин. Нищие, блаженные и кутилы 58
Любовь Поросятковская. Медная копейка в солдатскую кружку 62
Нина Басова. Попечительство о слепых 66
Елена Сапрыгина, Павел Корнилов. Пушное дело Пановых 67

Литература Искусство Культура

Обычаи и обряды. Хлеб-именинник 71
Юрий Куранов. Православные восьмистишья 74
Город мастеров. Что встречало нас в доме 76
Народное краснословие. Городская песня 78

Учредитель - администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив, Костромское епархиальное управление, объединение "Костромакурорт", областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

Обогрей, Господь, Твоих любимых -
сирот, больных, погорельцев.
Сделай за того, кто не может,
все, что ему велели.

И умершим, Господи, умершим -
пусть грехи их вспыхнут, как солома,
сгорят и следа не оставят
ни в могиле, ни в высоком небе...

Ольга СЕДАКОВА. «Молитва»

Валентина АНДРЕЕВА,
главный врач Костромского дома ребенка

ИХ СТРАДАНИЯ СВЯЗАНЫ С НАМИ

Человеку, не посвященному в проблемы детского сиротства при живых родителях, вероятно, трудно представить, что в нашем, единственном в Костроме, Доме ребенка нет ни одного сироты. Но каждый здесь - это своя трагедия.

Дети-инвалиды с церебральным параличом, спинно-мозговой грыжей, дебильностью разной степени, маленькие уродцы с заячьей губой и волчьей пастью... Страдания этих брошенных на произвол судьбы существ - связаны с нами, взрослыми. С той беспутностью родителей, которые пили какие-то таблетки, вытравливая плод, или просто пили. Наше самое большое социальное зло сегодня - пьянство.

Бывает, что дети поступают к нам не из роддома, а из семьи, где родители лишены родительских прав, один за другим из таких семей у нас оказываются малыши. Родители-алкоголики не могут обеспечить за ними необходимый уход. Все эти дети очень ослабленные, уже не раз побывавшие на лечении в больнице с анемией и пневмониями, заболеваниями печени, почек, сердца.

За три-четыре года врачи-педиатры и медсестры Дома ребенка ставят на ноги больных. Различные физиопроцедуры, массаж, хорошее питание, развивающие занятия - и детей бывает не узнать. Но наш дом - это не санаторий, не больница. Он единственный дом для этих несчастных малышей. И они должны иметь все, что имеют другие. С семи дней живут в его стенах младенцы, оставленные в роддоме. И вы представляете, сколько надо ласки, любви, терпения - сколько всего надо, чтобы снять тот неблагополучный биологический и социальный фон, в котором малютки развивались. Наши сестры и воспитательницы заменяют им и маму, и папу, и дедушку, и бабушку. И больше того, задолго до перевода этих ребят в детские дома мы стараемся найти им усыновителей.

Но вот законодательство по усыновлению у нас, к сожалению, до сих пор самое несовершенное в мире. В этом тоже одна из причин того, что желающих взять чужих детей на воспитание не так уж и много. В прошлом году очередь на усыновление была до 400 человек, а в этом году в ней только 40. К сожалению, далек был от совершенства и старый закон о международном усыновлении, принятый еще постановлением Верховного Совета СССР от 1992 года. Иностранцам усыновлять разрешалось только тяжелобольных детей, с таким, например, диагнозом у ребенка как "волчья пасть" или "заячья губа".

Много надо всего, чтобы выходить наших деточек. Иногда предстоит не одна операция и длительное лечение. ...Вот у Катюши не было ножки от бедра. В условиях Костромы она никогда бы не смогла ходить. Отечественные протезы, в том числе и детские, очень тяжелы. Но девочке повезло: ее усыновила одна бездетная очень хорошая американская семья. Мама - преподаватель, папа - врач. Теперь девочке уже семь лет, она учится в школе для одаренных детей, но главное: она счастлива, здорова, обласкана всеми.

Примеров, когда любовь новых родителей оказывается сильнее врожденного недуга детей, очень много. Шесть девочек с разными врожденными болезнями взяла из Дома ребенка за эти 20 лет Елизавета Александровна Соловьева из поселка Сусанино. Эта маленькая женщина вырастила здоровых детей благодаря только чуду любви, иначе это не объяснишь.

Конечно, бессмысленно призывать всех вас, добрые люди, повторить ее подвиг. С таким даром жить для других надо родиться. Но все же хотелось бы попросить вас задуматься о судьбе несчастных сирот при живых родителях...

Многие охотно говорят о добре, но увы, не делают его. Дому ребенка еще повезло - нашим детям приходят на помощь самые разные люди. Харитон Иосифович Даварашвили, глава известной аптечной фирмы "Ортат", Владимир Викторович Ситников, директор совхоза "Высоковский", Светлана Васильевна Маслова, генеральный директор фирмы "Королевская одежда", Юрий Павлович Назаров, генеральный директор объединения "Костромаэнерго" и многие другие поддерживают нас средствами, позволяющими детям иметь новую обувь и одежду, всегда свежие овощи к столу. Но даже если у вас нет таких средств, а есть хотя бы время, приходите к нам в гости просто так, поиграть. Дети будут вам очень рады.

Valentina ANDREEVA, head-doctor of Kostroma Baby Home.

WE ARE INVOLVED IN THEIR SUFFERINGS.

Valentina ANDREEWA, Chefärztin des Kostromaer Kinderheimes

IHRE LEIDEN SIND MIT UNS VERBUNDEN

ПОД СВОДОМ БОГОЯВЛЕНИЯ

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем.

Из первого послания к коринфянам святого Апостола Павла.

Причащает архиепископ Костромской и Галичский Александр.

Молитвенница за всех скорбящих.

ШКОЛА-ПРИЮТ

Второй год открыта при Богоявленско-Анастасинном монастыре школа-приют для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Малыши и подростки поступили сюда из детских домов, школ-интернатов Ивановской и Костромской областей. Многие из них имеют врожденные болезни нервной системы. Господь милостью своей дает им исцеление, о котором сейчас все в монастыре рассказывают с изумлением. Даже такая болезнь как эпилепсия смягчается под сводом приюта. Совместная молитва детей и их наставниц, из которых четверо - профессиональные врачи, обучение по индивидуальной программе, традиции добра, которые пытаются возродить здесь взрослые. Наверное, все это вместе и действует как самое необходимое для души лекарство. Дети уже научились петь, шить, рукодельничать, ухаживать за цветами и огородом.

Не смотрите, что девочки в монашеских платьях. Для них пока это всего лишь школьная форма. Если кто-то из них захочет оставить приют и вернуться назад в детский дом, то может сделать это в любую минуту. Но таких случаев пока не было.

МОЛИТВА О ДУШЕ

В Костромской женской колонии под покровительством епархиального управления строится церковь. Впереди еще много трудов по ее сооружению, а пока духовную помощь совершившим грехи оказывают сестры монастыря. Они регулярно приезжают сюда с беседами, на этих встречах присутствуют только те, кто ищет такого общения, кто хочет задать вопрос или передать записку с просьбой помолиться об их душе. Кроме возможности теперь читать в тюрьме православную литературу, оступившиеся в жизни женщины имеют право на исповедь, причастие, а некрещеные могут окреститься. А когда приходит срок освобождения, женский монастырь дает им возможность трудоустроиться на первое время или просто хотя бы поесть, если негде преклонить голову.

БОГАДЕЛЬНЯ

В богадельне Богоявленско-Анастасинина монастыря, что находится в бывшем Больничном корпусе, сейчас нашли приют 40 больных, престарелых женщин-инвалидов. Это единственный монастырь в России, куда принимают всех, кто ищет помощи и участия, а иногда просто крыши над головой. "Мы никому не отказываем в приеме в эту древнюю и намоленную обитель, лишь бы было усердие и горячая вера в помощь Царицы Небесной", - говорит настоятельница монастыря матушка Иннокентия.

Четыре месяца и взрослые - сестры и послушницы, и дети трудились, чтобы отремонтировать ком-

Дети приюта Богоявленско-Анастасинина монастыря с матушкой Иннокентией.

наты, где теперь богадельня - и все получилось уютно и тепло, как дома.

О ЗДРАВИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ

Немалые средства нужны монастырю, живущему на подаяние, чтобы содержать школу-приют, богадельню, вести ремонт монастырских помещений, где его не было 200 лет. Поэтому когда находятся благотворители, жертвующие как, например, объединение "Костромаэнерго", на детей-сирот или престарелых, сестры монастыря горячо молятся о здравии этих людей. Среди христианских добродетелей милосердие, одно из самых высоких качеств души, и оно может перевесить на чаше весов в судный день даже нераскаянный грех. Поэтому молитва о благотворителях и добрых согражданах земли костромской, считают в монастыре, очищает от греха нашу жизнь.

Если поможет тот, кто может помочь, и то будет хорошо.

Адрес для визита: 156000. Россия, Кострома, ул.Богоявленская, д.26, тел. 57-47-07.

Адрес для помощи: Коммерческий Костромасоцбанк, РС 7012128, МФО 43469709 кор.счет 700161709.

ДОГОВОР МИЛОСЕРДИЯ

В городе-побратиме Дарем штата США Северная Каролина настоятельница Богоявленско-Анастасинина монастыря игуменья Иннокентия подписала соглашение и меморандум о создании международного общества милосердия городов-побратимов: Америка - Дарем, Англия - Дарем, Россия - Кострома. Президентом общества утверждена представительница Америки Дороти Борден, а вице-президентом - матушка Иннокентия.

ПОПЕЧЕНИЕ О СТАРОСТИ

Попечением храма Александра и Антонины окормляются проживающие в доме престарелых в Малышкове. В созданном там Покровском храме проходят богослужения, к церковным праздникам бабушки и дедушки получают подарки - продукты и вещи. Некоторые из них по состоянию здоровья не могут прийти в церковь, поэтому настоятель храма Александра и Антонины отец Борис приходит к своим новым прихожанам прямо в палаты - для беседы, исповеди и причастия. На доброе дело служения престарелым людям отца Бориса благословил сам

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II при посещении им дома престарелых. А рядом с храмом Александра и Антонины в бывшем помещении детского садика открылся приют для детей, оказавшихся без родителей. Приходящего к ним священника они тоже встречают с радостью.

ГОРЯЧИЙ ОБЕД ДЛЯ БОЛЬНОГО

Столовая при духовном училище оказывает благотворительную помощь пожилым и больным людям с 1991 года. Учащиеся разносят по домам горячие обеды, беседуют со своими подопечными. Кроме того, воспитанники училища оказывали помощь отделению по церковной благотворительности и социальному служению при епархиальном управлении - разносили по домам посылки с гуманитарной помощью.

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь в доме инвалидов названа именем преподобного Сергия, который был известен на Руси своим милосердием. Богослужения здесь проводит настоятель Свято-Тихоновского храма, что в микрорайоне Давыдовский, отец Аркадий. Сначала литургии проводились прямо в актовом зале, но потом была открыта и освящена домовая церковь. А из поселка Октябрьского дорога в микрорайон Юбилейный, в недавно открытый дом социальной поддержки - для духовного окормления его обитателей. У прихода сложились хорошие отношения с социальной службой района, совместными стараниями они помогали малоимущим продуктами. А самому отцу Аркадию тоже нужна помощь - в строительстве в Давыдовском Свято-Тихоновского храма.

В богадельне монастыря.

Духовное окормление. В 1-й мужской колонии.

В Доме ребенка рады гостям.

БЛАГОДАРНОСТЬ ГОСУДАРЯ

В прошлом Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь входил в число трех монастырей, где усердно служили делу милосердия. В отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1902-1904 гг. сказано, что "Сверх показанного числа больниц в ведении означенного монастыря (Богоявленского) имелись центральная народная лечебница и врачебные пункты. Сколь высокую репутацию еще в первоначальные времена своего существования приобрели эти заведения при Богоявленско-Анастасиином монастыре показывает отзыв, который дал Государь наследник Александр Александрович по прочтении отчета об учреждениях монастыря за 1880 год: "Прочел с величайшим удовольствием. Вот истинно доброе дело и, по-моему, совершенно правильное направление женского монастыря. Дай Бог, чтобы прочие женские монастыри брали пример с Костромского. Пожалуйста, благодарите игумению мать Марию. Когда будете ей писать, передайте полную мою признательность за ее добрые дела".

UNDER THE PROTECTION OF THEOPHANY

Many priests, nuns, laymen of the Kostroma eparchy, notwithstanding their own numerous problems, show mercy and concern for other people. The nuns of the Theophany-Anastasya Monastery are involved in charitable activities in orphanages, prisons, old people's homes, invalid homes.

IM HEILIGEN GEWOLBE

Hier erzählt man über den sozialen Dienst in der Diozese von Kostroma, über die Barmherzigkeit der Schwester aus dem Bogojawlensko-Anastasjin Nonnenkloster zu allen Leidenden, uber die Wohltätigkeiten vieler Kirchengemeinden und Gotteshäuser. Trotz aller Schwierigkeiten helfen die Geistlichen der Region Kostroma den Zöglingen in den Waisenhäusern, den Häftlingen in den Gefängnissen und Besserungsanstalten, den Bewohnerinen bzw. Bewohnern in den Alters-und Invalidenhäusern.

Сергей ГАЛИЧЕВ:

"ЗА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СЕЙЧАС И ОШТРАФОВАТЬ МОГУТ..."

- Когда-то Кострома славилась своими предпринимателями - меценатами и благотворителями. Можно ли сегодня говорить о том, что добрые традиции начинают возрождаться?

- У любого нормального человека, который заработал вполне достаточные деньги для своих потребностей, возникает естественное желание помочь тому, кто на жизнь собирает по крохам. Или вложить деньги в более ценное и вечное, чем то, что делаешь сам. Поэтому я стараюсь помогать, хотя это с каждым днем все труднее. Раньше меценатство и благотворительность поощрялись государством, за это давали ордена, чины, общественные привилегии. Таких людей поддерживала церковь, культурные учреждения, имена их входили в историю. У нас, к сожалению, на сегодняшний день картина складывается такая: если предприниматель, его фирма вложили деньги в помощь нуждающимся, то значит у них слишком много денег. И вместо поощрения начинаются многочисленные и тщательные государственные проверки. Поэтому если я хочу сейчас кому-то помочь, то делаю это тихо, незаметно.

- Но ведь благотворительность и не должна быть громким делом.

- Конечно, но зачем меня в чем-то подозревать и мешать работать. Понимаете, в экономическом развитии России всегда были беспорядок и неорганизованность - и при Иване Грозном, и при Петре I, и при большевиках-коммунистах. Вот эти традиции из прошлых времен к нам перешли в полной мере, а традиции помощи бедным, увы, пока еще нет. Когда Чижов строил училища, Третьяков собирал картинную галерею, они прекрасно понимали, что в могилу с собой это не заберут. Но государственная политика была такова, что они с удовольствием отдавали большие ценности в государственные коллекции, завещали городу, направляли средства в фонды помощи малоимущим. Потому что знали: это не пропадет, за бесценок не вывезется за границу. Государство их поддерживало, давало льготы. А сейчас существует ценз, что свыше 5 процентов от своих доходов я не могу тратить на благотворительные цели. А если потрачу, то меня за благотворительность и оштрафовать могут.

- Раньше меценаты были в своей деятельности избирательны: одни поддерживали художников, другие покровительствовали театру, третьи строили дома просвещения или детские приюты... А вы строите часовню, оказываете попечение в проведении культурных вечеров, помогаете провести первенство области по бильярду и учреждаете там первый приз - мотоцикл. У Вас что - нет устойчивого интереса или хочется помочь сразу всем?

- Основной благотворительный взнос у нас идет в строительство домов для остронуждающихся людей, прибыль от него мы получаем копеечную. Эти дома должны поддерживать архитектурный облик Костромы, и когда мне предложили построить в таком же стиле часовню, то я, естественно, не мог отказаться. Что касается бильярда, то это как раз мой интерес, да и сумма там совсем небольшая. А вечера в Дворянском собрании проводит директор художественного музея Игнатьев, ему я тоже не могу отказать в помощи, хотя финансовое состояние у нас сейчас сложное. Вообще, я вкладываю деньги только в то дело, которое мне нравится, или под тех людей, которых уважаю. Сейчас очень трудно заработать деньги, а потому будет обидно, если истратишь их на то, что тебе не нравится. А вот при строительстве часовни мне на высоком уровне было обещано освобождение от налогов в местный бюджет, но малый Совет, а затем городская дума решили так: раз он может построить такую церковь, то сможет заплатить и налоги. И вот часовня построена, а налоги ушли неизвестно куда, хотя эти деньги можно было потратить на улучшение облика города, для блага его жителей.

Галичев Сергей Вячеславович - владелец фирмы "Престиж". По образованию - историк и экономист. Возраст - 28 лет, 7 из них занимается строительным бизнесом. Меценат. Построил в Костроме часовню во имя Феодора Стратилата, содержит городской культурный центр, попечительствует проведению музыкальных вечеров в Дворянском собрании, при его помощи прошли в Костроме Дни памяти литературного критика Игоря Дедкова.

Galichev Sergei, the president of Kostroma Building-Investment company, the owner of the "Prestige" company. According to the education he received he is a historian and economist. 28 years old, the latest 7 years has been involved in building business. Has also been acting as patron of religion and culture, has built a chapel in the name of Theodore Stratilatus, is managing a Youth Cultural Centre in Kostroma, sponsors different events in musical and literary life in the city.

Galitchew Sergei Wjatcheslawowitch - ist der Besitzer der Firma "Prestige". Seiner Bildung nach ist er Historiker und Ökonom. Von seinen 28 Jahren ist er 7 Jahre im Baugeschaft tätig. Er ist ein Mäzen. Er hat in Kostroma die Kapelle im Namen Fjodor Stratilat gebaut. Er fordert auch die städtische jugendliche Kulturzentrum, sorgt für die Organisation der musikalischen Veranstaltungen im Adelversammlungsgebäude, hat bei der Durchführung der Errinerungstagen des Literaturkritikers Igor Dedkow Hilfe geleistet.

- Между тем жители, как показывают опросы и разговоры, совсем не знают сегодняшних костромских предпринимателей, если не считать тех, что оскандалились. Чем Вы это можете объяснить?

- Ничего особенного в этом нет. В нормальных странах хорошо знают только очень богатых людей. А мы еще ничем себя не проявили, финансовые обороты не те, чтобы говорить о нас, как о бизнесменах. Я за семь лет только научился понимать, что такое бизнес, и как себя в нем вести, создал хорошую команду. Если при такой налоговой политике и экономической ситуации моя фирма "Престиж" закончит год без убытков и сохранит коллектив, я буду считать, что в бизнесе первую ступеньку перешагнул.

- Название Вашей фирмы, наверное, не случайно. Как и чем Вы поддерживаете свой престиж?

- Прежде всего тем, что стараемся держать слово, решать все вопросы с заказчиком на высоком уровне порядочности. Начиная с того, чтобы вовремя приходить на назначенные встречи, и кончая высоким качеством выполненной работы.

- В последнее время в ходу название "новые русские". Одни произносят эти слова с надеждой, другие с иронией, а третьи просто бранятся. Вы считаете себя "новым русским"?

- Нет, не считаю. Наверное, все это надуманно, хотя без причины название тоже не появится. Если считать старыми русскими тех, кто живет от зарплаты до зарплаты, тогда новые те, кто может миллионы тратить на безделушки. А я день и ночь на ногах и не могу себе позволить ничего лишнего. Вообще заметьте, что большинство современных бизнесменов вышли либо из партийно-комсомольской, либо из криминальной среды.

- А Вы, извините, к какой категории относитесь?

- Я проработал два года в райкоме комсомола, отвечал за учебные заведения. Там приобрел первый опыт, присмотрелся, в 88-м году создал молодежный центр "Престиж" и занялся бизнесом. Бытует мнение, что первоначальный капитал нельзя создать честным путем, но я с этим не согласен. В 88-89 годах это можно было сделать, а сейчас, конечно, невозможно - налоги доходят до ужасающих размеров.

- Как Вы думаете, можно создать в Костроме систему социальной помощи, объединив усилия предпринимателей, государственных служб, церкви? И нужно ли это делать?

- Конечно, нужно. Понимаете, одни люди умеют зарабатывать деньги, а другие нет, хотя они хорошие и талантливые люди. Творческие натуры, например, не думают о деньгах. Поэтому им надо помогать, не говоря уже о бедных стариках и брошенных детях. Но вопрос в том, кто возглавит эту работу. Коммерсант станет отдавать предпочтение своей фирме, чиновник начнет за счет фонда решать личные дела, примеры этого у нас есть. Может быть, этим должна заняться церковь, но она сейчас тоже в сложной ситуации. Одним словом, нужен честный человек, и под его имя я бы стал давать деньги. А вообще, социальное служение - это дело политиков, а не бизнесменов, но политики у нас заняты другим делом, голоса бедных они не слышат. А бизнесмены за счет налогов вынуждены поддерживать тех старых русских, которые сидят в многочисленных аппаратах. То, что моя фирма зарабатывает за год, какой-нибудь министр может истратить за день. Так сколько таких фирм надо разорить, чтобы содержать все наши

Дни памяти Игоря Дедкова в Костроме. В центре - Сергей Галичев. Фото Александра Хурсяка.

министерства и ведомства. У меня на 600 рабочих управленческий аппарат всего 25 человек, хотя по всем нормам положено иметь 10 процентов, т.е. 60 человек. Но я вынужден сокращать свой аппарат, чтобы содержать государственный. Сейчас, чтобы нормально жить, человек должен получать в месяц миллион рублей. Чтобы выплатить рабочему такую зарплату, я 600 тысяч в виде налогов должен отдать государству. И эта цифра постоянно увеличивается. Налоговая политика у нас ведет к обнищанию - и бюджета, и народа. Пирамида, стоящая вершиной вниз, долго не продержится. Но при всем этом налоги - мелочь, по сравнению с теми деньгами, что сейчас вывозятся за границу. И при этом мы не можем помочь бабушке, показанной недавно по телевизору, которой не на что купить хлеба и кильки. Я ей сейчас тоже не могу помочь, потому что сам уже 3 месяца не получаю зарплату, отдавая ее тем, кто меня контролирует и проверяет. Карательных органов у нас сейчас столько, что они уже в трех зданиях не умещаются.

- *Сергей Вячеславович, какая у Вас мечта?*

- Самая первая - выдать всем зарплату и вовремя сдать хорошие дома. Затем - немного похудеть. А в будущем - передать свое дело детям. Чтобы был у нас в Костроме семейный строительный бизнес.

Беседовал
Николай МУРЕНИН

«Сия часовня воздвигнута в честь и память Св. великомученика Феодора Стратилата, покровителя града Костромы, при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Алексии II, при святительстве преосвященного Александра, архиепископа Костромского и Галичского, старанием главы городского самоуправления Бориса Коробова, на пожертвования гражданина Сергия Галичева.»

Надпись на памятной доске.

Sergei GALICHEV:

"ONE COULD EASILY GET FINED NOWADAYS FOR CHARITY ACTIVITIES"

A well-known businessman in Kostroma, the author of the article gives his opinion on the traditions of patronage and charity in Russia, on the problems he has to face in his building business and actions of charity.

Sergei GALITCHEW:

"FUR JEGLICHE WOHLTÄTIGKEIT KANN MAN HEUTE BESTRAFT WERDEN"

Der in Kostroma bekannte Unternehmer überlegt über die Tradition des Mäzenatentums und über die Philanthropie, erzählt über seine ersten Schritte im Baugeschäft und über die sozialen Probleme, die bei den Wohltaten aufkommen.

Галина УСЕНКО

БЕДНЫЕ ДЕНЬГИ

Это и есть самое большое искушение государственной благотворительности: если бы денег было больше, государство смогло бы помочь всем. "На самом деле мы заложники экономической политики. Была бы у людей достойная зарплата и пенсия, им не пришлось бы становиться в очередь за бесплатной тарелкой супа или набором костей", - делится своими грустными выводами председатель комитета социальной защиты населения города Костромы Валентина Михайловна Зайцева.

Государственная "ориентация на благотворительность" (а не на производство) создала целый инструментарий - из постановлений, положений, инструкций и прочих бумаг - позволяющих человеку умереть не сразу, а постепенно.

Работники социальных служб - крайние. От их ответственности, разворотливости, человеколюбия зависит удастся ли подхватить вытолкнутого из жизни человека. Государство казнит. Но и милует тоже государство. Сначала делает человека несчастным, а потом протягивает ему руку - держись! Не всем, разумеется, протягивает. По одежке. Но "средняя температура по палате" становится ниже, концентрация несчастья в обществе разбавляется... Бог вам в помощь, искатели и делители средств, превращенных политиками в подаяние. Между миражом и реальностью только усилия личности - от социального работника до губернатора - позволяют надеяться хоть на какой-то положительный результат.

Может быть, именно благодаря "политике личного участия" Кострома добрее других городов. Ее объективная бедность (область дотационная) приучила костромичей довольствоваться малым, и это малое принимать с благодарностью. Не составляет труда вызвать восторг нашими социальными приоритетами у людей, далеких от нищеты, - достаточно поинтересоваться деятельностью всех тех структур, через которые и осуществляется спасение нации.

Цифры действительно впечатляют. За полугодие только по Костроме более 20 тысяч граждан получили различные виды помощи, более 750 миллионов рублей потрачено на их защиту. Если приплюсовать сюда затраты областного управления социальной защиты, фонда социальной поддержки, выплаты из профсоюзных касс, то сытым - в Москве! - вполне может показаться, что проблема социальной защиты в Костроме, как впрочем, и по всей России решена: нищих прокормили, а бедных у нас нет! Невозможно всерьез принимать законодателей, допускающих, что минимальная заработная плата может составлять одну пятую прожиточного минимума.

Уязвимость, если не сказать ущербность нынешних идей официальной благотворительности становится тем очевиднее, чем быстрее растет потребность населения в социальной милостыне. Делить мы умеем, но человеческая жизнь, к сожалению, имеет физиологический предел. Давая каждому по рыбке, всех остронуждающихся не спасешь. Спасением для многих была бы удочка - для одних в буквальном смысле, для других - в виде государственных проектов по борьбе с безработицей. Но это направление для общества целина.

Пока бедные ненавидят богатых, а богатые - бедных, оспаривая друг перед другом право считаться носителями идей исторической справедливости, социальные службы будут буфером между ними, их умение среди бедных выбирать самых бедных вряд ли убережет страну от социальных взрывов. Чтобы защитить старика, больного, поддержать беженца, их можно одеть, накормить, дать им денег на лекарства, оказать любую другую материальную помощь. С детьми сложнее, им нужна воспитательная идея, которая помогла бы выжить. Вынуждая многодетные семьи довольствоваться одной парой башмаков на троих, лишая молодых мировоззренческой опоры, общество сознательно идет на воспроизводство формации паразитарно бедных людей.

Кострома эти тенденции улавливает. Но воспитать в "отдельно взятой области" поколение определенно мыслящих людей никому еще не удавалось. Может быть, какие-то институты в стране и изучают проблемы социальной инженерии, реализация этих проектов вязнет не только в безденежье, но и в дремучей уверенности, что нарождающийся рынок сам отрегулирует человеческие отношения. Он и регулирует: учит обороняться, а не создавать.

Градус милосердия в обществе стремительно падает. Не только богатые отторгают бедных, бедные теряют сочувствие к тем, кто беднее их. Как лепрозории воспринимает общественность ночлежки, приюты. Социальным работникам иной раз проще найти деньги на открытие подобного учреждения, чем примирить с фактом его существования жителей соседних домов. Областной центр социальной реабилитации несовершеннолетних, попросту говоря - приют, выстоял, слава Богу, в этой пролетарской битве. Теперь создается второй такой центр, городской, и проблема его, так сказать, "социального внедрения" остается пока открытой.

На фоне этого нравственного неблагополучия верность христианским идеям добра кажется подвигом, объектами общенациональной благотворительности наши несчастные дети станут, похоже, не скоро.

Именно поэтому всяческой поддержки заслуживает попытка служб социальной защиты Костромы и области защитить и обогреть сирот, детей-инвалидов, больных, оставшихся без попечительства родителей. Поездка на загородную дачу, полноценное питание в центре со-

циального обслуживания, оздоровительный клуб - хотя бы за это зацепиться, пока социальные приоритеты, декларируемые государством, не превратятся в реальность.

В какой-то из газет был недавно снимок: сгорбленная старушка с миской супа возле окошка бесплатного, по-видимому, раздаточного пункта, а внизу надпись: благотворительность по-русски. Сначала подумала: какое унижение! А потом - дай Бог, чтобы этого супа хватило всем.

"Нам на местах бессмысленно обсуждать несовершенство государственной социальной политики, нам надо спасать конкретных людей" - считает исполняющая обязанности директора Костромского территориального центра социального обслуживания населения Валентина Ивановна Кузнецова. У центра есть девиз: "Лечить сердце сердцем". Может быть, завтрашние реалии убедят нас в неэ[ф]фективности этого метода, но сегодня, кажется, именно на нем еще держится зарождающаяся благотворительность.

Закон, вложенный капитал, учреждения социальной защиты... Три позиции, определяющие качество социальной политики. И каждая, увы, не без греха. Хорош закон - нет денег, есть деньги - плох закон. Все достаточно традиционно, как говорит российский премьер: "Хотели, как лучше, а получилось, как всегда".

Бедных денег просто не может быть много, даже если решение областной администрации о выплате фонду социальной поддержки населения двух миллиардов в течение года покажется кому-то тройным сальто-мортале. Но важнее, наверно, то, что деньги доходят до людей, попавших в цейтнот - в результате пожара, смерча в Пыщуге или медицинского приговора, предписывающего дорогостоящую операцию.

Владимир Иванович Балыбердин - председатель правления этого фонда поражает своим педантизмом: полный отчет за каждую копейку. Столько-то денег ушло на ежемесячные пособия слабозащищенным категориям населения. Столько-то больным, инвалидам по зрению, по слуху, семьям погибших военнослужащих, стипендиатам профтехучилищ...

Отчего же щедрая эта профессия работника социальной защиты так скупа на моральное удовлетворение? "Тяжело видеть, как люди страдают, не имея возможности им помочь". Все, с кем обсуждаешь проблемы государственной благотворительности, говорят одно и то же. Дозированность помощи - вот что больше всего удручает. Человеку на грани нищеты трудно объяснить, что сегодня он не попадает в те категории, которые уже за гранью. Благие намерения государства упредить этот процесс ощутимых результатов не дали - реформаторы не рассчитывали, что основным источником благотворительности станет все тот же государственный карман.

За прошлый год в областной фонд социальной поддержки поступило лишь 2 миллиона 450 тысяч благотворительных взносов, что составило 0,3 процента его доходной части. Можно говорить лишь о традициях российской благотворительности. Утверждать, что новые русские являются преемниками этих традиций значит (по меньшей мере) выдавать желаемое за действительное. Потребуется не одно поколение, чтобы богатые научились подавать, а бедные брать. Отдельные случаи - не в счет, но и они чаще всего продиктованы не столько потребностью творить благо для общества, сколько желанием откупиться от него, суеверным стремлением покаяться за то, что "легкие" деньги "приплыли" именно к нему, а не к кому-то другому.

"Чем больше будет богатых, тем лучше мы будем жить" - этот идеологический слоган, предназначенный для регулировки социальной напряженности, сегодня выходит из обихода. Равнодушие государства к людям, знающим свое дело, специалистам, мастерам, еще вчера составляющим гордость державы, лишает общество надежды на средний класс, а в конечном счете - надежды на сохранение достоинства. Откуда тогда взяться качеству жизни? Кто заработает деньги на дотации, пособия, социальные пенсии и иные виды помощи, которыми политики расплачиваются с нами за то, что мы дали им власть? Не этот ли "благотворительный взнос" бумерангом ударил по нашей сегодняшней жизни...

Социальная защита для нас - как залог, последняя иллюзия о милосердии государства. Научившись раздавать милостыни, оно так и не научилось творить благо. Осваивать эту науку предстоит не только социальным работникам, но и политикам. Время деклараций социальных приоритетов прошло. Бедность подстерегает!

Galina USENKO

MONEY FOR THE POOR

The ideological slogan "The more rich people, the better our life will become" has by now exhausted itself. The state has just shown its total indifference to its citizens, the best representatives of the nation including. Brilliant professionals, who only yesterday presented the fame and dignity of the nation, find themselves thrown out of life. Social protection, which looks like giving alms to beggers, is certainly not sufficient and just offends people's dignity. That is a very poor substitute for a thoughtful social policy of the state itself. The time for declarations is over. Poverty is watching round the corner.

Galina USENKO

ARMES GELD

"Je mehr es Reiche gibt, desto besser werden wir leben" - diese für die Regelung der sozialn Entspannung bestimmte ideologische Losung ist heutzutage nicht mehr gebräulich. Gleichgültigkeit vom Staat zu den Menschen, Handwerkern, Fachleuten, Meistern, welche vor kurzem den Stolz des Staates gebildet haben, nimmt von der Gesellschaft die Hoffnung auf die mittlere Klasse und, letzten Endes, die Hoffnung auf die Erhaltung des Selbstbewusstseins ab. Sozialer Schutz ist fur uns als die letzte Illusion auf die Barmherzigkeit des Staates. Es hat gelernt Almlosen zu verteilen aber nichts etwas gutes zu tun. Diese Wissenschaft ist nicht nur den Sozialarbeitern, sondern auch den Politikern zu lernen.

Георгий ЭДЕЛЬШТЕЙН:

"КАК МОЖНО УВИДЕТЬ РОССИЮ"

- Отец Георгий, согласитесь, не каждому священнику сельского прихода, даже владеющему несколькими языками, как вы, удалось бы такое. Три храма сдать под ключ и вот четвертый - не за горами. Может быть, вы знаете еще какой-то особый язык для разговора с благотворителями?

- Не преувеличивайте. Все очень просто. Мое общение с разными группами иностранцев, жаждущих узнать Россию, началось задолго до перестроечных реформ, а когда началась "эйфория демократизации", наплыв туристов и представительств разных организаций в Москву был столь велик, что почти каждый день в гостиницах "Метрополь", "Космос" и других устраивались шикарные банкеты, которыми обычно заканчивалось двухнедельное или десятидневное пребывание иностранцев в России. Здесь, на банкетах, обычно произносились высокопарные речи и, как водится, приглашался русский священник, чтобы он тоже что-то сказал о России и ее нуждах.

Мне не хотелось огорчать наших гостей, но каждый раз приходилось говорить, что они не узнали России по тем экскурсионным маршрутам, где их возят: "посмотрите налево - посмотрите направо", "выходим на 10 минут", "на обед в ресторан"... Они могут дома показывать фотоснимки, которые сделали в Москве, или даже фильмы, но никогда при этом не следует говорить, что они увидели Россию. В гостиницы, в которых они проживают, пускают только две группы российских граждан - фарцовщиков и валютных проституток. У вас сейчас на столах, - говорил я, - черная и красная икра, севрюга, белуга. А мои прихожане не едят этого ни одного раза в году и даже никогда, может быть, этого не увидят.

Да, Россия начинается в Москве, но тянется далеко-далеко до Вохмы, Пыщуга, Павина... А Макарьев на Унже, старый монастырь со святым источником - вот где надо побывать, если вы хотите увидеть и почувствовать Россию. Пожалуйста, господа, вы можете приехать на приходы в Ушаково, Яковлевское, Карабаново. Живите в тех домах, в которых живут мои прихожане, ешьте ту пищу, которую они едят. Беседуйте с людьми, смотрите...

Отец Георгий Эдельштейн - настоятель Воскресенской церкви в селе Карабаново Красносельского района. Благодаря сотрудничеству с европейскими и американскими благотворительными организациями и частными лицами, ему удалось в течение пяти лет восстановить для служения четыре храма в сельской глубинке Костромской области.

Here is an interview with father George, now Dean of the Orthodox Church in the village of Karabanovo, Krasnoselsky district, Kostroma region. Father George, who has been most active these years in restoring churches and building parishhouses, shares his experience in contacts with charity organizations and friends from different countries.

Hier ist ein Interview mit dem Vater Georgi, dem jetztigen Geistlichen im Dorf Karabanowo, Krasnoselski Rayon, Region Kostroma. Vater Georgi, welcher in diesen Jahren in der Restoration der Kirchen und in dem Bau der Gotteshäuser in den Kirchengemeinden sehr aktiv war, vermittelt seine Eindrücke über die Kontakten mit den philanthropischen Organisationen und Freunden aus den verschiedenen Ländern.

Любопытно, но несколько человек, действительно, приехали тогда, и с тех пор у нас перебывало много гостей, и сейчас на приходе в Карабанове живут семеро датчан.

- И так вы нашли попечителей для церковных строек?

- Увы, никто в России не дал ни копейки на восстановление Карабановской церкви. Она была построена на деньги норвежских лютеран и канадского баптиста. Судьба древних российских родов Готовцевых, Нащокиных, памятников истории и культуры, видимо, ближе им, чем нам...

Был такой милый застенчивый парень - Сережа Магарам, кстати, православный христианин в первом поколении. Так вот, его волновала почему-то их судьба. Он давал то на крышу, то на купол, то на крест для храмов в селах Карабаново и Шишкино. Полгода назад Сергей погиб в автомобильной катастрофе, и больше никто ни разу не пожертвовал на храм.

Из архивной справки знаем, кто строил церковь в Карабаново. Она сооружалась на средства прихожан, живших в Карабаново, Новинках, тогда они давали деньги и сами участвовали в строительстве. А сегодня число таких участвователей и жертвователей сократилось на сто процентов.

- Может, наша общая бедность здесь виновата? Как вы думаете?

- Бедность? Все только и говорят об экономическом кризисе. Все признают, что у нас есть и политический кризис. А экологический? О, да! Но почему мы не можем понять, что все исходит от одного корня. Это духовный кризис, вот что. Когда-то одну из своих речей Александр Солженицын начал так: "Люди забыли Бога..." Всегда на Руси знали, что за этим следует. Если татаро-монголы напали на Русь, разгромили и сожгли ее, то летописец писал не об экономических и политических причинах поражения князей, он говорил "грехов наших ради пришли пога-

ные на Русь и потоптали, и убили, и сожгли".

Смутное время. Раньше всегда знали из-за чего у нас эта смута, из-за чего на Руси кругом воры. Да, именно так - политический деятель, которого интересует только собственное обогащение и амбиции - это вор. О таких раньше говорили: он - вор тушинский.

- Люди забыли Бога. Но будем надеяться, они его вспомнят. Ведь была же и другая Россия... Ведь, наверное, во имя этой другой России и идет в Кострому, благодаря вашему содействию, большая благотворительная помощь. Расскажите о ней.

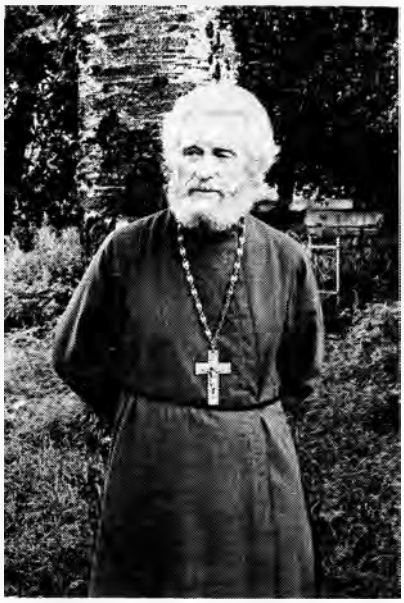
- Самая серьезная реакция на российские проблемы еще в 1989 году последовала со стороны господина Иоганнеса Оствайта, бывшего тогда членом Норвежского парламента и долгое время возглавлявшего лютеранскую миссию "К Востоку" (в годы тоталитаризма ее название было "За железный занавес"). Именно он организовал систематическую благотворительную помощь Костроме и нашей области. То, что мне за эти годы удалось восстановить буквально из руин церковь в с. Карабаново и начать восстановительные работы на церковном комплексе в с. Шишкино Судиславского района тоже, в основном, его заслуга.

Во время поездок за границу, по приглашению различных организаций, в том числе и благотворительных, не раз приходилось поражаться, как эмигранты из России второй и первой волны сохраняют живой интерес и духовную связь с родиной их предков. Именно они чаще всего выступают инициаторами помощи России. Так была собрана первая гуманитарная помощь в Кострому - благодаря прихожанам церкви Иоанна Крестителя в Вашингтоне, где настоятелем отец Виктор Потапов. Они даже приезжали сюда, чтобы вместе потрудиться на русском приходе.

Заинтересовался русской провинцией швейцарский институт "Вера во II-м мире". Руководитель и издатель одноименного журнала Евгений Росс и его сотрудники помогли многими добрыми делами, в том числе и Костромской епархии. На их деньги выстроен церковный дом в с. Яковлевском, поддерживали они многодетных, заключенных в тюрьмы и колонии.

Особо стоит сказать о помощи костромским заключенным американских "мормонов". Официально они называют себя "Церковью последних дней Христа". И до них разные иностранные делегации бывали в местах заключения, обещали помощь, но одни лишь "мормоны", стоящие как бы на окраине христианского мира, дважды включили в гуманитарный груз в Кострому и одежду, и солдатские шерстяные одеяла для заключенных.

Во время поездки в Швейцарию установлены были и первые контакты с Международной благотворительной организацией "Христианская солидарность", которая в 1991 году отправила большую партию продовольствия для нуждающихся семей Костромы - сахар, рис, масло, витамины. Их тогда получили многодетные семьи, инвалиды, нуждающиеся учащиеся.



о. Георгий в с. Яковлевское.

Когда по приглашению христианской просветительской организации "Крид" (расшифровывается как "Христианское обновление возникающих демократий") я ездил читать лекции на международных конференциях в Принстоне (шт. Нью-Йорк), там тоже состоялись полезные контакты. После них директор организации Дисон Кроссли стал собирать гуманитарные грузы для костромских приходов, сирот, многодетных семей.

За четыре года Благотворительный независимый центр в Костроме, занятый доставкой гуманитарных грузов, принял столько организаций и частных лиц, желающих помочь нуждающимся в России вещами, продуктами, игрушками и книжками для детей, что всех перечислить даже трудно...

- А детские цветные, хорошо иллюстрированные библии на сельских приходах, кого за них благодарить?

- Это издание института перевода Библии в Стокгольме. В 1982 г. институт впервые издал детскую библию на русском и на армянском языках. А с 1985 года стал добиваться легального ввоза в нашу страну богословской литературы на языках народов бывшего Союза, в том числе, например, узбекском, киргизском, т.е. народов, традиционно исповедующих ислам. В 1988 году к 1000-летию крещения Руси Швеция, Норвегия и Дания предложили в дар русскому народу 150 тысяч экземпляров фундаментального издания - 3-х томной толковой Библии (известной как Лопухинская). Она была напечатана Институтом перевода Библии благодаря значительной финансовой помощи правительств 3-х скандинавских стран. Тогда официальные гражданские и церковные власти еще долго "колебались" и "согласовывали" возможность принять этот щедрый дар от протестантов. На деньги Норвежской миссии "К Востоку" за последние годы в Библейском обществе в Москве были закуплены несколько тысяч разных изданий Библии и Евангелия, в том числе для самых бедных сельских приходов.

- Ваше самое сильное впечатление от сотрудничества с иностранными благотворителями?

- Знаете, что особенно приятно было видеть? Что люди готовы не только давать "от избытков своих". Ведь не секрет, что в гуманитарной помощи очень часто попадаются вещи, которые мало кому подходят. Они вышли из моды, устарели - дети выросли, взрослые состарились.

Когда наши друзья приезжали в Россию, они работали так же как и мы. В селе Яковлевское под Костромой наши друзья из зарубежья копали траншеи под фундамент будущей котельной храма, вытаскивали из церкви мусор, прежде здесь был колхозный склад. Работали взрослые и их дети. Там были, кстати, и сыновья отца Виктора Потапова, Марк и Сергей.

Вот уже несколько лет приезжает на наши приходы американская команда, входящая в Международную лигу атлетов. Наши гости не только раздавали ребятам майки, джинсы, футболки, мячи, но и убирали, чистили кладбище в селе Карабаново, вырубали засохшие деревья, "пололи" крапиву, вынесли с кладбища горы водочных бутылок, банок от краски, ржавой проволоки от сгнивших венков.

Воскресенская церковь в с. Карабаново. 1992 г.

В свой приезд летом 1994 года они по щиколотку в грязи шли в село Шишкино Судиславского района, сложили в храме, который там восстанавливается, "поленницу" кирпича, разбросанного во дворе, что-то там поели вместе с нашими рабочими, а потом по этой же грязи вернулись в свой комфортабельный автобус и сразу же поехали в Яковлевское играть с местной командой в футбол. Кстати, эта команда, приезжая, посещала и места заключения, и в течение двух последних лет уже провела несколько дружеских матчей в колонии для несовершеннолетних и даже в колонии строгого режима. Именно в таком непосредственном участии и общении, совместном труде и совместной трапезе и рождается настоящее понимание у западного человека русской жизни, ее нужд и тягот. Это гораздо более эффективный путь к единению, чем деятельность политизированных экуменистических организаций.

Беседовала
Антонина БЕЛОЗЕРОВА

Rev. George EDELSTEIN

HOW ONE SHOULD GET TO KNOW REAL RUSSIA

Wherever I happened to meet Christians from abroad who were interested in Russia and were eager to help, I would try to bring home to them, that Russia may begin in Moscow but does certainly not end there. It is not sufficient to sit at one table with the official representatives of the Russian Orthodox Church at certain oecumenic conferences and then drink champaign and eat caviar with them at the restaurant to get an idea of what Russia really is. I am now glad that so many Christians of different countries and various denominations followed my advice and went to far-off places in the Russian province to learn Russian life and Russian people. Norwegian, Danish, American people stayed at my parishes, helped to tidy up the old grave-yards, to carry building material, were digging the ground and painting the fences and walls. It is actually on the money of American Russian Orthodoxes, Norwegian Luterans and a Canadian baptist that the church in Karabanovo has been restored from ruins. Those friends from abroad who worked side by side with my villagers and ate with them their food and then attended together the service at our church have gained the right to say that they do know Russia now.

Ehr. Georgi EDELSTEIN

WIE MUß MAN ECHTES RUßLAND KENNENLERNEN

Wenn ich mich mit den Christinen bzw. Christen vom Ausland, welche sich fur Rußland interessierten, getroffen habe, versuchte ich den Menschen beizubringen, daß Rußland sich von Moskau anfangen möge, aber sicherlich dort nicht endet. Um zu verstehen was Rußland ist, genügt es nicht an demselben Tisch mit den offiziellen Vetretern der russischen Orthodoxkirche an verschiedenen okumenischen Konferenzen zusammenzusitzen, im Restaurant Champagner zu trinken oder Kaviar zu essen. Ich bin froh, daß so viele Christinen bzw.Christen von den verschiedenen Ländern und den verschiedensten Konfessionen meinen Rat befolgen haben und zu den entfernten Orten in der russischen Provinz fuhren, um das Leben in Rußland zu lernen. Die in meinem Kirchengemeinde verbleibenden Norwegen, Dänen, Amerikanern haben geholfen die alten Friedhöfe in Ordnung bringen, Baumaterialien tragen, Erde graben und Zäune und Wände streichen. Durch die Gelder von dem amerikanischen Orthodoxen, dem norwegischen Lutheraner und kanadischen Baptist wurde die Kirche in Karabanowo restauriert. Die Freunde vom Ausland, welche zusammen mit den Dorfbewohnern gearbeitet, ihre Speisen gegessen und die Gottesdienste besucht haben, können mit Recht sagen, daß sie jetzt Rußland kennen.

Анита ЭДЕЛЬШТЕЙН

ТВОРИТЬ ДОБРО МОЖЕТ КАЖДЫЙ

Кто не помнит сценку из жизни доброй старой Англии: когда жена викария или другая просто благочестивая англичанка набивает корзинку разной едой и отправляется разносить ее по больным и бедным жителям городка. Или сидит и вяжет варежки и чулочки для детей бедняков. Иногда это делается по зову сердца, иногда во исполнение христианского долга, иногда, к сожалению, и для видимости. Но в отличие от нашей исторической действительности, эта добрая традиция в западных странах никогда не прерывалась. Конечно, и там радикалы разных мастей, зачастую, делали благотворительность мишенью едкого сарказма. Да никто и не стал бы доказывать критикам социальной несправедливости в обществе, что именно так можно решить все проблемы. Просто Спаситель сказал: "Так как вы сделали это [добро] одному из всех братьев Моих меньших, то сделали Мне"(МФ., глава 25, 40). И люди, выросшие на непрерывавшейся христианской цивилизации усваивают это с детства. Справедливости ради, стоит заметить, что само понятие милосердие существовало в той или иной степени и в дохристианских цивилизациях, не говоря уже о строгих предписаниях Ветхого Завета относительно милости к ближнему. Впитало эту заповедь и более позднее мусульманство.

Но, разумеется, нигде идея служения ближнему не достигала такой степени самопожертвования как в религии, основанной Агнцем, добровольно отдавшим Себя на заклание "за други своя".

Всегда, во все века, наряду со стяжателями, грабителями и убийцами были христиане, не мыслившие своей жизни без деятельной любви к ближнему.

Вспомним светлый образ Великой Княгини Елизаветы, Святой Елизаветы-мученицы, - не только пожертвовавшей все свои богатства на создание Марфо-Мариинской обители, но и бродившей в любую погоду по самым страшным московским трущобам в поисках больных и нищих, нуждавшихся в помощи. Самой отвозившей многих из них в больницу, в богадельню при монастыре, самой ночами напролет выхаживавшей самых тяжелых больных. Но и простые грешники, далекие от святости, богатые и бедные считали своим долгом жертвовать на сирот, убогих, больных - кто последнюю лепту, кто долю от своих миллионов. Правда, в советское время нескольким поколениям успели вдолбить, что все эти господа Морозовы и Рябушинские со всей их благотворительностью и меценатством просто эксплуататоры-лицемеры. Только теперь общество постепенно начинает осознавать, что богатые и бедные как были, так и будут, что абсолютной социальной справедливости на свете не бывает, а творить добро дозволено всякому.

Пять лет назад, когда только-только начались скачки инфляции, задолго до возникновения "органов" социальной защиты разных уровней, христиане из разных стран - Америки, Швейцарии, Англии, - начали нам задавать обеспокоенные вопросы: хватает ли семьям на жизнь? Чем и как лучше помочь?

Как-то от совершенно незнакомой нам семьи Констам из Швейцарии стали вдруг приходить одна за другой на наш домашний адрес посылки. Пришлось тогда самим находить людей - через общество инвалидов, через работников детских домов, через сельсоветы - которым эти вещи были бы необходимы в первую очередь. А потом получила письмо с фотографией этой семьи с детьми - оказывается, они сами воспитывают двух приемных девочек из Индии... Другие семьи из Швейцарии эпизодически посылают вот уже в течение четырех лет индивидуальные посылки нескольким многодетным семьям и семьям с приемными детьми. Прибывают иногда и неожиданные посылки - из Германии, Англии, Норвегии от людей с нами не знакомых, но тем или иным образом узнавших адреса нуждающихся. Приезжают журналисты, учителя, спортсмены - с какой бы целью не приехали, как правило, привозят подарки для детей.

И все же до марта 1992 года ни о какой системной помощи речи быть не могло - не было ни организации, ни фондов. Впервые со мной о такой возможности заговорил Иоганнес Оствайт, приехавший тогда к нам в гости в Кострому. Наш норвежский гость, к тому времени уже не руководитель миссии "К Востоку", а ее секретарь, поездил тогда, впервые, по приходам, увидел пустые витрины городских и сельских магазинов, ознакомился с материальным положением некоторых семей, - и предложил организовать сбор денег по Норвегии для регулярной помощи Костроме. Пришлось срочно искать сотрудников для сбора информации, выработки видов деятельности. Так при "Женской газете", издававшейся тогда в Костроме, впервые возникла наша маленькая группа из 3-4 человек, были собраны списки нуждающихся, инвалидов, сирот на опеке матерей-одиночек, многодетных. С тех пор в течение трех лет наши норвежские друзья ни разу не подвели нас, благодаря им, мы помогли сотням семей в городе и области. Старались, по возможности, и занимать детей интересными делами - рукоделием, выходами на концерты, походами в цирк, семейными вечера-

ми. И обязательной всегда была новогодняя елка и подарки к рождеству.

Столкнулись и с тяжелыми детскими недугами, по некоторым случаям стали связываться и с зарубежными медиками. Непосредственную медицинскую помощь оказать не смогли, но после нашей поездки в Норвегию зимой 1993 года семья Стокштад в память об умершем от рака отце дважды собирала фонд для детей больных лейкемией. Смогли купить дефицитные лекарства, двум детям помочь удалить опухоль, другим помочь с лечением. Неожиданно поступили частные фонды от госпожи Эвелин Аарфлот и Скайе-Скока - для лечения больных детей, чьи фотографии мы показывали в Норвегии во время нашей поездки. Таково сознание христианского (и простого человеческого) долга у людей, близко столкнувшихся с несчастьем. Далекие люди вдруг становятся самыми близкими друзьями.

Летом 1994 года к нам приехала госпожа Линнет Хорват, директор американской миссии "Источник жизни". Привезла с собой большие чемоданы с лекарствами, очень живо интересовалась нуждами людей. Уехав, сразу же организовала в Штатах совместно с организацией "Международная помощь" большую партию отличного детского питания для грудничков знаменитой фирмы "Гербер". В далеких селах, где нынешняя зима особенно тяжела, и где детское питание никогда не продавалось, его можно было видеть на городских прилавках, детишки в больницах, яслях, садиках с удовольствием пьют американские соки и едят куриные сосиски.

Надо сказать, что люди, зачастую, занимаются организацией такой помощи самоотверженно, не считаясь ни с собственными нуждами, ни с семейными проблемами. Так, Линнет - мать четырех детей, у нее семья с весьма ограниченными доходами, сын болеет, сама Линнет долго вынуждена была жить на пособие по безработице, чтобы ездить в Белоруссию и Россию помогать, в первую очередь, чернобыльским детям.

Многих очных и заочных друзей хотелось бы поблагодарить поименно, и да простят мне те, которых я здесь не успела перечислить.

Вечер для многодетных семей в с. Шунга.

Рождественская елка в соматическом отделении областной больницы.

В семье Алексеевых из Костромы скоро будет 14 детей.

Anita EDELSTEIN

THE ROAD TO CHARITY IS OPEN TO EVERYONE

About 5 years have already passed since that memorable day, when Mr.Ostweit, former member of the Norwegian Parliament, who had for many years been the head of the Luteran Mission "Behind the Curtain" (now - "To the East"), came first as our guest to Kostroma. After walking along the streets in those first years of "perestroyka", dropping into the empty shops, talking to depressed and disconragated people, he suddenly offered regular support for the wanting. To try and provide fair distribution of the means, I had to get together with some women who grouped around "The Women's Gazette" then. So, by slow degrees, after sending out questionalies, our Charity Centre appeared. We distributed money, clothes, food from Europe and America, then organized parties and camps for those children, who had no other opportunities for a rest. We have always tried to help those, who needed support in the first place - families with 3-11 children, disabled children and grown-ups, orphans. People from Switherland, Norway, Britain, America have sent by now dozens of parcels to families and family homes in Kostroma region. For 3 years different Norwegian Families have been sending money for children ill with cancer. Expensive cures and operations were performed only due to these wonderful people.

Anita EDELSTEIN

DAS GUTE SCHAFFEN KANN JEDER

Fast 5 Jahre sind vom diesen denkwürdigen Tag verstrichen, wann Herr Ostwiet, Exmitglied des norwegischen Parlaments und von vielen Jahren der Haupt der lüteranischen Mission "Hinter dem Vorhang" (jetzt "Zu den Osten ") zum ersten Mal als unser Gast nach Kostroma kam. Nach dem Spaziergang durch die Straßen in den ersten Jahren der "Perestrojka", Besuch der leeren Geschäfte, den Gesprächen mit den deprimierten Menschen, hat er plötzlich die Unterstützung fur die Bedürftigten vorgeschlagen. Um die gerechtige Verteilung der Mittel zu gewährleisten, mußte ich mich mit den Frauen treffen, welche sich um "Die Frauenzeitung" gruppierten. Also, mit den kleinen Schritten trat unser Barmherzigkeitszentrum auf. Wir verteilten Geld, Kleidung, Essen aus Europa und Amerika, organisierten Lager für die Kinder, welche keine Möglichkeit für die Erhohlung gehabt haben. Wir haben uns bemüht immer denjenigen zu helfen, die Unterstützung von den anderen brauchen - Familien mit 3-13 Kindern, Krüppeln, Waisen. Bis heute haben die Menschen aus der Schweiz, Norwegen, England, Amerika eine Menge von Paketen zu den Familien in der Region Kostroma abgesendet. Verschiedene norwegische Familien haben innerhalb von 3 Jahren das Geld fur die Kinder mit Krebs geschickt. Teuere Behandlungen und Operationen wurden nur dank diesen wunderbaren Menschen durchgeführt.

МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

"Милостыня, подаваемая от времени до времени нищему, отнюдь не исчерпывает обязанностей со стороны государства: на нем лежит долг обеспечить граждан..."
Монтескье Ш. "О духе законов"

Пожалуйста, вглядитесь в лица этих детей и взрослых. Все они нуждаются в помощи. Но как бы не страшна была бедность, сколько радости и тепла дарит им жизнь. Семья. Если бы она была у всех.

Ангел хранитель, приведи к сиротам людей добрых, чистых и бескорыстных. Таких как Лиза Соловьева, воспитавшая шестерых малышек, брошенных в Костромском Доме ребенка в грудном возрасте с неизлечимыми, казалось, болезнями. Старшей из них, Любочке, теперь уже 20 лет, она сама недавно стала мамой. Все они здоровы, Слава Богу!

Еще два семейных детских дома благодаря пожертвованиям Норвежской христианской миссии "К Востоку" смог поддержать частный благотворительный центр Аниты Эдельштейн. И таких удивительных мам: Любовь Андрееву из Нерехты, у нее шестеро приемных детей, Ирину Юдинцеву, взявшую вместе с мужем Андреем из детского дома двоих больных детей, брата и сестру - двум своим малышкам.

К сожалению, такие семейные детские дома государство наше не спешит включить в федеральную программу финансирования, они находятся на местном финансиро-

Самые младшие. Семейный детский дом Андрея и Ирины Юдинцевых нуждается в помощи. Адрес: Костромская обл., г. Шарья, ул. Громова, 62.

вании, а что это сегодня значит, понятно без объяснений.

Даже и те многодетные семьи, которые получают государственное пособие на детей, и где кормильцы чудом остались не сокращенными с рабочих мест, едва сводят концы с концами. Иногда на несколько месяцев им задерживается заработная плата или выдается товарами, которые не все умеют распродавать и на это жить.

А вот в семье трагедия. Так, например, случилось у Монаховых. Девять детей остались без отца. Если бы не гуманитарная помощь и средства норвежских друзей, кто знает, как бы им удалось прожить. Сотрудница центра Наталья Васильевна Филиппова ведет у них на дому кружок рукоделия, а летом дети на средства Норвежской миссии "К Востоку" отдыхали в лагере. Мир не без добрых людей.

Семейный детский дом Елизаветы Соловьевой.

Адреса для помощи:

г. Кострома, ул. Свердлова, д. 78, кв. 4. Монахова Галина Алексеевна, многодетная семья - девять детей.

Костромская обл., п. Сусанино, ул. Леонова, д. 2, кв. 49. Соловьева Елизавета Александровна, семейный детский дом - шестеро детей.

г. Кострома, ул. Профсоюзная, д. 29, кв. 56. Алексеева Нина Сергеевна мать многодетной семьи - 14 детей.

Костромская обл., Костромской р-н, п. Никольское, ул. Школьная, д. 10, кв. 28. Иванова Татьяна Львовна, многодетная семья - 6 человек.

г. Кострома, ул. Ленина, 100-Б, кв. 120. Орановская Татьяна Евгеньевна, вдова, семья - 6 детей.

г. Кострома, Давыдовский-2, дом 33, кв. 89. Тихонов Лев Васильевич, 1928 г. рожд., - вдовец, семья 5 детей, старшему - 10 лет, младшему - 5 лет.

Костромская обл., Костромской р-н, д. Некрасово, ул. Тихая, д. 11, кв. 4. Юдичева Елена Анатольевна, семья - шесть детей.

г. Кострома, ул. Ленина, д. 44, кв. 3. Семье Половинкиных. Восемь детей.

Семья Монаховых. Снимок на память.

Family Album

THERE ARE STILL KIND – HEARTED PEOPLE IN THIS WORLD

Please, take an attentive look at all these faces - of children and of grown-ups. All of them have their difficulties, but are still a family. And that means, that now there is kindness and concern in their lives. If only dear God would bring together those thousands of orphans in children homes and such kind-hearted and generous people, as, let us say, Liza Solovyova, a lonely woman, who has brought up 6 orphan girls. The first of them were babies, abandoned by their parents after their birth and doomed to death or life-long disableness when they were taken from the Baby home. They are not only all healthy now, thank God, but lovely and capable. The elder, Lubochka, turned 20, has now a son of her own.

Due to the kindness of the Norwegian friends, in the first place, and to other donations, all the three families have regular support from the Charity Centre.

Familienalbum

DIE WELT IST NICHT OHNE GUTE MENSCHEN

Betrachten Sie bitte aufmerksam die Gesichter dieser Kinder und Erwachsenen. Sie alle brauchen Hilfe. Wie fürchterlich Armut sein möge, so viel Freude und Wärme bekommen sie vom Leben. Wenn sie alle Familien hätten. Bitte Schutzangel bringe zu den Waisen gute und anständige Leute. Solche, wie Lisa Solowjewa, welche sechs unheilbar kranke Kinder aus dem Kostromaer Kinderheim aufgenommen und erzogen hat. Die ältere von denen heißt Ljubotchka. Sie ist schon 20 Jahre alt und ist vor kurzem selbst Mutter geworden. Gott sei Lob und dank !

Ирина СОСНИНА

«ВОТ МОЯ МАМА...»

В половине двенадцатого кто-то из детей увидел, что дверь на улицу приоткрыта. Вроде бы все гости были уже в сборе, да и в соседних домах наверняка все в эти последние предновогодние минуты сидели за праздничными столами.

- Кто же это к нам заходил?

Любовь Александровна выглянула на улицу и вдруг удивленно и радостно вскрикнула.

- Это он, он. Я его видела, он только что за калитку выходил!

- Кто? Кто?

Дети выбежали в прихожую.

- Да Дед же Мороз.

- Где он? Где?

- Скорей, скорей одевайтесь...

Но когда выскочили во двор, выбежали на улицу - везде было пусто, только разноцветные огоньки елок мерцали в праздничных окнах соседних домов.

- Но я же видела, видела - он от нас уходил... Не может быть, чтобы ошиблась. Ну не просто же так он приходил... Дети, ну давайте посмотрим, он наверняка оставил что-нибудь для вас...

Все бросились заглядывать в различные уголки двора, огорода. И вдруг мальчишки из своей снежной крепости, выстроенной на окраине огорода, закричали:

- Мы нашли, нашли! Мама, посмотри, такая же сумка, как у нас.

Потом дома сравнили: точно, своя была на месте, а эта совершенно новая, полная подарков, с самыми разными шоколадными батончиками, которые до этого дети видели, в основном, только в телевизионной рекламе. Вот это был Новый год! Первый - самый настоящий!

А потом, спустя несколько дней Вовчик подошел к Любови Александровне и очень серьезно сказал:

- Мам, я теперь все-все шоколадки попробовал. Если ты когда-нибудь захочешь нас угостить такими же, на мою долю не покупай.

- Почему Вовчик?

- Ты мне лучше покупай по одному кирпичу.

- Зачем же тебе кирпич?

- Ну ведь я еще маленький, правда? И пока я вырасту, смогу много кирпичей накопить. А потом построить себе дом.

Да, конечно, Любовь Александровна помнит, как дети однажды затеяли этот разговор.

- А мы всегда-всегда будем здесь жить?

- Конечно всегда-всегда.

- Но мы же вырастем и нам станет здесь тесно...

- Так что же у нас мужичков что ли мало. Ведь вас семеро. Соберемся все вместе да каждому по дому построим. Места-то рядом вон сколько...

Перед домом расстилалось чистое поле, и ребята, пытаясь представить эту будущую улицу, размечтались, но тут же припомнили, как дороги нынче строительные материалы - вот тогда-то, очевидно, этот маленький самостоятельный Вовчик и разработал свой перспективный план строительства.

После Рождества уже к Любови Александровне приехала ее племянница из Казахстана - трудные времена наступили и там, и Таня решила съездить в разведку в Нерехту к своей тете, которая четыре года назад вернулась со всей семьей из Ташкента на родину своей матери. Они давно не виделись, не переписывались и почти уже ничего не знали друг о друге.

Рано утром, когда с дороги они разговаривали за чаем, сверху спустился мальчик.

- Это мой сын Гена. Ты его помнишь?

- Гена? Нет, не помню.

Потом пришла заспанная Вика.

- А Вику?

- И Вику не помню.

Дети по одному спускались со второго этажа, сонные, взлохмаченные, большие и маленькие.

- Ванечка, Вовчик, Вероника, Саша.

- Господи, сколько же у тебя их?

- Восемь...

- Как восемь? А я ведь сынишку с мамой хотела сюда привезти!

- Так что же? Места всем хватит.

Конечно же потом Любови Александровне пришлось рассказать Тане обо всем.

* * *

Здесь, в Нерехте, на новом месте они решили начать совсем новую жизнь. Такую, о которой давно уже мечтала Любовь Александровна. Чтобы был у них большой уютный дом, а в нем обязательно много детей. Когда-то, в молодости еще, она внутренне поклялась взять на воспитание детей-сирот и вырастить их, как своих Сашу с Вадимкой. А они ей, ох, как нелегко достались.

Вадимка родился с родовым кровоизлиянием в мозг, и его несколько дней необходимо было выдержать в неподвижном состоянии. Жили они тогда в небольшом поселке в Казахстане. Чтобы не пропало у нее молоко, врачи попросили Любовь Александровну покормить оставленного казашкой мальчика - такой он был чистенький, хорошенький, с ясным голубым взглядом. Все ее существо пронзила какая-то необъяснимая нежность к этому малышу. Ей как раз принесли его кормить, когда муж подъехал на мотоцикле к окну. И у нее не хватило духу сказать, что Вадимка лежит без движения, и что еще неизвестно, как там будет дальше. Она показала мужу в окошко Урумбайчика, и малыш так понравился Александру Николаевичу, что он стал приезжать под окно чуть ли не на каждое кормление, лишь бы увидеть сына. А опасность за жизнь Вадима постепенно прошла. Его принесли желтенького, с отекшим личиком, обессиленного, и, когда Любовь Александровна показала своего настоящего сына мужу, тот поначалу растерялся. "Давай возьмем

обоих..." Любовь Александровна вначале даже обрадовалась - так она привыкла к Урумбайчику, но потом ей вдруг представилось: а вдруг в жизни случится так, что она не сможет оказать им равную помощь, как же она будет выбирать между ними? И тогда она решила, что в состоянии поднять на ноги только своего еще очень слабенького Вадимку...

А через три месяца внезапно сильно заболел старший пятилетний Санек. До больницы, куда его положили, было 5 км. Дважды в день, завернув Вадимку в ватное одеяло, привязав его, трехмесячного к маленькой прогулочной коляске, она отправлялась пешком по длинной ветреной дороге в больницу. И всякий раз ее сердце сжималось там от боли - Санек таял на глазах. В этих бесконечных путешествиях она иногда вспоминала Урумбайчика: а если бы и он сейчас был у нее на руках, как бы она тогда с ними? Кого бы бросилась спасать? Вскоре Санек уже не мог не только стоять, но и сидеть. Врачи не давали ей никакой надежды. Когда она забрала его домой, он, пятилетний, весил 3 килограмма, меньше веса младшего брата. И тогда, прижимая к себе это беспомощное ледяное тельце, она стала просить:

- Господи, если ты есть, сделай так, чтобы он выжил, дай мне силы поднять его, я обещаю тебе, что возьму сирот, и они будут мне как мои дети...

- Сколько потом стоило вложить ей сил, чтобы в это безнадежное измученное тельце вернулась жизнь, наверное, одному богу известно, но ее Санек выжил. К тому времени, когда они решили вернуться в Нерехту, Саша уже закончил 8-й класс.

* * *

Место под строительство им выделили на самой окраине Нерехты возле деревни Молохово, которая по весне как в молоке в черемуховом цвету. Они выбрали проект не роскошного, но довольно просторного дома и уже тогда решили, что здесь устроят детский дом семейного типа. К тому же все счастливо устраивалось так, что вдоль будущего забора уже была оборудована детская площадка с качелями и лесенками. Они взяли ссуду и принялись за дело.Днем работали, а вечером и выходными до поздней ночи месили раствор, таскали кирпичи, разбивали будущий огород и вместе с мальчишками мечтали, как они все устроят здесь, когда у них появятся малыши. Любовь Александровна непременно хотела собрать под своей крышей маленьких, чтобы стала она им настоящей мамой, а этот дом - их родным домом. Все было здорово, пока мечтали они об этом в кругу своей семьи, но когда впервые со своей идеей Любовь Александровна пришла в горono, ее встретили здесь с таким, мягко говоря, недоверием, от которого она долго потом не могла прийти в себя. По инстанциям, в кабинетах всевозможных чиновников от местной власти раздавались телефонные звонки. Чиновники предупреждали друг друга: ни в какие контакты с этой женщиной, у которой неизвестно что на уме, не вступать и уж тем более ни в чем не оказывать ей никакой помощи. А, может быть, она, прикрываясь чужими детьми, хочет еще и дом себе за государственный счет построить? Видели в Нерехте аферистов, но таких.. Словом, во всех кабинетах ей отказывали. И она, бегая по строительным базам, по конторам, все выбивала, доставала сама. Да и у начальников она не денег просила, а просто содействия в том, чтобы за ее же счет можно было провести к дому воду, канализацию, свет, газ... Сколько ушло на это времени и сил.

Первую зиму они прожили в каменном сарае, обогревая его обычными электронагревателями. По весне посадили картошку, постави-

У Андреевых в саду.

ли в огороде тепличку, посадили в ней абрикосовую косточку и завели поросенка Степу. Жили с ними еще две собаки и сиамская кошка Алиса. Продолжая строительство дома, Любовь Александровна по-прежнему старалась убедить начальников, что ее семейный детский дом будет самой надежной крышей для осиротевших малышей, но ей по-прежнему не доверяли.

* * *

Джона Вароли, американского журналиста, в Россию привело скорее всего любопытство. Он приехал сюда на свои деньги и занялся изучением истории Москвы. Но исторический центр столицы, ее вокзалы, переходы были заполнены нищими. Не заметить этого было просто невозможно. И с каждым вторым - рядом был ребенок. Не составило особого труда выяснить, что в основной своей массе это были беженцы с национальных окраин России, которых жизнь загнала в эту огромную ловушку - Москву, и редким удавалось выбраться из ее заколдованного круга равнодушия к их судьбам. Люди, потерявшие все, вначале отчаянно, а потом безразлично опускались на самое дно. Жили семьями на вокзалах, делили Москву на районы своей "работы", почти все знали друг о друге, но, главное, старались не расставаться с детьми, не потому уже, что очень жалели их, а потому, что с детьми было легче "бомбить"-попрошайничать. На эти подачки кормились, пили, заглушая в себе всякую надежду и боль. Кто-то еще конечно пытался сопротивляться, "искать правду", но таких с каждым часом становится все меньше.

Почему эти детские судьбы стали небезразличны американцу Джону, а не русскому Ивану Ивановичу, счастливо кочующему по креслам различных столичных департаментов, с озабоченным видом подписывающего уже которую тысячу всевозможных деловых бумаг? Наверное, и на этот вопрос, как на все почти российские вопросы, ответит история. Джон же особенно не рассуждал. Он собирал на московских вокзалах мальчишек и девчонок и водил их в зоопарк, в кино, в цирк, в кафе, пытался каким-то образом устраивать самые тяжелые судьбы.

Однажды Любови Александровне позвонили из гороно: "Вы что же еще дом решили купить?"

- Нет, с чего вы взяли?

- А как же объявление в "Нерехтской правде": куплю дом для создания детского дома семейного типа? Разве это не ваше?

- Да откуда же у меня такие деньги?

Потом Любовь Александровна узнала, что в этот дом решил вложить средства американец Джон Вароли, а опекунство над ним поручить местной церкви, в которой служит отец Андрей.

Вот так впервые и услышала Любовь Александровна о Джоне. Но разве можно было тогда предположить, что так скоро и прочно пересекутся их пути?

Это было совсем не простое время для их семьи. Но не стоит их несчастье выносить на люди. Они справились с ним сами. Но тогда об этой беде напоминало каждое утро начинающегося дня. А в доме к этому времени уже появились четверо ее новых детей. И только они, только забота о них спасла, наверное, их тогда.

Конечно, Любовь Александровна мечтала о малышах, и однажды осенью ее вызвали в облуно, чтобы показать ей одного мальчика, которого отобрали для ее будущего детского дома. Но вместе с ним из этого же Нейского детдома привезли еще четырнадцатилетнего Гену и маленькую Веронику, которых надо было отправить в санаторий в Неверово, что как раз по дороге в Нерехту. И Любовь Александровну попросили завезти детей. Она согласилась, но в тот день было уже поздно ехать в Неверово, и Любовь Александровна забрала детей переночевать домой.

Утром она проснулась от прикосновения к ее глазам тоненького детского пальчика. Вероника тихонько трогала ее ресницы. Любовь Александровна почувствовала, что девочка неотрывно смотрит на нее, и сердце сжалось от боли. Так захотелось обнять, защитить это слабенькое тельце, но на прощание в облуно ее просили не забывать, откуда эти дети, и куда предстоит им вернуться. Вероника поцеловала ее глаза, и Любовь Александровна, чтобы не расплакаться, будто бы во сне перевернулась на другой бок. Вероничка же, так же тихонечко, стараясь не разбудить ее, стала разбирать и целовать ей волосы. Любовь Александровна не выдержала, поднялась. Гена уже лежал в кровати вместе с ее Вадимкой и обсуждал какие-то мальчишеские проблемы. Она собрала детей и повезла в Неверово. Однако там их совсем не ждали - шла последняя неделя предыдущей смены, а потом еще на неделю санаторий закрывали на санобработку, готовили к приему следующей смены.

Ее никто и не собирался выслушивать.

- Забирайте детей назад...

-Да поймите же, я посторонний человек, меня попросили их завезти по дороге.

- Ну так отдайте туда, где взяли... И молчавшая до этого испуганная Вероничка вдруг бросилась на шею Любови Александровне:

- Тетенька, миленькая не отдавай меня никому, возьми меня к себе, я тебе буду самой послушной дочкой, я все-все буду для тебя делать, только не отдавай.

Господи, ну как можно было это вынести... У только что кричавших женщин в белых халатах на глазах навернулись слезы, да и у Гены, закаленного в детдомовских порядках глаза тоже были на мокром месте.

Любовь Александровна знала, что их измученные болезнью сердечки связывает с огромным эмоциональным детским миром тоненькая ниточка-венка, через которую с трудом проталкивается кровь. И нельзя им быть на острие этих эмоций.

- Я приеду, я обязательно приеду к вам сюда.

Детей в санатории оставили, а Любовь Александровну медики сразу же восприняли в новом качестве и стали требовать, чтобы она привезла теплую одежду для девочки, тетради и карандаши для учебы.

Они с мужем и мальчиками не раз навещали их в санатории. Для

У Андреевых на пасеке.

себя в семье вопрос о том, как быть с Геной и Вероникой уже был решен. Но нужно было еще согласие Гены, у которого в Нее оставался младший брат Саша.

В один из приездов в Неверово Любовь Александровна решилась на разговор.

- Гена, вот мы решили взять детей и создать семейный детский дом. Ты не хочешь прийти к нам? У тебя будут настоящие папа, мама, бабушка, братья и сестры. Мы будем жить дружной семьей, все будем делать сами...

- Мне надо подумать, - сказал тогда Гена на прощание.

А в следующий их приезд он уже бежал к ним навстречу по коридору и кричал:

- Я сог-ла-сен, сог-ла-сен! Мне только очень жалко Саньку...

- Санька будет с нами...

К выписке Гены с Вероникой из санатория в Нерехте тщательно готовились. Наступал день рождения Гены. Стол собрали такой щедрый, какой только умеют собирать в Узбекистане. В подарок купили Гене настоящие кроссовки и джинсы. И он как-то легко и просто сразу же сказал - мама.

Они вообще-то всем детям старались устраивать в день рождения настоящий праздник, но Гена до сих пор повторяет: у меня был самый лучший день рождения.

* * *

Несчастье случилось в их семье в то время, когда в доме уже появился Генин брат Саня и маленькая четырехлетняя ласковая умница Вика. Но еще был до конца не достроен дом, а денег даже на самое скромное существование не было: так сложилось, что мужу пришлось оставить работу. Они съели всех своих кур, всех овец. Никакого выхода из создавшегося положения не было. И тогда Любовь Александровна начала сдаваться. Ей показалось, что она не сможет вынести этот крест, надо уезжать и начинать все с начала на новом месте. Но как быть с детьми?

И тогда она решила: зачем американцу вкладывать деньги в новый дом, пусть продолжает ее мечту в их уже готовом доме, детям найдут новых родителей, а они уедут.

С этими мыслями она и позвонила Джону Вароли, попросила о встрече.

Она представляла Джона почтенным седым господином, а это оказался совсем мальчишка - молодой человек лет 25 в потертых голубых джинсах. Они бродили по Москве и рассказывали друг другу о себе. Джон поделился своей мечтой собрать под крышу семейного детского дома детей с московских вокзалов.

- А кто же будет им матерью?

- Кто-то из этих же женщин с вокзалов, кто согласится.

Любовь Александровна уже видела этих опустившихся женщин, и, жалея их, все же не могла представить, как одной из них она передаст свой дом, построенный с таким трудом, своих уже ставших родными четверых новых детей: "Нет, я все переживу, но не оставлю их". И она тогда не сказала Джону зачем приехала, на прощанье предложила только: "Если будет трудно - обращайся ко мне. Чем смогу - помогу".

Он приехал буквально через неделю. И не один. Вместе с ним был его подопечный с Казанского вокзала - Ваня Казаку.

- Люба, можно он будет жить у тебя?

В Москве у Вани в тяжелом состоянии лежала в больнице мама, в одном из вокзальных детприемников находился младший братишка Вова, а сестренка Оля, стеснявшаяся "бомбить", вела хозяйство в однокомнатной квартире, где пристроилось на время немалое количество таких же, как она, бомжей.

Ване в Нерехте очень понравилось. Джон уже пристраивал его однажды в одну благополучную сытную московскую семью. Но надолго Ваню там не хватило. А здесь, в Нерехте с него как-то сразу спало все напряжение, он почувствовал в этом доме что-то родное и сказал, что здесь он хотел бы жить.

Даже представить было почти невозможно, какой опыт выживания был за спиной этого восьмилетнего малыша. А его младший братишка Вовчик вообще не знал другой жизни. Он и родился-то в каком-то вокзальном вагоне. Братья жили совершенно самостоятельно. Ваня - на Казанском, пятилетний Вовчик - на Павелецком.Это уже потом, месяца через два после смерти их мамы, когда ценой неимоверных усилий Любовь Александровна отхлопотала в детприемнике и Вовчика, она тогда взяла его за тоненькую ручку и попросила:

- Покажи мне где же ты здесь спал?

Вовчик отвел ее на второй этаж огромного Павелецкого вокзала и показал на два кресла, между которыми был сломан подлокотник. На-

против, в киоске торговали копчеными курицами. Господи, как тогда сжалось у нее сердце! Она представила, как ничего не "набомбивший", продрогший пятилетний мальчонка сворачивался здесь на ночь калачиком, а в нос ему бил, раздражающий пустой желудок, запах копченых кур...

Вовчик долго не мог расстаться с пижамой, которую надел за неимением лучшего на него Джон, когда забирал из деприемника. Даже спирала ее Любовь Александровна украдкой по ночам, пока он спал, сушила утюгом и подсовывала под подушку, куда Вовчик старательно прятал ее на ночь.

Мальчики очень хотели, чтобы здесь появилась и Оля. Но не так-то просто было доказать Любови Александровне, что эти дети имеют право на нормальную семейную жизнь. Ведь отец их был жив и со дня на день должен был вернуться из тюрьмы. Любовь Александровна знала: он будет разыскивать мальчиков, но бомжи всех московских вокзалов через Джона были оповещены: не выдавать братьев.

Олю той осенью отец, отсидев свой срок, все-таки нашел и больную, измученную заставил собирать милостыню в переходе между Ярославским и Казанским вокзалом.

А у мальчиков в Нерехте была совсем новая, чистая жизнь. Ваня пошел в школу. У него сразу открылась масса способностей, и Любовь Александровну начали уговаривать перевести его в гимназию. Она долго сопротивлялась, а потом все же жалела, что не настояла на своем. В гимназии Ване долго и трудно пришлось догонять ушедших вперед на целую четверть сверстников. К тому же он, живя на вокзале, об очень многом понятия не имел: не понимал, например, почему это надо сидеть в неудобной позе с прямой спиной. Он привык, расслабившись, класть ноги на другую скамью, а в гимназии это воспринимали как намеренное оскорбление всего коллектива. Среди родителей начались разговоры, что в элитных учебных заведениях не место бомжам. Учителя пошли было у этих разговоров на поводу, но Любовь Александровна сказала тогда свое строгое нет. "Вы сами сорвали мальчика с середины учебного процесса, и не его вина, что он не может за один месяц одолеть разницу в программах и воспитании."

Но все недоумения постепенно улеглись. Философ Ваня, освоив азы, быстро начал обходить своих сверстников - он умел приспосабливаться к любым трудностям.

* * *

Одному Богу известно, откуда берутся у нее силы на все, на всех, когда кажется, что вот-вот наступит предел. Почему-то, в первую очередь, как правило, все почти пытаются увидеть какую-то корысть в ее поступках. Каких только разговоров, пересудов, наставлений, угроз не наслышалась она, и все это надо было пропустить через себя, но ни в коем случае не пропустить через своих детей - для них она каждый день должна быть ровной, уверенной в себе, гордой за них.

А у нее ведь нет теперь ни отпуска, ни выходных - она и воспитательница, и в то же время она просто их мама. Дети растут, и трудно бывает то с одним, то с другим.

Но тянется ниточка ее забот, тревог, усталости, как не скрывай, через детские сердца:

- Ты устала, мамочка, прислонится к ней самая маленькая Викуся, - хочешь я тебе чаю принесу, какой ты любишь? Я уже все-все убрала.

С осени до весны по всем окнам уже тесноватого им теперь дома стоят в горшках и банках абрикосы и лимоны - это Сашино пристрастие - экспериментальное садоводство. Он над своим домашним питомником священнодействует. Редко теперь встретишь таких молодых людей, как Саша - спокойных, рассудительных и очень ответственных. Это он первый согласился с Любовью Александровной, когда она решила создать семейный детский дом, и сейчас во всем ее поддерживает. А уж для всех остальных детей, какой пример, какая опора - такой старший брат. Впрочем, а что бы они делали без своей любимой бабушки Нины Васильевны - это она варит им обеды, стирает, убирает с ними дом. Папа - Александр Николаевич тоже немало времени уделяет детям, хотя на его плечах теперь семейная пасека и маленькая "ферма" из молодых козочек и их потомства.

Когда-нибудь этот первый семейный детский дом станет гордостью Нерехты.

Отчего мы так любим свое прошлое и совсем не ценим настоящее?

Irina SOSNINA

MEET MY MOTHER...

In her essay Irina, journalist and social worker of the Kostroma Charity Centre, reveals the life and problems of Andreeva family home in a small town of Nerechta. Besides their own two sons, the family has taken into their home six orphans from childrenhomes and right from the pavements... The children's parents are all deprived of their parental rights.

Adress: Kostroma region, Nerechta, st.Yuznaya, 93, Ljubov Andreeva

P.S. Little Veronika wants an urgent operation for a serious inborn heart disease. The operation is too expensive for the family to pay for it.

Irina SOSNINA

DA IST MEINE MUTTER

Das ist ein Essay über das ersten Familienkinderheim von Ljubow Andreewa, welche sechs Kinder in die Pflege genommen hat, weil deren Eltern das Sorgerecht entzogen wurde.

Anschrift fur die Hilfe: Andreewa Ljubow.

Kostroma-Gebiet, Stadt Nerechta, Jushnaja Str., 93.

P.S. Kleine Veronika Andreewa hat einen angeborenen Herzfehler und benötigt eine teuere Operation.

Никита ДЕДКОВ

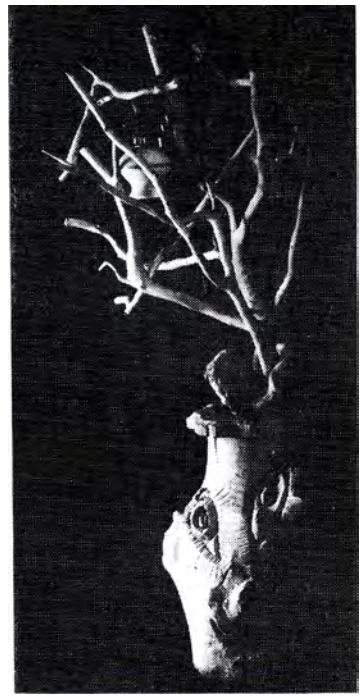
О СЛЕДОВЕ С НАДЕЖДОЙ...

Хватит ли сил... Хватит ли сил, здоровья, жизни, чтобы так же упрямо, не смотря ни на что, идти прежним путем. Так много надо еще успеть, так много надо сделать - и это в наши-то нелегкие времена. Надо жить, надо сажать деревья, надо воспитывать детей. Иначе - можно, иначе - даже легко: если жить - то в собственном огороде, если воспитывать - то только свое ненаглядное дитя. А здесь отчего-то все для других, здесь - все для детей. И нет здесь "своих" и "чужих", потому что воспитывать надо всех, чтобы можно было еще на что-то надеяться на этой земле, в этой стране. Любить детей, учить детей любить природу и красоту - во все времена, во все эпохи, если только человек желает оставаться человеком. Как это сделать? Бог весть... Нет и не может быть идеального рецепта, и каждому, в меру таланта и сил, самому суждено решать: как любить? как учить? И счастье, что есть еще люди, которым не безразличны эти вопросы, и счастье еще, что есть такие места, как Следово, где пытаются любить и учить...

* * *

Два старинных усадебных дома - перестроенные, потрепанные жизнью, подутратившие свой изначально горделивый облик - как встарь смотрят друг на друга. Остатки старого парка, где сильные порывы ветра регулярно производят опустошения. Пруд, чье зеркало давно позабыло отражения тех, кто владел некогда здешними землями и лесами. Все это - Следово. Типичная, на первый взгляд, судьба русских дворянских усадеб. Тихо и незаметно уходить в прошлое, исчезать с лица земли - что еще им остается - если, конечно, строили их не великие художники, а рядовые русские архитекторы, если жили в них не знаменитые деятели истории, а самые обычные дворяне - те, что историю творили, но не попали на страницы энциклопедий.

С усадьбами, столь же тихо и незаметно, исчезает память. На русской земле не строили мрачных и горделивых рыцарских замков - живых свидетелей минувших столетий в Англии и Франции, Германии и Италии. В России память о прошлом хранилась в родовых дворянских поместьях, переходивших из поколения в поколение. Традиция была прервана - насильственно и грубо, но разве это причина, чтобы не вспоминать и теперь?



В Следово на огонек.
Работа Ю. Карвацкого.

Кто ныне, например, вспомнит - кроме энтузиастов, кроме историков - что некогда (в 1847 году) Следово попало в руки генералу Павлу Степановичу Карцову* - хотя и не Кутузову, не Багратиону, но тем не менее - герою 1812 года, одному из тех, кто горечь Аустерлица, боль сожженой Москвы искупал в завершившемся в Париже походе по Европе. Он не стал декабристом, но и в кругах придворных не был своим; бравую выправку молодого офицера со временем сменили привычки костромского барина, владельца известного в городе крепостного театра. Но боевые ордена, надевавшиеся по торжественным случаям, генеральские эполеты и золотая шпага с надписью "За храбрость" продолжали внушать уважение костромичам, как должны были бы, впрочем, внушать уважение и нам. Если бы только мы помнили...

Следово - частица русской земли, частица русской истории, через владельцев своих прикоснулось оно к поворотным моментам судьбы России. Наследник Павла Степановича, Николай Павлович Карцов (имя свое, вероятно, он получил от благонамеренных родителей в честь здравствовавшего тогда императора Николая I), как и отец, достоин нашей памяти. Принадлежал он уже к иной эпохе - наступало время Великих Реформ. Не грозила более России смертная угроза извне, и не надо было дворянам класть головы свои на алтарь Отечества. Совсем других жертв требовало от них время.

Богатым было Следовское имение. В 1858 году числилось в нем 93 двора из 15 деревень. И владельцу, и детям его гарантировало Следово спокойное безбедное существование. Прошло три года, Манифест 19 февраля перевернул российскую жизнь. Николай Павлович Карцов

---

* Иногда фамилию следовских владельцев пишут как "Карцевы", однако в "Гербовнике Российской империи" есть только два костромских дворянских рода Карцовых, но не Карцевых.

прибавил к отцовским наградам свою - серебряную медаль по освобождению крестьян из крепостной зависимости. Пожертвовать своими исконными правами, пожертвовать своим благополучием ради тех, кого считали людьми второго сорта - если вообще считали за людей - для этого надо было иметь и особое мужество, и новое, особое понимание долга - не подданного перед государством и государем, а гражданина - перед будущим Отечества, перед своим народом.

Сословное деление общества отжило свой век. Место человека в обществе, в жизни определялось уже не только и не столько его происхождением, сколько его взглядами, его отношением к жизни, его поведением. Рождалась русская интеллигенция с ее служением народу, с ее, по выражению А.С.Изгоева, "потребностью к учительству в самом высоком смысле этого слова". Этот порыв - служения народу, учительства - захватил в 60-е годы XIX века не только ту революционную молодежь, что "пошла в народ", чтобы потом разбрестись по тюрьмам и ссылкам, но и отнюдь не юных обитателей дворянских гнезд, точнее тех из них, что думали о будущем России. И Николай Павлович (вероятно, именно при нем появился в Следове каменный усадебный дом) занимался отнюдь не только своими делами - долго работал в губернском земстве, состоял губернским предводителем дворянства (в 1865-1872 годах, то есть как раз тогда, когда лучшая часть дворянского сословия была охвачена освободительным ветром 1861 года), с 1864 года попечительствовал вместе с женой в первой в России костромской Григоровской женской гимназии.

Владелец Следова стоял у истоков костромского земства. Шли годы, волею судьбы, которая ничего не свершает случайно, к 1913 году Карцовы распростились со своей усадьбой, перешедшей к губернскому земству. И возникли там, вдобавок к прежним оранжерее и цветникам, плодовый питомник, семенное хозяйство, опытный хмелевик, пасека. Усадебные здания заняла земская двухгодичная сельскохозяйственная школа. Российское земство, а с ним и Следово, уверенно смотрели в будущее.

Год 1914-й, а за ним 1917-й надолго отставили в сторону мирные житейские заботы. След древнего костромского рода Карцовых затерялся. Земство перестало существовать. Следово, как и вся Россия, попало в новые руки.

Не в чести стали старые традиции, забота о преемственности могла вызывать лишь подозрения. Но удивительно - через Следово пролегла нить - к нам, из позабытых дореволюционных лет, делая не такими уж далекими от нас, если не Карцовых, то хотя бы земские дни. В Следове учились дети - сначала в общеобразовательной Школе крестьянской молодежи, затем - на детской станции натуралистов Костромского научного общества по изучению местного края (кстати, руководил ею знаменитый коллекционер Рубинский, тот самый, что собрал известную любому костромичу коллекцию насекомых, выставленную в Ипатьевском монастыре). Теперь здесь межшкольный учебно-биологический центр.

Советское время - время трагичное для дворянских усадеб. То, что сохранилось от Карцовых, дряхлело и ветшало. Прошлое, все еще живое на следовской земле, покрывалось забвением. Не составляло особого труда провидеть его дальнейшую судьбу. Но странно - оно еще живо. Оно именно живет, а не влачит существование, и то тут, то там возникают ростки новой, связанной с прошлым жизни - как будто старое, давно засохшее дерево начало давать свежие побеги.

Вычищен и облагорожен давно заросший, запустевший пруд. Медленно, но приходит в порядок старый парк. По вечерам светятся окна старого карцовского особняка. Среди пустырей возникли ухоженные цветники - явление надежно забытое со времен прежних владельцев. Глаз не отмечает здесь бурной деятельности - ее и нет, но: как по капле, да наполняется чаша; как по кирпичу, да возводится дом - так и здесь, понемногу, по чуть-чуть, но неуклонно все более ухоженным, все более красивым становится Следово.

* * *

"Красота" - слово ключевое, без него ничего в Следове понять нельзя, без него можно увидеть только поверхность этого явления. Во имя чего свершается круговорот следовской жизни?

Не написана, не сформирована еще следовская философия. Казенные, напрашивающиеся на язык ответы: об обучении детей биологии, о знакомстве их с животными и растительным миром не в состоянии объять весь смысл следовского бытия. Глубже, вероятно, истинный смысл и шире, а выразить его можно словами "любовь к красоте". Любовь к красоте, воспринятой в самом широком смысле этого слова.

Иначе многое в Следове не найдет объяснения. К чему, например, занялись биологи судьбой брошенной усадьбы? Почему взялись они за дело, столь далекое от их профессиональных интересов? Не потому ли, что любовь к красоте величия прошлого способна соединить биологию с историей. Увидеть эту красоту, оценить ее может любой человек, пожелавший ее заметить. И где же учить детей замечать красоту своего прошлого, понимать ее, как не в Следове, где, кажется, не стерлись еще окончательно следы людей - участников и свидетелей ярчайших событий российской истории.

Возрождение усадьбы - начавшееся совершенно неразумно для стороннего наблюдателя - с пруда и цветников - исходит из того же стремления к красоте. Деревья, отраженные в чистом зеркале воды; цветы, распустившиеся на месте вчерашнего бурьяна - расчетливый делец сочтет их бесполезным вложением капитала. А ребенок, вложивший в них свой труд и, возможно, частицу души на вопрос, зачем он это делал, ответит: "Чтобы было красиво...". И слова его подарят надежду умеющему слышать.

Альпинарий. Диковинное слово для здешних мест. Ничего подобного здесь не было, ни о чем таком здесь и не слышали. А в Следове есть и альпинарий, первый, вероят-

но, на костромской земле. Метр за метром, прибавляя один клочок тщательно возделанной земли к другому, человек стремится освоить пространство, сбегающее от старого особняка к пруду. Узкие - порою двоим не разойтись - извилистые асфальтовые дорожки, обложенные необработанными камнями разных размеров и расцветок, задают общий рисунок альпинария - не геометрически правильный и рассчитанный, а естественно-хаотический, как будто прочерченный однажды буйным водным потоком. Меж дорожками - островки земли, на островках - растения, то зеленым ковром покрывающие целые участки, то гордо красующиеся на фоне черной земли (только тот, кто вскапывал эту практически лишенную плодородного слоя почву, кто привозил сюда и разбрасывал торф, знает, чего стоило получить этот черный цвет). Экзотические виды соседствуют здесь с местными, дополняя и оттеняя красоту друг друга. Театр растений и камней. Рождающийся на наших глазах театр.

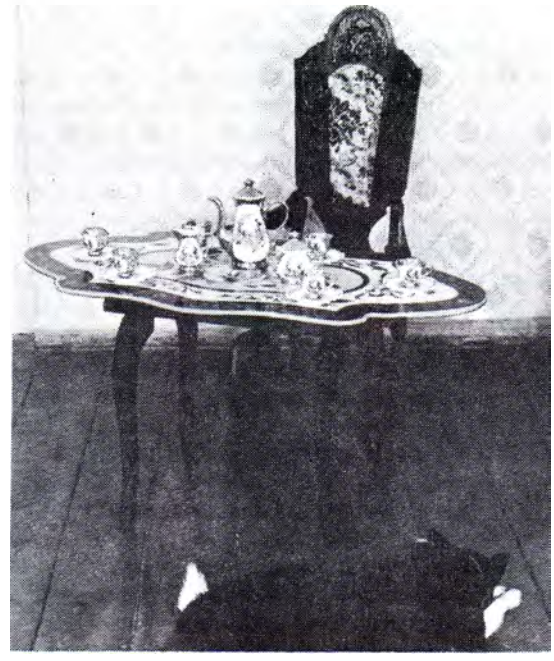
И опять-таки с точки зрения прагматической, трудно найти более нерациональное вложение сил и средств, чем альпинарий. Не случайно же местные обитатели (не из тех, что работают в Следове) предлагали разбить на месте альпинария грядки и засадить их морковкой. Есть своя логика в их словах: и доходней дело с морковкой иметь, и прокорм на зиму будет, и дети получат необходимые в жизни навыки "общения с природой". Только вот не лежит сердце к тому, чтобы стать на сторону морковных рационалистов.

Детей можно учить и воспитывать по-разному. Можно растить будущих торговцев, менеджеров, маклеров и рекламных агентов, а можно - людей. В Следове никто не будет развивать в ребенке практическую жилку. Здешняя жизнь - всего 25 километров от Костромы - на удивление несхожа с городской, исполненной суеты и будничных житейских проблем - здесь иной мир. Может быть, Следово - пережиток прошлого. А может быть - оазис в пустыне...

Следово - это растения и камни, это старая усадьба, это живая природа. В первую же очередь, Следово - это люди, работающие здесь. Их обычные слова: "Все, что вы видите, создано детьми". Не верьте, так бывает только в сказках. За всем, что можно увидеть в Следове, стоит тяжкий труд - и детей, и взрослых. А взрослых здесь немного - семь человек, на которых держится все.

А если же быть до конца честным, то следует признать, что Следово держится на одном человеке - Юрии Петровиче Карвацком - директоре учебно-биологического центра и его создателе. Человек он в Костроме достаточно известный - и как директор 32-й школы, и как учитель биологии, умеющий увлекать своим предметом так, что многие ученики его решили посвятить себя биологической науке. Не школьный работник, а именно учитель по призванию, он всегда был человеком беспокойным, затевал

Надежда Следова.



Уголок старой усадьбы.

новые дела, колесил с учениками по всей стране от Москвы и Сухуми до Бухары и Ташкента. Многолетний накопленный опыт привел к идее создания постоянного биологического центра за городом, где можно было бы основательно и без суеты учить детей понимать и любить природу.

Невыгодное нынче дело - создавать такие центры. Скромные средства из более чем скромного бюджета городского управления народного образования, символическая зарплата - и надежда только на свои руки, на свои силы. Работа в Следове есть чистая благотворительность - вложение труда в благое, но не прибыльное дело. Если, конечно, не считать прибылью воспитание детей, любящих российскую землю.

Удивительно, но при таких-то условиях, в Следове еще кто-то работает. Людям идеи, таким как Карвацкий, свойственно притягивать к себе. Сложившееся в Следове сообщество схожих в чем-то очень важном людей формирует особую, следовскую атмосферу. Здесь никого не удивляет, что директор совместно с трактористом тратят часть своей зарплаты на солярку - чтобы привезти несколько лишних кубометров торфа на альпинарий. Здесь в порядке вещей вечерние картины, когда директор с двумя своими заместителями и тем же трактористом голыми руками устанавливают на альпинарии огромные камни. Здесь нет начальства, здесь все равны, и есть доля истины в шутке детей, вопрошающих: "Юрий Петрович, кем Вы здесь работаете, батраком?".

Следово - это своя система ценностей. Система отнюдь не устаревшая. Всегда, в любом обществе были и будут люди, работающие не для своего сегодняшнего, примитивно понятого материального блага, но для будущего. Идея Следова проста: воспитание детей через знакомство с красотой природы, прошлого, человеческого труда. Воспитание детей, знающих и понимающих родную природу, родную историю. Это дело, ради которого стоит жить, а держится оно сейчас на плечах немногих: Юрия Петровича Карвацкого, Алексея Николаевича Смирнова, Николая Васильевича Соколова, Светланы Генриховны Митиной, Ольги Станиславовны Садовской, Михаила Ивановича Дмитриченко и тракториста Алика.

Они - благотворители усадьбы Следово, детей, которые сюда приезжают и их родителей, а в конечном счете, благотворители для всех нас.

Нет средств, нет оборудования, но, возможно, пройдет время и найдутся те, кто увидят в Следове будущее. Поймут, что именно такие центры достойны поддержки. И тогда как в сказке возродится прекрасный усадебный дом, появятся помещения для лабораторий, облегчится изнурительный физический труд. Но пока это мечта. Еще так много надо успеть, еще так много надо сделать - и это в наши-то нелегкие времена. Надо сажать деревья и цветы, воспитывать детей. Надо, чтобы Следово продолжало жить. Только бы хватило сил, так же упрямо, не смотря ни на что, жить для других.

Спешим уведомить

Редакция "Губернского дома" обращается с просьбой ко всем, кто что-либо знает о послереволюционной судьбе дворянского рода Карцовых, поделиться своими сведениями.

Все, кто захочет поддержать детский биологический центр, может перечислить свой благотворительный взнос на возрождение усадьбы Следово. Телефон для справок 51-67-38.

Nikita DEDKOV

ON THE ESTATE OF SLEDOVO - WITH HOPE

This is a story about a unique landmark of Russian nature, a former landlord's eastate, now an experimental farm of Kostroma Biological centre for schoolchildren. They have fruit-trees, vegetable gardens, flower-beds, aquariums, laboratories there. The Centre is badly in need of finance for equipment, seeds, plants, etc.

Address for possible assistance: Russia, 156000, pr.Mira 7, "Gubernsky Dom" Publishing House (for Yuri Karvatsky, Sledovo Biological Centre director)

Nikita DEDKOW

UBER SLEDOWO MIT DER HOFFNUNG

Erzählung uber die Geschichte eines Adelhofes, welches man heute zu einer Versuchsstation des zwischenschulischen biologischen Kinderzentrums umgewandelt hat. Dort gibt es den Obstgarten, das Gemüsefeld, einige Treibhäuser,den Blumen - und Steingarten. Es werden Geldmittel fur den Einkauf der Laboreinrichtung, des Aquariums, des Bienenstandes, der Samen und des Pflanzgutes benötigt.

Anschrift fur die Hilfe: 156000, Kostroma, Prospekt Mira, 7.

Redaktion des Magazines "Gubernski Dom".

J.P. Karwatski (fur das Kinderzentrum in Sledowo).

The section of our magazine under the headline "Evidence, archives, doccuments" is devoted to state and public social activities of the end of the 19th and the begining of the 20th centuries in Kostroma. Here you will come across "The Philantropic Society", "The Red Cross", "The Ladies' Committee" and cases of individual patronage and charity - almshouses, evening schools for workers, etc. Among others, the memoirs of Leonid Kolgushkin, a Kostroma oldtimer are of special interest.

In diesem Teil unseres Magazins erzählt man über die philanthropischen Erfahrung verschiedener staatlichen und offentlichen Einrichtungen Ende des 18. - Anfang des 19. Jahrhunderts in Kostroma. Unter den anderen sind "Menschenfreundliche Gesellschaft", "Rote Kreuz", "Frauenskomitee" als auch individuelle Spender, welche fur den Bau der Gottes-und Armenhäuser sowie Kinderheime spendiert haben. Von besonderer Interesse sind die Memoiren von Leonid Kolguschkin.

Духовное завещание Федора Чижова

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Я оставляю после себя долги и имущество, которое с избытком может покрыть их; потому считаю долгом перечислить те и другое.

Я имею приблизительно определенной ценности: 1) сто шестьдесят акций Московско-Ярославской железной дороги... всего на сорок одну тысячу шестьсот рублей... - 2) Четыре пая Московского Купеческого банка на тридцать тысяч руб. - 3) Десять паев Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сына и К° на десять тысяч рублей - 4) Членский взнос в Московский Купеческий Банк в пять тысяч рублей... Всего на девяносто четыре тысячи четыреста рублей.

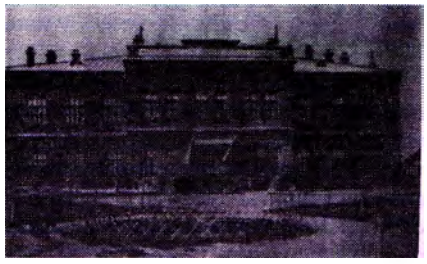
Я должен: 1) в Московское Купеческое Общество Взаимного Кредита под залог акций Московско-Ярославской железной дороги и паев Купеческого Банка тридцать пять тысяч рублей - 2) Принял на себя уплату долга Архангельско-Мурманского срочного пароходства в восемнадцать тысяч рублей. - 3) Сестрам Александре Васильевне Чижовой четыре тысячи рублей; Елене Васильевне Чижовой четыре тысячи рублей и Ольге Васильевне Поповой три тысячи рублей. Всего определенного моего долга на шестьдесят четыре тысячи рублей.

Прося Савву Ивановича Мамонтова быть моим душеприказчиком, вместе с тем прошу его распорядиться следующим образом.

К маю месяцу, когда будут получены дивиденты с акций и паев, продать: четыре пая Московского Купеческого Банка, десять паев Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сына и К°, десять акций Московско-Ярославской дороги, потом взять мой членский взнос в Московском Купеческом Обществе Взаимного Кредита и получить долг вышеназванный. Все это вместе должно составить более пятидесяти четырех тысяч восьмисот руб., и этими деньгами покрыть мои долги в Московском Купеческом Обществе Взаимного Кредита и принятый мною на себя долг Архангельско-Мурманского товарищества срочного пароходства... В уплату долга моим сестрам отдать им, Александре и Елене Васильевнам, по пятидесяти пяти акций Общества Московско-Ярославской железной дороги, а Ольге Васильевне сорок акций, разумеется, когда все акции будут уже выкуплены...

Все то, что придется на мою долю участия в Обществе Московско-Курской железной дороги, будут ли то акции этого Общества, принадлежащие мне по нашим учредительным протоколам, или капитал, все оставляю я на устройство и содержание технических учебных заведений в Костроме... Технические учебные заведения должны состоять из одного высшего училища, которое по степени учения должно равняться гимназиям с семью классами; кроме его еще из четырех низших технических училищ: одного в Костро-

Химико-техническое училище имени Ф. В. Чижова в Костроме. Ныне Костромской энергетический техникум.



Макарьевское ремесленное училище имени Ф. В. Чижова. Сейчас Макарьевское профтехучилище № 1 им. Ю. Смирнова.

Сельскохозяйственное училище имени Ф. В. Чижова близ г. Чухломы. В данный момент агролицей № 23, деревня Анфилово.

ме, другого в Чухломе, третьего в Галиче, или Макарьеве, по указанию Костромского губернского земства, и четвертого в Кологриве. Наконец, если дозволит капитал, то прошу, сверх того, устроить другие общественные заведения в Костроме, именно родильный дом с классами повивальных бабок и тому подобное. Душеприказчиками и исполнителями этой статьи моего духовного завещания прошу быть двух моих приятелей: Савву Ивановича Мамонтова и Алексея Дмитриевича Поленова. Ни в постройке, ни в расположении учения, ни в составлении уставов, если таковых планов и уставов не будет мною оставлено, не должны вмешиваться никто, кроме моих душеприказчиков. Архитектором построек желал бы я иметь Ивана Васильевича Штрома... На разъезды и хлопоты во время построек прошу моих душеприказчиков брать по четыре тысячи в год каждому.

Библиотеку мою со шкафами отдаю в Румянцевский музей. Три портрета: один скульптора Витали, работы Карла Брюлова, другой пожилого человека с мальчиком работы Левицкого, третий Лосенка работы его самого, отдаю в тот же Румянцевский музей. Мой дневник в книгах и тетрадях прошу, не позволив никому читать, передать запечатанными в тот же музей с тем, чтобы его не могли распечатать ранее сорока лет. Туда же и на том же условии передаю всю мою переписку...

На похороны мои, самые простые, прошу употребить никак не более полутораста рублей, но кроме того купить хороший покров и отдать в церковь Феодора Студита, а духовнику моему, священнику этой церкви, уплатить тысячу рублей.

Сие духовное мое завещание писано мною своеручно в здравом уме и полной памяти 14 октября 1877 года в Москве.

Надворный советник Федор Васильевич Чижов.

ПАМЯТНИК Ф.В.ЧИЖОВУ

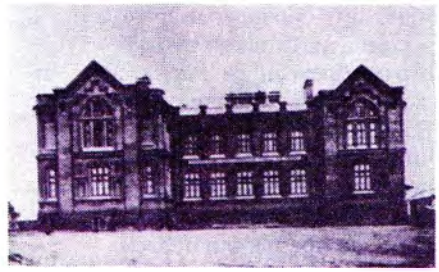
В заседании 31 октября городская дума постановила ознаменовать исполняющееся в 1917 году 40-летие со дня смерти известного благотворителя и учредителя многих профессиональных учебных заведений Костромской губернии Ф.В.Чижова постановкой ему в г.Костроме памятника, ассигновав для этой цели 2000 руб.

Кроме того, решено обратиться к губернскому и уездному земствам с предложением присоединить к означенной сумме и свои пожертвования, а также открыть на памятник повсеместную подписку.

Как нам сообщили, памятник будет поставлен около городского общественного самоуправления на месте осужденной на слом водокачки. Вокруг памятника будет разбит сквер.

"Костромская жизнь", 1913 г., № 238.

Костромское учебное родовспомогательное заведение им. Ф. В. Чижова. Теперь один из корпусов 2-й городской больницы.



Кологривское низшее сельскохозяйственное техническое училище им. Ф. В. Чижова. Здание передано военному ведомству, училище закрыто.

Молочная и сыроварня Кологривского училища имени Ф. В. Чижова. До настоящего времени не сохранились.

Татьяна ВОЙТЮК

«ПО ОДНОЙ ТОЛЬКО ХРИСТИАНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ...»

В Рождественскую ночь. Со старинной гравюры.

Один из корреспондентов "Костромских епархиальных ведомостей", участвуя в дискуссии о нищете, писал в 1906 году: "Правда, наш народ действительно беден. Он не может дать на благотворительное дело значительных материальных средств. Но, как известно также, что никакое доброе дело в нашем Отечестве из-за недостатка средств не стояло, лишь нашлись бы энергичные и самоотверженные деятели и готовы были бы вложить в него свою добрую душу".

И такие люди находились всегда. Иные давали деньги, порою щедро, и почитали, таким образом, свой долг выполненным. Иные отдавали, не имея денег, многие годы своей жизни. Купеческие капиталы соединялись с крестьянскими копейками, с трудолюбием врачей и священников, с деятельностью интеллигенции и дворянства.

Результатом было то, что в 1901 году, к примеру, в одной только Костроме было 33 благотворительных общества, а ведь была еще и целая губерния.

Сегодня мы не помним или просто не знаем ни имен, ни дел тех, кто строил на свои "кровно заработанные" деньги богадельни, приюты, школы для детей, ремесленные мастерские, а жаль.

ДЕЯТЕЛИ

"А между тем... всех родов бедность - явление постоянное, стало быть и средства, служащие смягчению ее, должны быть такие же..." - так размышлял в 60-е годы XIX века известный костромской издатель Павел Андроников. Не имея ни наследственных, ни "благоприобретенных" капиталов, но "желая, по его словам, принести посильную пользу бедным Костромской гу-

бернии", он в 1860 г. становится членом-благотворителем Костромского попечительного о бедных комитета с обязательством "безденежно печатать для Комитета бланки".(1) Ему к тому времени - 25 лет, по обычаям духовного сословия он окончил полный курс наук в Костромской духовной семинарии "с правом при поступлении в Гражданскую службу на 14 класс"(2), согласно аттестата в службу вступил в 1855 году - в Гражданскую палату с чином коллежского регистратора. "...К продолжению службы аттестовался способным и к получению чинов достойным", быстро продвигался вверх по служебной лестнице: в 1857 году - старший помощник столоначальника Гражданской палаты, в 1858 году - "перемещен на службу в число канцелярских чиновников канцелярии начальника Костромской губернии..., награжден чином губернского секретаря со старшинством, получил темную бронзовую медаль на Владимирской ленте в память 1853-1856 годов".(3)

Однако, не служба и не получение очередных чинов составляли смысл жизни Павла Ивановича Андроникова, не этим он был известен всей Костроме того времени.Прежде всего, он был талантливым издателем, любителем и знатоком истории костромского края. Будучи еще молодым человеком, Андроников приобрел типографию и книжный склад, издавал книги и брошюры, позднее газету "Листок костромских объявлений".

В 1857 г. Павел Иванович становится членом-корреспондентом Костромского губернского статистического комитета, который кроме всего прочего был неофициальным клубом просвещенной костромской интеллигенции и местом общения любителей истории Костромы. В этом же году он возглавил неофициальную часть "Костромских губернских ведомостей", став ее редактором. С его приходом газета заметно оживилась, приобрела местный колорит. Он вел из номера в

Группа детей Мариинского детского приюта в Костроме. 1870-е годы.

номер рубрику "Костромская летопись", в которой описывал современные ему любопытные события и происшествия. Главное же, что ему удалось сделать - собрать вокруг газеты любителей прошлого. Он мечтал "свести с нашей губернии заслуженный и обидный укор в том, что до сих пор об ней писано было так мало", сетовал, что "есть даже целые уезды, - Варнавинский, Ветлужский, Солигаличский и др. - о которых мы знаем так мало, что почти ничего не знаем!", призывал к деятельному участию "лиц просвещенных и наблюдательных, живущих в разных уездах нашей губернии".(4)

Как ни странно, но именно занятия историей края привели Павла Ивановича в Попечительный о бедных комитет. В 1860 году он "удостоился получить от Государя императора бриллиантовый перстень за книгу под названием "Император Александр в Костромской стороне"... и Высочайшую благодарность Ея Величества государыни Императрицы Марии Александровны за поднесение ей экземпляра того же сочинения".(5) После этого события ему было предложено стать членом-благотворителем Попечительного комитета. В 1864 г. он становится секретарем этого комитета, то есть по сути на его плечи ложится основная организационная работа. Должность секретаря Попечительного о бедных комитета была единственной, которую оплачивали, пусть и в незначительном размере. Павел Иванович совмещал ее сначала со службой в Костромской контрольной палате, затем в Управлении питейно-акцизными сборами, пока не оставил вовсе в декабре 1868 г. по случаю избрания его мировым судьей в Макарьевском уезде, где у его жены Екатерины Ивановны, дочери подпоручика Нелидова, было небольшое наследственное имение.

Занимаясь изо дня в день нуждами комитета, сбором денег с господ благотворителей, которые поступали не всегда вовремя и регулярно, составляя бесчисленные прошения уездным предводителям дворянства, стряпчим, благочинным, городским головам и частным лицам с просьбой о помощи "сирым и убогим", Андроников пытался найти такие формы организации благотворительности, которые приносили

бы постоянные средства. Журналы заседаний Попечительного комитета хранят множество ценных идей и предложений Павла Ивановича. Так, в одном из докладов он предлагал использовать имеющиеся у него типографию и книжный склад, эксплуатация которых, по его мнению, "могла быть полезна для означенного дела".

"В Костромской Попечительный комитет о бедных
Секретаря оного

Доклад.
[31 октября 1867 г.]

...Средства Комитета, между прочим, состоят в сборе денег по подписочным листам. Такой способ умножения средств, при своей неотъемлемой простоте, имеет то неудобство, что как известно Комитету - мало дает денег. Это происходит от следующих совершенно понятных причин. Давать деньги, не видя на что оне идут, есть дело человека развитого, потому что здесь у него работает отвлеченная мысль о благотворительности, проявления которой он не видит непосредственно, на месте, и своими глазами. Но неразвитых людей больше, чем образованных, да и последние дают свою копейку, если не совсем охотно, то уже вносят такую малую лепту, которую они не считают за деньги. В том и в другом случае для Комитета выигрыш небольшой. Наконец, из года в год однообразно повторяемая дача денег может наскучить дающим, что естественно мы видим из дел Комитета, а при этом и самые средства благотворителей подлежат случайности, если не совершенному оскудению. А между тем Комитету это хорошо известно - всех родов бедность, явление постоянное, стало быть и средства, служащие смягчению ее, должны быть такие же. Если взгляд на дело Комитет найдет правильным, то отсюда само собой вытекает следующее: средства Комитета тогда только будут в лучшем состоянии, когда Комитет сумеет быть полезным не только благотворимым, но и благотворящим. Так поставленный Комитет сделается потребностью общества и сольется с ним в одно органическое целое. Теперь, в настоящем положении Комитета, такой взгляд на дело некоторые считают идеальным. Но это не правда: такой взгляд на благотворительность не идеален по существу своему, потому что выходит из условий действительной жизни. Он опирается на известное положение политической экономии, которое состоит в том, что спрос поддерживает предложение, предложение - удовлетворяет спрос. На основании спроса и предложения существует торговля и промышленность всего мира. Всего сказанного здесь очень довольно, чтобы применить эту теорию к Комитету, когда он может быть полезен благотворящим. Когда за жертвуемые ими копейки, он будет платить им... например, развитием в их среде грамотности, пуская в продажу возможно более дешевые книги, копейки в 3-4 экземпляр. Этот обмен средств я нахожу полезным для обеих сторон: благотворящим он полезен, потому что их копейки не уходят бесследно куда-то далеко, а обращаются в книгу, которая находится у них в руках, по которой они будут учиться грамоте или приобретут необходимые сведения, которая с избытком вознаградит потраченную ими копейку. Комитету этот способ полезен, потому что значительно, на прочном основании умножит его средства и косвенно придаст ему значение образовательного учреждения. Обучить кого-нибудь грамоте или посодействовать кому-нибудь в этом, дело достойное человеколюбия, а стало быть и деятельности нашего Комитета".(6)

Далее шли подробные практические выкладки и цифровые расчеты затрат и предполагаемой прибыли. Прости, любезный читатель, за столь длинную цитату: она ясно очерчивает душу и облик этого человека.

В делах благотворительности Павлу Ивановичу Андроникову деятельно помогала его жена - Екатерина Ивановна, мать троих, к тому времени малолетних детей. Не без участия четы Андрониковых родилось и окрепло в Костроме Женское благотворительное общество.

Наружный вид Мариинского детского приюта. 1870-е годы.

А. Ф. Карцова.

Е. И. Зворыкина.

А. М. Акатова.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦЫ

Идея создать Женское благотворительное отделение Костромского попечительного о бедных комитета появилась в костромском обществе в 1866 году. Дамы сами хотели заниматься благотворительностью, иметь свой комитет, отдельные финансы, справедливо полагая, что многие проблемы, такие, как организация детского приюта, обследование нуждающихся семей, попечение о неимущих учащихся, они могут решить лучше, чем мужчины.

Дамы неустанно атаковали председателя Попечительного комитета Геннадия Васильевича Карцева, осаждали губернатора, предлагая многочисленные идеи и проекты, пока наконец, в 1868 году Дамское отделение не было утверждено официально. В его Уставе было записано: "Женское Благотворительное Отделение учреждается при Костромском Попечительном о бедных комитете для большего развития деятельности последнего и имеет одинаковую с ним цель, а именно: облегчение участи нуждающихся жителей Костромской губернии и их семейств оказанием постоянных и единовременных пособий, призрением и воспитанием детей, в особенности же развитием женского труда и содействием к сбыту рукоделий бедных".(7)

Подводя итог пятнадцатилетней деятельности Дамского отделения, Г.В.Карцев вспоминал: "Дамское отделение нашло удобным разделить город на участки и, разобрав таковые, неустанно помогало бедным, являясь истинными благодетельницами и в убогих их жилищах - дамы взяли под свое покровительство женскую богадельню, позаботились о детях бедных, старались помогать им в ученье и повсюду вызывали искреннюю к себе благодарность".(8)

Заходя в фабричные семьи, обследуя квартиры мелких чиновников, проверяя многочисленные прошения о помощи, женщины сталкивались с действительной нищетой и настоящим горем. Бедных было значительно больше, чем благотворительных средств, а программы деятельности и всевозможные инструкции требовали неукоснительного выполнения. И только терпение, мужество, нежелание подчиняться пустым формальностям давали конкретным людям реальную помощь. Женщины, как правило, пытались решать все вопросы более согласуясь со своим чувством, чем с инструкцией. Вот, к примеру, выписка из журнала Костромского попечительного комитета от 30 ноября 1868 года: "Слушали: Отношение Дамского Отделения за № 35, при котором препровождает представление заведывающей 12 участком г.Костромы дамы благотворительницы Екатерины Ивановны Андрониковой... Вчерашний день она получила программу для своей деятельности. Дело, казавшееся ей прежде для нее легким, свободным и простым, получило иную форму и характер... В программе сказано, что участковая дама должна принимать на себя попечение о бедных, но не объяснено, как бы следовало, в чем именно должно проявляться это попечение... Далее сказано, что участковая дама должна отыскивать новых нуждающихся. Она не понимает, для чего отыскивать новых, когда своим коренным и старым призренникам Комитет и Отделение не могут дать надлежащего пособия за недостатком средств. Зная скудость Комитета в денежном отношении, она не отыскивала новых бедных. Таких бедных она нашла, положим, 200 человек, выдала им удостоверение свое в их бедности, которое они и представили Комитету или Отделению. Она бы хотела знать, достаточно ли одного ее удостоверения, как участковой дамы, чтобы известное лицо или даже все 200 человек, ею вновь отысканных бедняков, безотказно получили пособие, или в выдаче его имеет быть отказано?.. А если бедные, приходящие в Комитет или Отделение с ее удостоверением в их бедности, получат отказ в пособии, то она не понимает, в какое положение ставит свою участковую даму Отделение, обязывая ее

говорить одно, а делать другое".(9)

Ясно, что с такими дамами было нелегко, но именно благодаря им в 1869 г. появился в Костроме первый детский приют для детей обоего пола.

На Сенной площади полиция часто ловила бедных детей при воровстве сена с возов и сажала их в арестантские при полиции. Именно это обстоятельство заставило Попечительный комитет обратиться в Дамское отделение с просьбой приютить арестованных детей. "Всегда готовое на помощь ближнему, Дамское отделение поспешило озаботиться открытием приюта для детей обоего пола, а так как для этого не было никаких средств, то член благотворитель И.Н.Чалеев поспешил собрать капитал в 200 рублей, достопочтенная Матушка игуменья Мария предложила помещение в монастырском доме и многим пособила делу. В.К.Мясников дал кровати и обустроил весь приют. Н.А.Зотова, впоследствии попечительница приюта, с помощницами А.Ф. Шредер и Н.А.Купреяновой поддержали его существование и расширили как самый приют, так и его капитал... Итак, ничтожное зерно, брошенное на добрую почву, выросло до порядочного дерева. В 6 лет капитал приюта возрос с 200 рублей до 6000, число детей увеличилось с 5 до 28 и все это, благодаря уважаемым сотрудницам комитета".(10) Позднее приют получил собственное здание, построенное на средства костромского купца А.А.Живущева, разделился на два отдельных: для мальчиков и девочек, появились новые попечители, и через 20 лет никто практически уже не помнил тех, кто начинал это дело.

Следующим прекрасным начинанием Дамского благотворительного отделения стала организация Попечительного об учащихся общества. Многие высказывали мысль о том, что раз денег нет, то и начинать новое дело незачем. Однако, Е.П.Купреянова, Е.В.Жохова, Н.А.Карцева, Т.П.Нелидова настояли на своем, и в октябре 1878 года новое общество, призванное помогать беднейшим учащимся средних и низших учебных заведений, было открыто официально.

Начинанию суждена была долгая жизнь. Оно просуществовало вплоть до революции 1917 года. По его подобию позднее открылись Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Костромской духовной семинарии, Нерехтской Мариинской женской гимназии, Костромской мужской гимназии, Хреновской церковно-учительской школе и других.

Обращаясь к костромичам, Правление общества писало: "Правление надеется, что его сердечная просьба к членам своим и всем Костромичам не останется голосом вопиющего в пустыне. Ужели в самом деле костромичи, питающие многие сотни нищих, откажут в помощи какой-нибудь сотне-другой обучающихся бедняков? Ужели кто думает, что подаяние нищему, праздно бродящему по улицам, душеспасительнее подаяния нищему, ходящему в школу учиться св. вере Христовой и другим полезным наукам?".(11)

Общество это не только оплачивало обучение неимущих детей в костромских учебных заведениях, но и платило за обучение в столичных институтах, школах: назначало пособия на книги, одежду, медицинскую помощь, питание, организовывало ежегодную летнюю дачу для наиболее слабых здоровьем девочек.

Из отчета Правления общества за 1913 год: "Еще задолго до учреждения "Лиги борьбы с туберкулезом", еще при первых попытках публицистики поднять вопрос о пользе и необходимости открытия летних колоний для учащихся, слабых здоровьем, Костромское Попечительное об учащихся Общество, несмотря на скудость своих средств, смело взялось за осуществление этой высокой идеи. Оно ясно сознавало, что здоровье тысяч школьников лежит в основе здоровья всего взрослого населения, что многие болезни взрослых являются непосредственным результатом детских болезней.

...Таким образом, каждый шаг, направленный к охранению и улучшению здоровья детей, есть лучший путь к уменьшению болезней взрослых. Даже незначительное повышение уровня здоровья детей может дать пропорционально больший выигрыш в физическом здоровьи, способностях и энергии всего народа".(12)

П. Г. Колодезников.

Б. Н. Клириков.

В. А. Шевалдышев.

Прочитаешь эти фразы, вырванные из отчета в целом, и не подумаешь никогда, что написаны они в 1913 году.

Деятельность Дамского благотворительного отделения была настолько благотворной и ощутимой для Костромы, что в начале века, когда в Городском управлении встал вопрос об организации Попечительства для бедных при Городской управе, комиссия по выработке его проекта отказалась принять за основу присланные из Москвы предложения, так как в них не предполагалось участие в этом деле женщин. Комиссия писала: "Исходя из такого положения, Комиссия усматривала и ныне усматривает, необходимость... допустить и женщин в равных правах с мужчинами к деятельности по участковым Попечительствам, тем более, что женщина в области общественной благотворительности имеет, вообще говоря, некоторое преимущество перед мужчиною; она сумеет стать ближе к нужде, скромнее и нежнее подойдет к тайне семейной жизни, с большей самоотверженностью заглянет в глаза нищете, чем мужчина; в деле общественной благотворительности эти качества женщины делают ее неоценимым сотрудником; разумеется, город может достигнуть этого и использовать присущие женщине качества лишь при условии участия женщины на равных правах с мужчиною в Попечительствах; положение это не требует доказательства, так как многочисленные примеры тому имеются в частных благотворительных обществах".(13)

ПОПЕЧИТЕЛИ

В благотворительной деятельности костромскому купечеству принадлежала далеко не последняя роль. Основная масса купцов "не за страх, а за совесть" несла благотворительные расходы. Не было благотворительного налога в государстве, но была традиция, действовавшая строже закона. Купец, пожадничавший на благое дело, (а купцы деньги считать умели) навсегда умирал в общественном сознании, дорого обходилась ему не отданная бедным копеечка. Не последнюю роль играло и соблюдение престижа "фирмы".

На благотворительном вечере в Дворянском собрании в пользу нуждающихся учащихся Костромской гимназии не мог себе позволить Геннадий Николаевич Ботников, к примеру, сидеть не в первом ряду, где билеты были самыми дорогими, где сидели Владимир Алексеевич Шевалдышев и Алексей Андреевич Зотов - наутро об этом знал бы весь город.

Было, однако, и другое обстоятельство. Одной из исконных черт костромского купечества было нищелюбие. Милостыня в народном понимании спасения играла первостепенное значение, и именно из христианских заповедей вырастало понимание купечеством милостыни как высокой добродетели.

В Костромской губернии известна была своей благотворительностью семья Чумаковых. Ходатайствуя о награждении члена сотрудника и члена благотворителя, купца I гильдии Михаила Николаевича Чумакова орденом Станислава III степени, Костромской попечительный о бедных комитет писал, что "член сотрудник и благотворитель купец Чумаков, пожертвовав в 1872 году 1800 рублей на три кровати в Крестовоздвиженской богадельне и по особому сочувствию к делу благотворительности и по любви к детям внеся 1000 руб. на устройство приданого выходящим в замужество воспитанницам, в 1877 году принял на себя заведование приютом, помогая ему, сверх заботливости об улучшении, пожертвованиями съестными припасами и другими предметами, и надо отдать полную справедливость, что старанием его приют доведен во всех отношения до цветущего состояния".(14)

По традиции должность казначея Попечительного о бедных комитета постоянно исполнял кто-нибудь из костромских купцов и, пожалуй, дольше всех Михаил Николаевич Чумаков, а позднее его выросшие сыновья, сменившие его на всех "благотворительных постах".

В Попечительном комитете о Михаиле Николаевиче говорили, что ему "вполне можно доверять, в виду огромного состояния Чумакова и известной твердости его слова".

Михаил Николаевич Чумаков был человеком глубоко религиозным, любил и знал церковные службы, домашнюю тихую уединенную молитву, не один десяток лет состоял церковным старостой одной из самых любимых костромичами церкви Иоанна Богослова на Каткиной горе, в обустройство, ремонт и содержание которой вложил целое состояние.

В 1887 году Чумаков купил у своих давнишних знакомых Геннадия Васильевича и Натальи Александровны Карцевых усадьбу Васильевское под Костромой. В этой усадьбе Карцевы не раз устраивали летнюю дачу для детского приюта, беря детей почти полностью на свое содержание. В усадьбе была своя домовая церковь, которую разрешено было иметь Карцевым до конца их жизни. Чумаков, живя безвыездно в конце жизни в Васильевском, ходатайствовал о разрешении открыть ему свою домовую церковь. Он писал в прошении, что "находясь ныне в преклонных летах и болезненном состоянии, он желает постоянно, особенно в летнее время, жить в купленном им у г.Карцевой доме, тем более, что главная его забота о перестройке и благоукрашении приходского в г.Костроме Богословского, что на Каткиной горе, храма и об обеспечении причта при кладбищенской церкви г.Макарьева, мест его Чумакова родины, при помощи Божией увенчалась успехом. Желание его провести остаток своей жизни во вновь купленном им доме соединяется с крайнею необходимостью находиться, сколь возможно чаще, за Божественною службою в храме Божием".(15)

В характеристике, данной Михаилу Николаевичу епархиальным начальством, было написано: "...Чумаков в своей жизни строго держится религиозно-нравственных начал в духе православия, точно соблюдает уставы и постановления церкви и не по механической только привычке, а проникаясь духом церковности по мере разумения; любит храм Божий, в воскресенье и праздничные дни считает обязанностью бывать и бывает за богослужением; свято исполняет посты и каждогодно со всею семьею исполняет христианский долг исповеди и св. причастия, ведет жизнь степенно - трудовую и не только не предан мирским развлечениям, но и не ищет оных, а стремится обрести чистоту и спокойствие души в молитве домашней и особенно церковной и св.таинствах.

Обладая значительным состоянием и сам испытав бедность, понимает и сочувствует бедным людям, участвуя своею помощью в разных благотворительных учреждениях, готов на всякое общее благое дело. Детей воспитывает в тех же добрых навыках и в любви к труду. Состоя церковным старостой с 1871 года, на пользу означенной церкви и на обеспечение причта он израсходовал из собственных средств до 69 тысяч".(16)

Дочери Чумакова, Мария и Евгения, постоянно находились с отцом. Сыновья, Иван и Михаил, продолжали дело отца во всех отношениях. Связи же своей с Попечительным комитетом, с приютом Михаил Николаевич не терял. Об этом говорит и такой любопытный факт. Еще до открытия городского телефона в 1899 году существовала частная "чумаковская" телефонная линия, которая соединяла усадьбу Васильевское и улицу Мшанскую, на которой находились и Попечительный комитет, и чумаковские фабрики. Чумаковы именно поэтому постоянно жертвовали на содержание Ильинской кладбищенской в городе Макарьеве церкви. В 1885 году Михаил Николаевич начал хлопотать об устройстве при этой церкви богадельни: "В городе Макарьеве Костромской губернии я желаю построить при городском кладбище Богадельню не менее как на 25 человек престарелых и убогих женщин, с особым помещением для церковного причта, об определении которого быть постоянным при кладбищенской церкви, будет от меня особое ходатайство пред Епархиальным начальством, и обеспечить в той Богадельне процентным капиталом на вечное время содержание 10-ти человек...".(17)

Через три года в октябре 1888 года Чумаков сообщал Попечительному о бедных комитету, что "... каменное двухэтажное здание в городе Макарьеве для Богадельни и квартир священноцерковнослужителей по освидетельствовании оказалось выстроенным прочно и во всем согласно утвержденному Строительным отделением проекту, так что каких-либо препятствий в техническом отношении к замещению этого здания по назначению не представляется".(18)

Дамскій знакъ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Человѣколюбиваго Общества.

Мужской знакъ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Человѣколюбиваго Общества.

Но препятствия все-таки были. Жизнь постоянно оказывалась сложнее идеала, и нужна была настойчивость Чумакова, его искреннее желание, чтобы богадельню все-таки открыли. Целый год тянулась переписка со всякими ведомствами о том, кто же будет оплачивать проживание еще 15 человек, так как М.Н.Чумаков брал "на вечное время" содержание только 10 человек. После длительных хлопот на содержание трех призреваемых выделило средства Макарьевское благотворительное общество, еще три кровати в память купца Макара Николаевича Чумакова устроили родственники Михаила Николаевича, который с поистине христианским терпением продолжал хлопотать о скорейшем открытии богадельни перед разными чиновниками: "Такое значительное промедление времени в даровании приюта бедствующим и нуждающимся, по независящим от меня причинам, никак уж не согласуется с тем усердным рвением, с которым я спешил осуществить богоугодное дело".(19)

В августе 1889 года богадельня была открыта, и Михаил Николаевич Чумаков посчитал выполненным главное дело своей жизни.

Именно христианский труд, осознание невозможности жить сыто, когда вокруг бедные, а уже потом деньги - приводили к тому, что была в России Благотворительность и были благотворительные традиции.

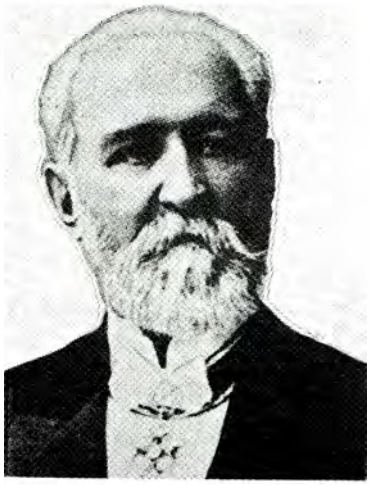
Можно было бы рассказать о многих таких тружениках: об аптекаре Зегнице, многие годы бесплатно отпускающем бедным лекарства, о врачах Зеленском и Спасокукотском, ежегодно подававшим помощь не одной сотне бедняков, наконец, о духовных врачах, о.Иоанне Вознесенском, к примеру, который кроме службы в тюрьме, без оплаты служил в Лазаревской богадельне многие годы, "по одному только чувству христианскому и по долгу пастыря, кроме исповедывания и приобщения Св.Тайнами в установленные посты, с полным усердием и без малейшего упущения исполнял все требы по напутствованию умирающих...".(20)

---

1) ГАКО. Ф.397. Оп.1. Д.52-а. Л.13.
2) Там же. Д.57. Л.4.
3) Там же. Л.4-об -5.
4) Костромские губернские ведомости. - 1857.- N 26-31. - 6 июля - 10 августа.
5) ГАКО. Ф.397. Оп.1. Д.57. Л.6.
6) Там же. Д.19. Л.16-17-об.
7) Там же. Д.246. Л.1.
8. Там же. Д.113. Л.101.
9) Там же. Д.71. Л.69-72.
10) Там же. Д.113. Л.101.
11) Отчет Правления Попечительного об учащихся общества при Костромском Попечительном о бедных комитете за 1882 г. Кострома, 1883. С.2.
12. То же за 1913 г. Кострома, 1914. С.3-4.
13) ГАКО. Ф.207. Оп.1. Д.321. 30-об.
14) Там же. Ф.397. Оп.1. Д.84. Л.89-об.
15) Там же. Ф.134. Б/ш. Д.1514. Л.9.
16) Там же. Л.11.
17) ГАКО. Ф.397. Оп.1. Д.145. Л.10-об.
18) Там же. Л.26-об.
19) Там же. Л.64-об.
20) ГАКО. Ф.397. Оп.1. Д.84. Л.66-об.

В. Ф. Лугинин

К. А. Попов



И. П. Третьяков

Н. Н. Селифонтов

П. М. Третьяков

Костромские благотворители и меценаты

Духовный порыв, переживаемый российским обществом после отмены крепостного права, поднял на волне народолюбия имена подвижников - просветителей, общественных деятелей, художников-передвижников, купцов и новых буржуа, которые видели свой долг в том, чтобы послужить своему народу. Так, например, как служил Федор Васильевич Чижов, завещавший свой капитал на строительство технических училищ Костромской губернии. Или братья Третьяковы, подарившие России целую галерею бесценных художеств, а Костроме - прекрасные здания, в которых размещались когда-то многочисленные благотворительные заведения - больницы, училища для рабочих, библиотеки Новой Костромской льняной мануфактуры, которой они владели. Или имя Александра Николаевича Григорова, основавшего в Костроме первую в России женскую гимназию с благотворительным пансионом для бедных девиц. Солигаличанин Иван Сытин придумал, как сделать дешевыми и доступными книжки для народа и учебную литературу. А Василий Кокорев, сын солигаличского купца, подарил городу целый санаторий. Семья дворян Лугининых в селе Рождественском Ветлужского уезда строила бесплатные школы, больницы для бедных, которые и теперь еще служат нам. "Чайный король" Константин Попов, уроженец посада Большие Соли, учредил несколько стипендий для обучения бедных детей ремеслу, им основаны были в посаде и обеспечены капиталом больница, ремесленое и приходское училища, общественный банк.

К. А. Брюханов

С. Н. Забенкин

В. А. Кокорев

М. Г. Вахрамеев

Г. Н. Ботников

Такими именами богата прежняя Россия. Столь прочна была старая русская традиция жертвовать на пользу народного просвещения и здравия. Но история благотворительности поучительна не только как поиск способов борьбы с нуждой. Благотворители придавали огромное значение архитектурному облику тех зданий, которые они строили для детских приютов, воспитательных домов и т.д. Во многом эти постройки до сих пор придают неповторимый облик старым костромским улицам.

Наши предки оставили нам в назидание образцы милосердного поведения и памятники доброты, с которых, к сожалению, время, особенно наше, стирает имена.

Редакция журнала "Губернский дом" обращается к исследователям, краеведам, историкам, учителям с просьбой принять на себя коллективный труд по восстановлению их имен, забытых и неизвестных новому поколению.

Эта работа могла бы стать опытом собирания первого биографического словаря о благотворителях, деятелях и жертвователях, меценатах, чьими стараниями отстраивался наш старинный город Кострома, его храмы и колокольни. О тех, кто опекал сирот, больных, нищих, кто дарил городу прекрасные особняки и целые скверы, как городской голова Геннадий Ботников. Благодаря кому собирались богатейшие коллекции костромской старины и живописи в фондах местных музеев.

Обращаемся также к предпринимателям, руководителям фирм, акционерных обществ и банков и другим деловым людям с предложением разместить в этом издании свою рекламу и помочь в его выпуске. Первый вклад средствами уже сделали наши друзья из Норвежской миссии "К Востоку".

Всем, кто хочет принять на себя труд по подготовке и финансированию словаря "Костромские благотворители и меценаты", следует обращаться по адресу: Россия, 156000, Кострома, проспект Мира, 7, редакция журнала "Губернский дом".

Ирина ТЛИФ

«РУССКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НЕ ЛЮБИТ НИЧЕГО ОФИЦИАЛЬНОГО И КАЗЕННОГО...»

В середине 1868 года Господин Помощник Главного Попечителя Императорского Человеколюбивого Общества Михаил Сушинский озадачил Костромской Попечительный о бедных Комитет весьма щепетильным вопросом. Не может ли Комитет и учрежденное при нем Дамское отделение "по свойству их капиталов и расходов подчиниться, как относительно хранения и расходования сумм, так и Ревизии оных, правилам для всех прочих Государственных учреждений"...(1)

Свободные от казенной опеки суммы во все времена притягивали к себе не вполне бескорыстный интерес государства. Так и в данном случае Господин Сушинский вступил в сношения с подведомственными Губернскими Попечительными Комитетами не по собственной инициативе, а по Высочайшему Повелению Государя Императора.

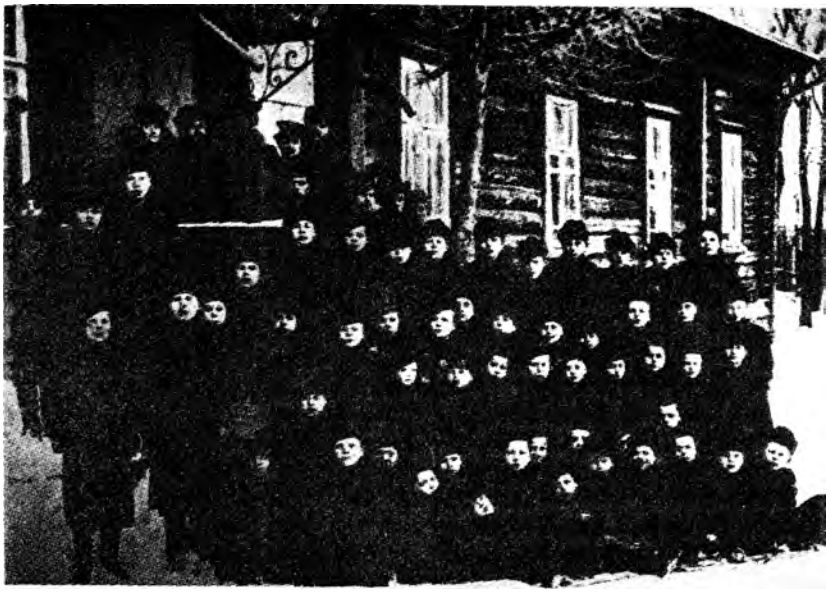
Императорское Человеколюбивое Общество в 1802 году было учреждено Александром I "как общество миролюбивых и добродетельных граждан", призванных "ласковым обращением, спасительными беседами, словом - всеми нравственными и физическими способами... облегчать судьбу... жертв ожесточенного рока".(2)

Выделенные на поддержку благого начинания из Собственного Кабинета Его Величества и Государственной казны значительные суммы, очень скоро растворились в мощном потоке пожертвований частных лиц. "Общество" быстро перешагнуло границы Москвы и Петербурга, превратившись со временем в большую, хорошо организованную структуру с солидным независимым капиталом.

Приюты и богадельни, школы и мастерские, убежища для бездомных и лечебницы для нищих - сюда текла большая и малая лепта подающих.

Во искупление ли грехов, от истинного ли сострадания, из тщеславия ли и для престижа - о нравственном источнике благодеяний вопросов не задавали, хорошо понимая, что нищий старик не осудит того, кто облегчил его последнюю земную немочь, а осиротевшее дитя и вовсе не ведает о подобного рода проблемах. Солидные суммы известных людей соседствовали со скромными жертвами - "медный тазик... и четыре тюфячка" для детского приюта, "две оловянные кружки" для богадельни от лиц, "пожелавших остаться неизвестными". Дарственная на дом под какое-либо благотворительное заведение прекрасно уживалась с предложением немудрящего лекаря "безвозмездно ставить пиявки призреваемым бедным". Стипендии, учрежденные недостаточным студентам - с просьбой одинокого сапожника взять в обучение башмачному мастерству мальчика-сиротку "ежели окажется способным к этому..."(3)

Уездные Предводители дворянства, Благочинные округов, старосты Волостных правлений пересылали Попечительным Комитетам деньги, собранные по подписным листам; в общую благотворительную кассу вливались кружечные и кошельковые сборы; туда же шла выручка от выставок, концертов, спектаклей; крупные суммы, движимое и недвижимое имущество отходило "в пользу бедных" по Духовным завещаниям. Так, капиталами совершенно особого "свойства" пополнялся фонд Человеколюбивого Общества, и за время, предшествующее правлению Александра II, общая сумма его доходов превысила далеко за девять миллионов рублей, семь из которых составили исключительно частные пожертвования.



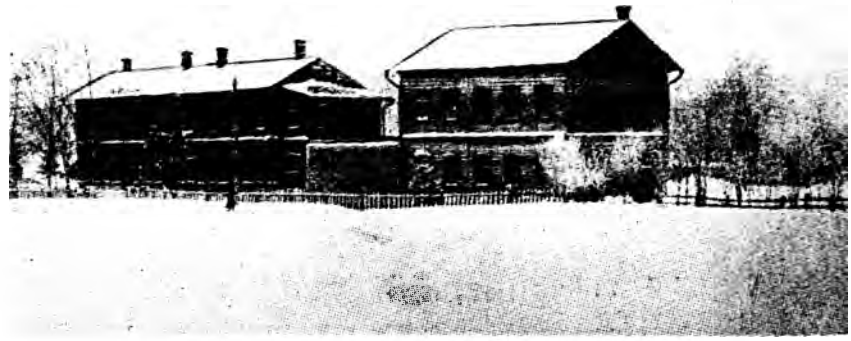
Группа детей возле Александринского детского приюта, учрежденного костромским губернатором А. Р. Шидловским в 1895 г.

Император Александр II проявил себя как щедрый и заботливый попечитель Человеколюбивого Общества. За годы царствования (1855-1881) он перечислил на благотворительные дела около трех миллионов рублей. Но им же были введены особые награды и поощрения наиболее активным деятелям и жертвователям Общества, в конце 50-х годов многие члены его получили права государственной службы и соответствующие знаки отличия (4), а в 1867 году последовало Высочайшее Повеление обсудить в Совете Общества вопрос о подчинении его сумм Государственному Контролю с применением правил счетоводства и отчетности.

Права Государственной службы, награды и поощрения приняты были благотворительным ведомством с благодарностью, но утрата финансовой независимости - с 1816 года все пожертвования поступали в распоряжение Совета Человеколюбивого Общества и подведомственных ему учреждений - энтузиазма вызвать не могла.

Потому-то Помощник Главного Попечителя, обращаясь к Губернским Комитетам и к Костромскому, в частности, предлагает представить мнения с мест, не затягивая сроков и со всеми необходимыми подробностями, замечая, между прочим, что "дело по важности своей требует обсуждения самого внимательного и всестороннего".(5)

По получении письма Г.Сушинского Члены Костромского Попечительного Комитета проникли в суть предмета сразу и с ответом не задержались. Ответное послание (6) подписал господин Карцев, недавно принявший пост Председателя и, как оказалось, на долгое время, в некоторых же изящных стилистических оборотах документа просвечивает легкое перо известного журналиста и редактора газеты "Костромских ведомостей" Павла Андроникова - секретаря и Члена-Благотворителя Комитета, что позволяет думать, что текст был составлен не без его активного участия.



Вид колонии для малолетних преступников в Костроме. 1890-е годы.

"Обсуждая предложенный Его Превосходительством Господином Помощником Главного Попечителя Императорского Человеколюбивого Общества вопрос о подчинении отчетности Комитета Государственному Контролю, Комитет приходит к мысли, отрицающей подчинение его отчетности правилам единства касс на следующих основаниях:

1.Единство касс есть мера финансовая, вследствие которой Главное Государственное Казначейство выигрывает свободу капиталов, без обращения лежавших до этого времени запертыми в разных кладовых различных ведомств и управлений. Капиталы эти состояли из сумм государственных, а потому они, оставаясь некоторое время в течение года свободными, при единстве касс с большею пользой пускаются в оборот т.е. употребляются на государственные расходы до известного времени. Такое направление Государственных сумм Правительство имело полное право сделать, потому что эти деньги были государственные. Не таковы капиталы, находящиеся в нашем Комитете: по отношению к правительству они не составляют его собственность, так как даны частными лицами на известные благотворительные цели, а потому и эксплуатировать их правительству нет оснований, а стало быть и подчинять правилам единства касс. К тому же главные суммы нашего Комитета состоят в именных процентных бумагах, которые где бы ни находились - в кассе ли комитета или в общей кассе Губернского казначейства, не могут быть пущены в расход на государственные потребности. В общей кассе государственных сумм они будут, стало быть, мертвым капиталом, от хранения которого государство ничего не выиграет и только разве доставит лишний труд Контрольному институту.

2. Многие находят, что контрольная система не упростила выдачу денег, а усложнила и замедлила ее. По характеру деятельности нашего Комитета, по Уставу, полагается для письма один чиновник с небольшим жалованием, секретарь, на котором лежит все делопроизводство, и казначей - не получают его. При таком составе немыслимо вести книги и счета по правилам единства кассы: чиновник и теперь, так сказать, завален перепиской, а при единстве кассы прибавится бухгалтерская книга прихода и расхода и сотни самых мелких оправдательных документов. В секретари же и казначеи, наверное, можно сказать, никто не пойдет без жалования. Допустим, впрочем, что труд ведения счетоводства по правилам единства касс примут и секретарь, и казначей. Но могут ли они его вести? По правилам этой системы требуются в расходном отделе оп-

Дети-подкидыши Клириковского детского приюта. 1900-е годы.

равдательные документы, которыми следует считать расписки получающих пособие. Но их-то у нас и нельзя иметь, потому что из лиц призреваемых Комитетом, едва ли сотая часть умеет писать, да и из тех половина таких, которые или совершенно слепы, или не владеют руками. Что же Комитету остается тогда делать? Может быть, скажут, в таком случае Комитету следует производить расчет из аванса? Это, конечно, всего лучше бы, но дело в том, что авансовая выдача, во-первых, ничем не будет отличаться от теперь существующей, когда Комитет действует самостоятельно, а во-вторых, и самого аванса для Комитета нельзя заранее определить, потому что каждомесячный расход по Комитету не может быть одинаков и законы прилива и отлива нуждающихся в помощи Комитета не определены. Наконец, самая ревизия Комитета Контрольною Палатою в кассовом ли только отношении или даже и документальная, не может быть применима к Комитету, во-первых, потому, что она не нужна. Комитет и без того отдает отчет в своих действиях и расходах благотворителям, из пожертвований которых, составляются суммы комитетские. Во-вторых, ревизия сумм комитетских чиновниками Контрольной палаты будет положительно вредна, потому что чрез нее в интерес общественный внесется элемент Государственный, причем либо тот, либо другой необходимо ослабнут.

Характер русской благотворительности по преимуществу скромный, келейный. Введя в Комитетское счетоводство чуждое русскому народу чиновничество, т.е. государственный контроль, Комитет очень скоро потеряет своих вкладчиков. Русская благотворительность не любит ничего официального и казенного. Прототипом ее служат церковные подаяния, которые несмотря на отсутствие контроля государственного, никогда не оскудевают и не оскудеют."(7)

Наружный вид детского приюта для подкидышей имени Н. П. Клирикова. Фото 1902 г.

---

1. ГАКО. Ф.397. Оп.1. Д.71.
2. Императорское Человеколюбивое Общество. Петроград. 1915. Стр. 45-46.
3. ГАКО. Ф. 397. Оп.1. ДД. 65, 75.
4. Императорское Человеколюбивое Общество. Петроград. 1915. Стр. 53-54.
5. ГАКО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 71.
6. ГАКО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 71. ЛЛ. 30-33.
7. Журнал Костромского Попечительного о бедных Комитета. Запись сделана 24 августа 1867 года. Оригинал ответа отослан Помощнику Главного Попечителя Императорского Человеколюбивого Общества 29 августа того же года.

ДНЕВНИК ПОПЕЧЕНИЯ О БЕДНЫХ

Апрель 12 дня 1869 года

Прошение костромской мещанки Феоктисты Степановой о пособии. Из обследования видно: Степанова не стара, но больна, вдовеет 9 лет. Муж ея был артист, и сама Степанова была актриса - сошла со сцены годов с пять. Средств к жизни не имеет, разве когда позволяет здоровье, занимается шитьем. У нее есть дочь лет 10. Живут обе у небогатых знакомых без платежа за квартиру. Милостыни не собирает, считая это крайним унижением. Это объясняется прежним образом её жизни. Вообще, крайняя, но благородная бедность.

Определили: просительнице Степановой выдавать по 3 рубля, в каждую треть (квартал), для чего и снабдить ее билетом.

Май 31 дня 1869 года

Прошение солдатской вдовы Любови Селиверстовой Боровиковой о пособии на содержание троих малолетних детей, из числа которых два - новорожденных. По совершенной своей бедности не имеет, во что бы могла их завернуть.

Справка Костромского Городского Полиц. Управления: "Проживающая в Костроме солдатская вдова Любовь Селиверстова, имеющая при себе двоих малолетних детей - дочь Татьяну 13 и сына Андрея 2 лет от рождения, сильно заражена болезнью (сифилис), почему она... и отправлена для излечения в Костромскую Земскую Больницу. Малолетние же дети Селиверстовой остались без всякого призрения и без куска хлеба. Девочка Татьяна и ранее пропитывалась сбором милостыни. Но в настоящее время, при болезни матери, не имеет возможности отлучиться от двухлетнего своего брата, требующего за собой присмотра, Татьяна, лишилась и милостыни.

Дворянка Прасковья Петровна Волкова из сострадания малолеткам, по отправлении Селиверстовой в больницу, дала им приют. Но сама она не имеет тоже состояния - пропитания малюткам доставлять не может, других же благотворительных лиц и родственников, кои бы помогли им, в виду не имеется. Таким образом, эти сироты в настоящее время впредь до выздоровления матери их, находятся в жалком положении и заставляют обратить на них внимание начальства, имеющее попечение о бедных..."

Определили: просительнице на детей выдать единовременно рубль серебром, о чем господину казначею Комитета передать выписку из сего журнала.

Председатель Г.Карцев. Священник П.Орлов.

Июля 12 дня 1869 года

Прошение отставного коллежского секретаря Аркадия Васильева Розова на прокормление детей. Из обследования видно: г.Розов, судя по его квартире, которую он занимает с малолетними 5-ми детьми, крайне беден. Он живет вместе с двоими нищими в развалившейся кухне, в квартире его не видно ни одной сколько-нибудь ценной вещи, или имеющей какую-либо стоимость. Малые дети на вопрос: "Что они кушают?" - ответили: "Хлеб один без всякой приварки". На вопрос: "Какое у них платье?" - они ответили, что кроме новых сорочек, которые подарили на праздник чужие, у них лучшего нижнего и верхнего платья нет. И это правду сказали, потому что нет ни одной цельной вещи. Розов, по сказанию соседей, не заплатил 4 руб. за прежнюю квартиру свою. В настоящее время Розов определился писцом в Полиц. Уездное Управление.

Определили: Просить Дамское Отделение найти средства через частных благотворителей к экипировке детей г.Розова и, если возможно, то и к помощи в содержании их.

Марта 18 дня 1869 года

Подкинут к дому Г.Дмитриева младенец женского пола, который на время оставлен для воспитания дворнику г.Дмитриеву Куприяну Семенову. 10 апреля дворник Семенов объяснил Управлению, что он долее воспитывать этого младенца не может, а потому Полиц.Управление просит Управу о приюте означенного младенца, названного Христиной, в учрежденное для сего заведение. Губернская Управа имеет в виду, что на основании Циркуляра Министерства Внутренних дел... младенцы не могут быть принимаемы для воспитания в богаделенный дом, воспитательного же и сиротского домов в ведении Земской Управы не состоит.

...Подобных младенцев, родители коих не будут отысканы, следует помещать на воспитание к благотворительным лицам, при содействии тому Попечительных комитетов о бедных, учрежденных в каждой губернии, в круг деятельности коих входят содействие к воспитанию детей сирот и неимущих родителей. А потому Управа просит Комитет оказать содействие к приисканию какого-либо благотворителя, к коему можно бы было поместить на воспитание подкинутого младенца, и о последующем ее уведомить.

Определили: О содержании сего отношения уведомить Дамское отделение и просить его, не найдет ли возможным исполнить просьбу Земской Управы. Независимо от того сообщить и в ГЗУ об изыскании средств для вспомоществования Комитету - на учреждение при оном родительного отделения, как средства предупредить и подкидывание младенцев, и, что еще ужаснее, детоубийство.

(Журналы Костромского попечительного комитета о бедных.)

Лариса КОВАЛЕВА

«ДА НЕ ОСКУДЕЕТ РУКА ДАЮЩЕГО»

Законы человеческой морали таковы, что сирые и убогие должны находиться под покровительством здоровых и достаточных. Нельзя оставлять бескровных без приюта, голодных без хлеба. "...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище[...]" ***(Евангелие от Матфея)***

Конечно, не много найдется в истории имен людей, раздавших все свое имущество неимущим, но помогавших - великое множество. Мы расскажем лишь о некоторых, связав их с эпизодами истории Костромского попечительного о бедных комитета.

Попечительный о бедных комитет, состоящий в ведомстве Совета императорского человеколюбивого общества, был открыт в Костроме в 1854 г. Первый взнос в 30 тысяч рублей сделал потомственный дворянин, коллежский секретарь Дмитрий Федорович Суворов, еще 15 тысяч принесли сборы по губернии, бедным же помогали из тех средств, которые выплачивали на проценты.

Впоследствии капитал комитета рос, хотя, может быть, и не достаточно быстро. Дело в том, что складывался он исключительно из добровольных пожертвований доброхотов. Не самую большую, но самую стабильную часть бюджета составляли членские взносы членов-благотворителей, на протяжении полувека вносивших по 15 руб. в год.

Если заглянуть в списки членов-благотворителей, то откроется, что многие из них вносили эту сумму не год и не два, а десять лет и более. В списке 1874 г. указаны имена костромских 1-й гильдии купцов Григория Галактионовича Набатова и Андрея Андреевича Акатова, утвержденных в звании членов-благотворителей в 1859 г. Тогда же первый взнос сделал инженер-подполковник Николай Михайлович Мясоедов.(1)

Встречается в списках имя тайного советника, сенатора (в будущем) Николая Николаевича Селифонтова, живущего в это время в Петербурге, но приезжавшего в родное Семеновское Нерехтского уезда; имя титулярного советника, редактора "Костромских губернских ведомостей", владельца типографии Павла Ивановича Андроникова, который не платил членских взносов, но "безденежно печатал для комитета книги и бланки". Провизоры, владельцы аптек Давыд Иванович Зегниц и Федор Иванович Зоммер отпускали "безденежно медикаменты", а врач - надворный советник Дмитрий Павлович Зеленский "безденежно подавал бедным медицинскую помощь".

Невозможно назвать все имена - их довольно много: в 1873 г. - 67 человек, в 1874 г. - 72. С течением времени они менялись, в начале XX века, особенно в связи с 1-й мировой войной, их становилось меньше. Но те, кто оставались, выполняли ту же работу, что и их предшественники.

Конечно, кроме взносов делались пожертвования, приносившие гораздо больший доход. Кроме того, члены комитета обращались к уездным предводителям дворянства, мировым посредникам, городским головам, уездным исправникам и благочинным епархиального ведомства. С их помощью деньги собирались по подписным листам и вносились на счет комитета. Спустя некоторое время после основания у комитета появилась возможность сдавать в аренду землю и квартиры. Доходы от этого также шли на нужды опекаемых бедняков.

Первоначально Попечительный о бедных комитет старался помочь беднякам, у которых в силу обстоятельств не было возможности подняться из нищеты самостоятельно. Это могла быть вдова с маленькими детьми, заболевший и потерявший работу человек. Все эти люди могли обратиться за помощью, которую им оказывали. Правда, средства комитета были весьма скудны, чтобы помочь всем нуждающимся, поэтому выбирали самых-самых, смотрели, чтобы помощь не попала тем, кто сделал сбор милостыни своей профессией, вместо того, чтобы найти работу по своим силам.

Комитет "выдавал денежное пособие [...], снабжал съестными припасами, платьем и обувью, ходатайствовал в учебных заведениях об освобождении учащихся бедных детей от платы за ученье, помогая им книгами; принимал на себя ходатайство о выправке метрических свидетельств и других документов, не доводя бедных ни до каких издержек и хлопот [...]", помогал отправиться на учебу в столицу, "некоторых помещал в земскую больницу на бесплатное леченье".(2)

В 1863 г. комитет открыл богадельню, или дом призрения, для беднейших жителей губернии. Для этого на городском Лазаревском кладбище был построен каменный двухэтажный дом. Деньги на его постройку вносились разными благотворителями.

Позже к нему был пристроен "другой двухэтажный каменный дом около 7 сажен по лицу, с употреблением в оной и тех материалов, какие оказались годными из прежде пожертвованного мною [...] солодовенного завода", - писал попечитель комитета Алексей Андреевич Живущев.(3) Весной 1874 года предполагалось сделать "к дому двухэтажное

крыльцо с приличным подъездом" и "выстроить особую кухню и столовую". Работы по окончательной отделке брал на себя все тот же А.А.Живущев.

Старое здание ремонтировалось первым попечителем комитета - Д.Ф.Суворовым.

Здесь же, на Лазаревском кладбище в 1868 г. был построен "на счет неизвестных благотворителей" полукаменный двухэтажный дом, куда 20 августа 1863 г. поместили 26 престарелых женщин".

С этого времени, если судить по отчету 1869 г., основное внимание комитета было обращено именно на содержание богадельни. "Он стремится, чтобы ежемесячным пособием, или так сказать пенсиею, пользовались сколь возможно меньшее число лиц, а значительная часть капитала шла на призрение в учреждаемых комитетом заведениях большего числа бедных".(5)

К 1869 г. в Лазаревской богадельне проживало 60 человек.

В октябре 1873 г. А.А.Живущев предложил, в целях экономии, всех призреваемых перевести в одно здание, соединенное из 2 домов, а во втором устроить квартиру для священника и больницу.

Что-то помешало исполнить это дельное предложение сразу. В 1877 г. уже заведующая Лазаревской богадельней Клеопатра Арсеньевна Сологубова напомнила о нем, добавляя, что полукаменное здание холодно. Дом отремонтировали ("отделали") "на капитал, пожертвованный разными лицами, более при участии костромского купца Александра Васильевича Стоюнина".(6)

В июле 1879 г. при кладбищенской церкви был открыт самостоятельный причт со священником Александром Виноградовым, который стал выполнять роль духовного отца для 70-ти, а позже 80-ти с лишним женщин, отпускал требы, отправлял сорокодневные поминовения, просто разговаривал с ними.

Для содержания священника все тот же А.А.Живущев пожертвовал 300 рублей в 1872 г., распорядившись выдать их с процентами причту, когда он будет открыт, и в 1880 г. еще 300 руб. комитету для выплаты с них процентов священнику.

Костромской 1-й гильдии купец А.А.Живущев так же, как и Д.Ф.Суворов, был попечителем не только по званию, вернее звание это было присвоено ему за неоднократную помощь и деньгами, и делами. В 1870 г. он внес 1200 руб. "С тем, чтобы на счет процентов с этого капитала открыты были на вечные времена [...] две пансионерные вакансии имени Живущева [...]".(7)

Христа ради. 1900-е годы.
Фото Н. Шлеина.

Обо всех пожертвованиях костромской комитет докладывал в Петербург, и когда оттуда задали вопрос, хватит ли процентов с этих денег на содержание 2 человек, то председатель комитета в ответном письме сообщил, что "содержание каждой призреваемой в богадельне, кроме ремонта и хозяйственных вещей, обошлось в 1866 г. в 1 р. 95 к., в 1867 - в 2 р. 13 к., в 1868 г. - в 2 р. 07 к., [...] в месяц, а в год - менее 25 руб."(8) А проценты с 300 руб. составляли 36 руб., поэтому их было достаточно для учреждения стипендий. Кроме того, "если впоследствии получаемых процентов будет недостаточно, то комитет и в этом случае не будет терпеть убытков [...], а принявши капиталы [...] он будет облегчен в средствах содержания чрез приращение постоянных фондов, которые еще могут быть увеличены впоследствии, потому что на умеренный взнос денег скорее найдутся и другие жертвователи".(9)

Члены комитета были убеждены, что любое приношение должно быть принято с благодарностью, тогда "не оскудеет рука дающего".

Одновременно с Живущевым внесла 600 руб. на открытие вакансии в женской богадельне потомственная почетная гражданка Сарра Дурыгина с тем, чтобы эта вакансия носила имя ее мужа Василия Дурыгина.

Менее месяца спустя, 20 июня 1870 г. в костромской комитет было подано объявление поручика артиллерии Сергея Ивановича Минина, жившего в Никитской волости Кологривского уезда, о том, что он жертвует 2 пятипроцентных государственных банковских билета на сумму 650 руб. Так появилась в Лазаревской богадельне пансионерка имени Минина. Чуть позже - призренница имени мещанина Геннадия Рыльцова и его жены, и пансионерная вакансия имени жены 1-й гильдии купца и потомственного почетного гражданина Марии Мясниковой, пожертвовавших для этой цели комитету по 600 руб.

Люди, вкладывавшие свои деньги, и не малые по тем временам, в столь не прибыльное для них дело, не отдавали дань моде или необходимости. Они искренне радели о пользе ближних. И

даже с благодарностью принимали возлагаемые на них обязанности. Вот что писал в 1871 г. потомственный почетный гражданин 1-й гильдии купецкий брат Иван Васильевич Стоюнин, которому было предложено заведование богадельней:

"[...] я с особенною любовию принимаю на себя выполнение предоставленных мне обязанностей и весьма благодарен, что комитет чрез это призывает меня к непосредственному участию в столь великом и святом деле благотворительности. При этом, долгом считаю заявить, что если комитет удостоит меня своим вниманием, чтобы поручить мне заведывание богадельнею, то я готов жертвовать ежегодно по сту рублей [...]".(10)

Конечно, из этого документа видно, каким талантом обладали и члены правления комитета, верно угадавшие, кому нужно поручить работу, за право выполнения которой человек согласен был еще и платить.

В 1880 г. купец Алексей Живущев вновь пожертвовал 700 руб. на учреждение в Лазаревской богадельне стипендии "Высочайшего имени Его Величества", на что получил Высочайшее разрешение и благодарность. В ответ на такое внимание Алексей Андреевич "сейчас пожертвовал тысячу рублей на сделание соединения между домом комитета и флигелем для расширения помещения приюта [...]".(11)

Находились и, уже упомянутые, неизвестные жертвователи, присылавшие или передававшие деньги через членов комитета и не называвшие себя. Таким вот образом в 1873 г. появились стипендии умерших Александра и Филицаты.

Всех известных имен перечислить невозможно - жертвовали многие, начиная с копейки, брошенной в сборную кружку, с рубля, "на раздачу одной бедной", жертвовали платья, платки, кровати, земли, дома.

Возвращаясь к Лазаревской богадельне, посмотрим, кем были лишенные тепла родного очага призренницы. В основном они - костромские мещанки, вдовы или девицы, солдатки, бывшие дворовые, попадали сюда и дворянки. Вот как писал об этом священник церкви при Лазаревском кладбище Александр Виноградов: "Есть в числе призреваемых такие, которые в прежние годы своей жизни, по семейному и общественному положению, имели возможность удовлетворять самым широким потребностям, даже прихотям, ныне же, по воле жестокой судьбы должны отказаться от своих наклонностей и привычек и сродниться с более скромным образом жизни во всем, начиная со стола".(12)

Напомним, что содержание 1 человека в богадельне обходилось около 2 руб. в месяц. На съестные припасы составлялась ведомость. Вот как она выглядела (указаны только пуды):

мука ржаная - 385
пшеничная - 64
гречневая - 7
крупа пшено - 81
гречневая - 71
овсяная - 14
солод - 12
соль - 23
горох - 23
севрюга - 3
судак - 10
вандыш - 6
огурцы - 6300 штук
капуста на 44 рубля
масло скоромное - 12
постное - 14
толокна - 3
лука - 2 четверина

Особого разнообразия, конечно, не было. Мяса, разносолов, сладостей в этом списке нет. На праздники бедным приносили подарки с пирогами, куличами, яйцами. Деньги, вынутые из сборной кружки, делили между жительницами богадельни "на улучшение стола". В общем, о жизни впроголодь речи не было. И как продолжал А.Виноградов: "Но, чтобы сказать, что в богадельне голодно, это, по крайней мере, неблагодарно со стороны тех, которые пользуются чужим куском ради Бога".(13)

Писано это было Геннадию Васильевичу Карцову, когда до того дошли слухи, "что в Лазаревской богадельне наго и босо, и голодно, и холодно". А что в богадельне "холодно", то это, мне кажется, прибавлено к слову "голодно" для благозвучия. Мне неоднократно приводилось наблюдать, что даже в коридорах каменного корпуса в самые жестокие морозы было 15 градусов по Реомюру, а в нумерах температура доходила нередко до 18 градусов и выше. Скорее можно было бы пожаловаться на недостаток чистоты воздуха в комнатах, что при высокой температуре и нежелании самих же призреваемых пользоваться вентиляцией посредством устроенных форток в окнах и печах, из опасения несколько понизить температуру и при числе помещающихся в каждой комнате (4-5) скорее может вредить здоровью, чем недостаток теплоты".

Конечно, жизнь в богадельне нельзя описать как идиллическую картинку всеобщей любви и внимания. Бывали и ссоры и недовольства. Но а в каком доме их не бывает?

С историей Лазаревской богадельни переплетается судьба "Романовской". Начнем мы ее несколько издалека.

В 1870 г. московская потомственная почетная гражданка и костромская 1-й гильдии купчиха Татьяна Дмитриевна Зотова подала "объявление" в костромской попечительный о бедных комитет в котором говорилось:

"Желая увековечить память покойного своего мужа Андрея Алексеевича Зотова, погребенного на костромском Запрудненском кладбище, я хотела бы устроить приют для призрения 24 самобеднейших детей женского пола, без различия сословий".(14)

Для выполнения своего намерения Татьяна Дмитриевна предполагала пожертвовать 25000 руб. процентными бумагами. Она желала лишь того, чтобы она сама знала о том, что происходит в приюте (для этого готова была принять звания "попечи-

тельницы"), чтобы после ее смерти звание унаследовал старший в роду (сын Татьяны Дмитриевны, Владимир Андреевич Зотов, был местным фабрикантом и вместе с женой состоял членом-благотворителем в костромском комитете). Кроме того нужна была уверенность, что город выделит "выгонную землю близ церкви Спаса, что на Запрудне", принадлежащую городскому обществу и, наконец, план постройки дома и проект устава должны быть одобрены благотворительницею.

Это были самые законные требования человека, который знает цену деньгам.

В январе 1871 г. Г.В.Карцов сообщил о намерении Т.Д.Зотовой в Императорское человеколюбивое общество, уведомив, что "получив подобное заявление [...] поспешил в первом же собрании новой Думы спросить согласия на отвод земли и, конечно, оно дано было единогласно".(15)

Не прошло и двух недель, как помощник главного попечителя общества Менандр Семенович Сушинский писал:

"Милостивый государь, Геннадий Васильевич! Поспешаю сообщить Вашему Высокородию, что ведомство Императорского человеколюбивого общества с удовольствием готово принять предложение почетной гражданки Татьяны Дмитриевны Зотовой [...] и, по получении официального представления об этом, не преминет всеподданнейше исходатайствовать Высочайшее разрешение на осуществление онаго [...]".(16)

Однако, спустя полгода, в августе 1871 г. выяснилось, что по некоторым встретившимся препятствиям, по заявлению Владимира Андреевича Зотова "он намерен ходит преждевременно производить дознание о земле [...], а также и производить снятие ее на план".

Долг и память.
Группа "Почин" на Запрудненском кладбище. 1989 г.

А в феврале 1872 г. у Г.В.Карцова возникла идея устроить на Запрудненском кладбище третью богадельню (к этому времени была открыта мужская богадельня на Крестовоздвиженском кладбище). Почему богадельни размещались на кладбищах? Чтобы их престарелые обитатели почаще вспоминали о душе? Или чтобы горожане, приходившие навещать могилки близких могли положить в сборные кружки монетку на помин их души? Возможно были и какие-то более прозаические причины.

Мысль свою Карцов высказал общему собранию комитета, предложив открыть "подписку на постройку дома и необходимого обзаведения".

Не совсем понятно теперь, почему отошел в тень вопрос о детском приюте, ясно только, что Зотова была оскорблена этим обстоятельством, и в апреле 1873 г. Карцов получил из Москвы ее сердитое письмо:

"[...] Вчера я случайно узнала от [...] г-на Осипова, что Геннадий Николаевич Львов имеет от Вас поручение передать мне от лица Вашего, как председателя комитета письмо. Меня это удивило, что Вы, как мой хороший знакомый нашли нужным чрез других передавать то, что Вы могли бы прямо мне передать [...]. Прочтя его я была еще более удивлена тому, что Вы пишете, будто я словесно Вам заявила о готовности помочь комитету в устроении богадельни Запрудненской [...]

Что касается до того, не пожелаю ли я иметь моих стипендиаток в устраиваемой комитетом богадельне в память моего покойного мужа, то я не имею никакого желания, а хочу устроить целое заведение, отдельное, чтоб

почтить память покойного Андрея Алексеевича.

О помещении комитетом 12 призреваемых старух в доме мещанки Андреевой, находящемся на земле взятой мною, как Вы пишете, от костромского городского общества, я не могу ничего сказать, потому что я ничего не брала у городского общества и не знаю, кому принадлежит дом Андреевой [...]"(17)

Между тем, комитет проводил подписку на устройство богадельни. "По сборной книжке [...] пожертвовано их Императорскими Высочествами государем наследником Цесаревичем 25 руб. и Августейшими братьями и сестрою его Высочества 50 руб." Было это в ноябре 1872 г. Впрочем, более чем за год сумма в подписной книжке практически не увеличилась, и в январе 1874 г. составляла 75 руб. с копейками.

В конце 1872 г. был куплен дом на Запрудне. Купил его бывший казначей комитета, потомственный почетный гражданин Мясников, заплатив за дом и за его ремонт 870 руб. собственных сбережений.

Костромской комитет мечтал дать новой богадельне высоких покровителей и звучное имя - "Романовской", так как на Запрудне явилась Федоровская икона Божьей Матери, которой юный Михаил Федорович был благословлен на царство. Кроме того, ходатайствовали об учреждении в богадельне стипендии имени Ее Императорского Высочества княгини Марии Александровны.

В марте 1874 г. Карцов обратился к Владимиру Андреевичу Зотову "с покорнейшею просьбою, если не имеете чего против желания комитета изъявить свое согласие на уступку места для богадельни, которое она теперь занимает". На что Зотов ответил, что не имеет "никаких препятствий".

Конечно, это было чистой формальностью, т.к. земля была городская, богадельня уже существовала, в ней жило 14 престарелых женщин, но формальность была соблюдена, и удар по самолюбию благотворителей был смягчен.

В документах 1875 г. вновь устроенная женская богадельня называется Романовской. На ее содержание начинают поступать пожертвования, так вдова штабс-капитана Елизавета Павловна Третьякова внесла 600 руб. банковскими билетами, и на % с этого капитала была учреждена именная стипендия. Губернский секретарь Владимир Никонорович Кетов внес 1200 руб. на содержание 2 призреваемых: "в мужской - в память покойного батюшки коллежского асессора Никонора Никитича Кетова и в одной из женских - в память покойной [...] матушки [...] Натальи Титовны [...]".

Апполинария Макаровна Акатова прислала платья, платки, холщевые рубахи. Попечительница богадельни Татьяна Васильевна Зузина "приняла на себя расходы" по ремонту, Дмитрий Яковлевич Дурыгин завещал 600 руб. на учреждение в Романовской богадельне именной стипендии на содержание одной престарелой женщины.

Однако, Романовская богадельня просуществовала недолго, до 1879 года. Дом, приобретенный Василием Кузьмичем Мясниковым был слишком стар, для устроения нового здания средств не нашлось, поэтому призреваемых перевели в богадельню на Лазаревском кладбище, испросив согласия Мясникова.

Вот как писал ему Г.В.Карцов: "[...] Имею честь просить Вас, Милостивый государь, уведомить меня, дозволите ли пожертвованый Вами дом отдавать внаймы и выручаемые чрез это деньги причислять к капиталу Романовской богадельни, которая, с Божьей помощью, в свое время не может не воздвигнуться знавши, насколь глубоко чтима Чудотворная Феодоровская икона Божьей матери и как велика преданность к Царствующему Дому Романовых".(18)

Надежде председателя комитета не суждено было сбыться, Романовская богадельня не была вновь открыта. Дом, который она занимала, сдавали внаймы для квартир фабричных рабочих за 120 руб. в год.

В 1872 году была открыта богадельня при Крестовоздвиженском кладбище для престарелых мужчин, которых помещалось там много меньше, чем женщин - 18-20 человек.

Долгое время в Костроме в распоряжении комитета существовало 2 богадельни. В конце XIX века на Нижней набережной р. Волги была открыта богадельня им. сестер Чижовых для 32 слепых женщин. Хозяйничала в ней дворянка Екатерина Николаевна Прохорова.

Упомянем и о богадельне, которую основал в г. Макарьеве, в последний год своей жизни, в 1889 г. потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии Михаил Николаевич Чумаков, положив на ее содержание особый капитал в размере 13150 руб. После его смерти покровительствовали богадельне уже его сыновья Иван Михайлович и Михаил Михайлович, внося крупные суммы и приобретая все необходимое. Сам Михаил Николаевич служил Попечительному о бедных комитету будучи его присутственным членом с 25 ноября 1870 г., делал многочисленные пожертвования, но богадельня, в которой проживало более 20 бедных мужчин и женщин была ему памятником.

---

1. ГАКО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 105. Л. 57-60 об.
2. Там же. Д. 89. Л. 53 об - 54 об.
3. Там же. Д. 49. Л. 27.
4. Там же. Л. 7.
5. Там же. Д. 89. Л. 30.
6. Там же. Д. 49. Л.70.
7. Там же. Л. 10.
8. Там же. Л. 14 об.
9. Там же. Л. 15.
10. Там же. Л. 24-24 об.
11. Там же. Л. 83.
12. Там же. Л. 71-71 об.
13. Там же. Л.81 об.
14. Там же. Д. 93. Л. 4.
15. Там же. Л. 6.
16. Там же. Л. 12-12 об.
17. Там же. Л. 21-21 об.
18. Там же. Л. 68 об.

Лариса СИЗИНЦЕВА

ДОБРОЕ ДЕЛО В ОТЕЧЕСТВЕ НАШЕМ

Братьев Третьяковых представлять не приходится: замечательные коллекционеры с 1866 г. владели в Костроме Новой Костромской льняной мануфактурой, позже переименованной в Большую (сейчас комбинат им. Ленина снова вернулся к этому варианту названия). В 1866 г. в состав торгового дома входили кроме них муж сестры их, Елизаветы Михайловны, Владимир Дмитриевич Коншин (1821-1911) и Константин Яковлевич Кашин. Именем последнего и называли костромичи между собою фабрику - кашинской.

К.Я.Кашин был опытным прядильщиком, которого Третьяковы переманили при устройстве фабрики у соседей, с фабрики А.В.Брюханова и Зотовых, - и ни разу не пожалели об этом. Именно он, специалист-практик, вел дела в Костроме, тогда как братья занимались преимущественно торговыми делами московской конторы. Когда он умер 3 августа 1880 г., ему не исполнилось еще и 54 лет. Похоронили его на старинном купеческом кладбище у Спасо-Запрудненской церкви, а труды по управлению фабрикой были доверены его сыну, Николаю Константиновичу (1858-1905), также прослужившему на фабрике всю свою жизнь.

В архиве Третьяковской галереи хранятся письма Н.К.Кашина, адресованные П.М.Третьякову. Они - живое свидетельство их близких отношений, дружественных и доверительных, несмотря на разницу в положении и в возрасте (Павел Михайлович был старше почти на двадцать пять лет). Письма Н.К.Кашина, деловые и почтительные одновременно, сообщают о его поездке в Лондон по делам фирмы и для знакомства с тамошней постановкой текстильного дела, позже - о строительстве на фабрике, установке новой техники. Тут-то, в письме от 4 ноября 1885 г., появляется и фамилия извечного соперника и соседа - Владимира Андреевича Зотова: "По установке новой паровой машины найдется много желающих посмотреть ее, так В.А.Зотов уже теперь заявил свою просьбу, чтобы в свое время дозволили ему осмотреть все новое на фабрике. Подобные осмотры мне не только не желательны, но даже тяжелы..."(1)

Зотовых в Костроме почему-то помнят меньше, хотя до революции они были известны гораздо в большей степени, нежели Третьяковы. Популярность им принесла не только фабрика, но и общественная деятельность одного из трех сыновей основателя фабрики Андрея Алексеевича (1803-1868) - Владимира (1836-1908): на протяжении многих лет он избирался в органы городского и земского самоуправления, был попечителем многих учебных и благотворительных заведений (2), всегда изъявлял готовность выделить значительные суммы на доброе дело - от учреждений Красного Креста до строительства Романовского музея.

И все же первым предметом заботы В.А.Зотова были собственные рабочие. Он ловил идеи налету: во время промышленной выставки в Петербурге в 1870 г. состоялся первый съезд фабрикантов, на котором "часто возбуждался вопрос об улучшении быта рабочих, и особенно малолетних, между прочим, было обращено внимание на неудобство жилищ, как на одно из губительных условий для развития в физическом и моральном отношении малолетних". Вернувшись домой, он, хозяин одного из крупнейших костромских предприятий, направляет прошение

Слесари фабрики Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. 1900-е годы.

на высочайшее имя: "Наши малолетние рабочие наполняют небольшие домики, расположенные на улицах близь фабрик. Помещения их по тесноте более чем неудобны, они бывают скучены до 30 человек и более обоего пола в одной маленькой комнате, валяются на полу и под лавками, дышат донельзя испорченным воздухом. Сознавая вполне всю безвыходность их положения, я намерен приступить к устройству жилищ для рабочих, которые были бы удобны в гигиеническом отношении".(3)

Мальчишки и девчонки, пришедшие (как им казалось, ненадолго, на время) на фабрику, чтобы заработать сколько-то денег на первоначальное обзаведение, на приданое, не торопились тратиться на то, чтобы должным образом организовать свой быт: каждая копейка была на счету, она должна была превратиться в дом, корову, красный свадебный сарафан, а потом и в лисью шубу... Они приписывали себе годы, спали под лавками, - а потом фабрика с ее большими, по крестьянским меркам, деньгами и городскими удовольствиями затягивала и больше не отпускала от себя.

Казалось бы - какое дело до них потомственному почетному гражданину В.А.Зотову и "Всепресветлейшему, державнейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу", которому адресовано это описание, взятое будто бы из учебников истории советского времени? Но староста Спасо-Запрудненской церкви В.А.Зотов совершал поступок совершенно естественный для православного, общественная оценка которого была однозначно определена: это было странное время, когда доброе дело было естественно и престижно одновременно. Должно было прийти наше время, чтобы за бесплатный кров можно было осыпать упреками.

Именно в конце 1860-х начале 1870-х началось это соревнование, растянувшееся почти на полвека. Идея, как правило, принадлежала В.А.Зотову, так же как и первая попытка реализации. Кашины запаздывают, но зато превосходят первого размахом. Каждая благотворительная инициатива согласовывается с Третьяковыми.

6 мая 1869 г. при фабрике бр.Зотовых было открыто одноклассное училище (4), а 5 сентября 1871 г. было получено разрешение на открытие двухклассного училища при фабрике Новой Костромской льняной мануфактуры. 21 апреля 1874 г. Зотовы испрашивают разрешение на открытие при фабрике двухклассного училища, но уже "с ремесленными для мальчиков и с рукодельными для девочек классами". 17 сентября того же года К.Кашин ходатайствует о льготах по воинской повинности выпускникам своего училища, а 25 ноября с таким же прошением обращается и В.А.Зотов.(5) В 1889 г. В.А.Зотов подает прошение об открытии бесплатной библиотеки для рабочих, а дело об открытии библиотеки-читальни при Кашинской фабрике было заведено в 1905 г. (6) В 1896 г. Кашинское училище переехало в каменное здание, до сих пор поражающее своим размахом, - в нем сейчас помещается поликлиника Большой Костромской мануфактуры, а в 1897 г. возводится самое высокое по тем временам здание Костромы - шестиэтажная кашинская сборная (7), и по сравнению с ней зотовские казармы для рабочих съеживаются и теряются: ведь открылось одно из самых благоустроенных рабочих общежитий России. Круглосуточно топились печи, рабочие пользовались своей мебелью, на каждом этаже были комнаты для игр детей, родители которых ушли на работу. В коридорах стояли харчевые шкафы единого образца, и лишь в полуподвальном цокольном этаже были нары, первоначально предназначавшиеся для временного проживания жителей заволжских и закостромских деревень, на время ледохода отрезанных от своих жилищ. В 1905 г. в этих помещениях разместили казаков, но для постоянного проживания рабочих они не использовались никогда.

Первоначально в каждой комнате предполагалось поселить семью из четырех человек, однако наследники братьев Третьяковых изменили это условие: "на четырех, работающих на фабрике". Из-за этого в нескольких комнатах оказалось по две семьи, что исказило первоначальный замысел.(8)

В это время братья Зотовы были озабочены устройством богадельни при церкви Спаса на Запрудне. Устав ее был утвержден 22 октября 1893 г., а открыта она была лишь в 1896 г., на проценты с капитала в 7 тысяч рублей призревались 22 женщины и 11 мужчин.(9) При Кашинской фабрике богадельни не было, зато рядом со сборной в 1898/9 годах строится баня для рабочих, зотовская администрация решилась на эти расходы лишь в 1903 г.(10)

С семидесятых годов около обеих фабрик постепенно начинают отстраиваться больничные комплексы: только Зотовы размещают стационар и амбулаторию в одном каменном двухэтажном здании, а Кашины и Третьяковы предпочитают признанный более перспективным павильонный принцип размещения.

Конечно, побудительными мотивами в этом благотворительном марафоне было не только сострадание к рабочим, но и желание видеть их здоровыми и трудоспособными, - но что же в этом дурного? Да, иногда это использовалось и в целях рекламы: все прейскуранты непременно содержали подробное описание всего комплекса благотворительных учреждений, и это свидетельствовало о том, что предприятие стоит надежно, с его хозяевами можно иметь дело без опасений. Но ведь сообщаемые сведения были чистой правдой, и если там было написано, что при фабрике товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры - ясли, так они и стояли прямо рядом с промышленными корпусами.

Другое дело, что здание давно устарело, помещения стали тесны, из года в год приходилось отказывать нескольким десяткам родителей, - но узнать об этом можно было уже не из рекламных проспектов, а из ежегодных "Отчетов по благотворительным учреждениям фабрик Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры", с 1908 г. ежегодно печатавшихся в губернской типографии. И об этом узнавали не только свои и сторонние люди, но и сами хозяева: и к 1916 г. на плане значится: "начат строительством дом" - по инициативе нового директора фабрики, преемника Кашиных, В.А.Шевалдышева, строятся каменные ясли в стиле модерн (сейчас - профилакторий Большой льняной мануфактуры).(11)

Эти отчеты вообще замечательны своей откровенностью: это было одной из форм связи специалистов - врачей, педагогов - с администрацией предприятия. Тщательнейшим образом отслеживается, в каких цехах какие заболевания преобладают, какие меры возможны, чтобы преодолеть распространение инфекции; в школе следят за объемом грудных клеток и предписывают меры по укреплению ослабленных, ратуют за введение горячих завтраков и радуются тому, что больничный двор приведен в порядок. Во всем чувствуется конструктивный подход к делу: вот осознана проблема, возможны такие-то пути решения.

В 1896 г. Михин сдал свою фабрику двум арендаторам - С.Сидорову и ярославцу Курочкину. Это резко обострило борьбу между фабрикантами за рабочие руки. "Теперь не может быть и речи о том, чтобы мы могли пустить свою фабрику день и ночь. - горюет Н.К. Кашин. - Придется употребить все зависящие от нас меры для того, чтобы удержать свой народ от перехода к Сидорову и Курочкину. Я всегда был против своего лабаза, а также против потребительского общества (которое во всяком случае дало бы лишнюю работу и отнимало бы у меня время); но теперь придется обязательно открыть при фабрике потребительское общество и повести это дело как можно энергичнее".(12)

К. Я. Кашин

В. Д. Коншин

В. А. Зотов

Остается только сказать, что вести дело энергично Н.К. Кашин умел, и трехэтажное здание потребительского общества рабочих и служащих было построено и стоит до сих пор (гастроном № 1), а позже у соседей - Калашниковых было куплено двухэтажное деревянное здание, в котором разместилась библиотека общества, а рядом с ней - чайная.(13)

Пожалуй, только смерть прервала это соперничество. Один за другим умерли Сергей (1892) и Павел (1898) Третьяковы. В 1905 г. умер Н.К.Кашин, в 1908 - В.А.Зотов. В 1913 г. умерла и сестра Н.К.Кашина, Ольга Константиновна Олихова, оставив значительные средства на устройство школ в Костромском уезде. Но благотворительная деятельность продолжалась и преемниками, пришли другие владельцы, но на самом деле прекратить это смогли только война 1914 года и революция 1917.

---

1) ГТГ, 1/4966.
2) См.: ГАКО, ф.426, оп.1, д.120.
3) ГАКО, ф. 497, оп.2, д.2470, л.11 об.
4) В.Пирогов. Очерки фабрик Костромской губернии. Кострома, 1884. С. 202-205.
5) ГАКО, ф.444, оп.1, д.98, л.2, 8-9 об, 16-19.
6) ГАКО, ф.133, оп.34, д.1; оп.2 д.д. 13739, 14140.
7) ГАКО, ф.137, оп.1, д.1613, 1727.
8) По рассказам старожилов, записанных в 1960-х гг. Н.Н.Яблоковой и М.Д.Шаховой (Костромской музей-заповедник).
9) Обзор Костромской губернии за 1910 год. Кострома, 1911, с.35.
10) ГАКО, ф.137, оп.1, д.1927; Журналы заведаний Костромской городской думы за 1903 год. Кострома, 1904. С. 250-251.
11) ГАКО, ф. 207, оп.1, д.6409, л. 11-12 об.
12) ГТГ, 1/4947.
13) ГАКО, ф.207, оп.1, д.6409.

Ольга КИВОКУРЦЕВА

ДУШЕВНАЯ ПОДАТЬ

Костромской Красный Крест пострадавшим России

КРУЖЕЧНЫЕ СБОРЫ

"Духовная консистория препровождает при сем поступившее в оную в течение минувшего декабря месяца от деревенского духовенства, монастырей и монашествующих Костромской епархии пожертвованные на санитарные нужды действующей на Дальнем Востоке русской армии шестьдесят рублей"...

"При сем имею честь представить семь рублей, собранные в Благовещенской церкви в месяце январе в пользу голодающих. Священник Алексеев. Сборщик В.Нечаев"...

"Препровождаю при сем Вашему Высокоблагородию талон к ассигновке из Костромского губернского казначейства 124 рубля 60 копеек, вырученных от билетов на музыкально-вокальных вечерах в Галиче в пользу голодающих...".(1)

Почти ежедневно казначей местного управления Красного Креста подшивал подобные сопроводительные документы в папку с заголовком "Наряд о приходных суммах". К сбору средств были привлечены все сословия и власть, и церковь.

Многие волостные правления на сходах принимали приговоры о сборе на нужды Красного Креста своеобразной душевной подати - по 1 копейке в год с каждого человека. Мировые посредники, городские головы, уездные исправники не раз получали просьбы распространить подписные листы, организовать сбор средств "на вспомоществование раненым и больным воинам", для пострадавших от стихийных бедствий.

В сохранившихся отчетных ведомостях можно найти фамилии первых чиновников губернии, костромских промышленников, торговцев, преподавателей местных учебных заведений. Многие из них входили в состав местных управлений и комитетов, возглавляемых, как правило, губернатором или его супругой.

Ежегодно в церквях и монастырях губернии местные организации Красного Креста проводили кружечные или тарелочные сборы. Во время русско-японской войны кружки Красного Креста устанавливались в почтово-телеграфных конторах, на крупных железнодорожных станциях.

Так, в 1879 году с помощью кружек было собрано 2427 рублей 61 1/4 копейки. Самые крупные суммы поступили из церквей Костромского уезда - 549 руб. 81 коп., Нерехтского - 188 руб. 83 коп., Галичского - 142 руб. 15 коп. В Костромском кафедральном Успенском соборе было пожертвовано - 175 руб. 41 коп.

В 1909 г. кружечный сбор дал только 16 руб. 61 коп., Благочинный Макарьевского уезда сообщил о сумме в пользу больных и раненых воинов, которая составила всего 63 копейки. (2)

Тем не менее капитал местного управления неуклонно увеличивался, расширялась и его деятельность.

В 1887 году за счет средств Красного Креста была оказана помощь погорельцам г.Костромы. 482 семьи получили денежные вспомоществования на сумму 49194 рубля 50 копеек, наиболее нуждающимся 99 человекам были переданы 1500 рублей, еще 187 получили пособие деньгами и платьем. (3)

В 1906-1910 годах для пострадавших от неурожая в Кологривском, Варнавинском и Ветлужском уезде Костромской губернии было собрано 7,5 тысяч рублей. В течение 2 лет на средства Красного Креста работали школьные столовые, были развернуты питательные пункты, раздавались пайки. Безземельные крестьяне Ветлужского уезда получили 1000 рублей денежных пожертвований.

В 1910 году производился сбор "питательной помощи" пострадавшим от эпидемии холеры костромичам.

В 1910-1913 г. 6 августа уполномоченные Красного Креста организовали сбор средств для формирования "капитала в пользу прокаженных".

В 1899 году была собрана значительная сумма добровольных пожертвований - 11153 рубля 56 1/4 копейки пострадавшим от неурожая губерниям Центральной России и Поволжья. В благодарность решено было издать специальный отчет, в котором указать всех жертвователей и переданные ими суммы. Среди благотворителей значится епископ Костромской и Галичский Виссарион, игуменья Костромского Богоявленского монастыря Анна, священники Лаговской и Виноградов, костромские заводчики и рабочие предприятий И.П.Третьякова, Г.К.Горбунова, Н.К.Кашина, Г.Разоренова, С.Сидорова и просто "Яков Васильев", "Саня и Володя", передавшие по 2 рубля, а также "неизвестные", от которых получено 268 рублей. (4)

4678 рублей из собранных средств было переданы в Рязань, 3600 - в Симбирск. Кроме этого на снаряженной Российским Красным Крестом барже было направлено 1354 пуда картофеля и 2 бочки капусты в 100 ведер.

"Ввиду тревожных событий в Китае" в 1900 году для сбора пожертвований "в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке" местным управлением было разослано 600 подписных

листов, по которым получено 14422 рубля 97 копеек. На склады дамских комитетов поступило вещевых пожертвований на сумму 3 тысячи рублей, от товарищества мануфактуры С.Д.Сидорова - полотна свыше 2000 аршин, от П.А.Павлова - миткаля 6000 аршин, от Н.К.Кашина - 1500 аршин, от братьев Зотовых - 1000 аршин полотна. (5)

Более 52 тысяч рублей пожертвований поступило на счет Красного Креста с началом русско-японской войны, а затем еще 10000 - на устройство госпиталей и лазаретов. Было получено постельное белье, одежда для раненых, более 23 тысяч аршин миткаля, полотна, холста, вата, бинты, корпий, нитки и бумага, папиросы и свечи. (6)

"Исключительно значительные суммы" - 71254 рубля 50 1/2 копеек были собраны Красным Крестом в начале I Мировой войны. Дамский комитет г.Костромы неоднократно устраивал "сборы, лотереи, благотворительные публичные увеселения (гулянья в городском саду, спектакли, концерты и т.п.)". 9,5 тысяч теплых вещей и белья пополнили вещевой склад. На нужды действующей армии было изготовлено и отправлено 44488 противогазов. (7)

Все средства и вещевые пожертвования строго учитывались. В местных газетах публиковались обращения и списки благотворителей. Ежегодно управление отчитывалось о поступлениях и расходах по отдельным капиталам: "на надобности военного времени", "для оказания помощи увечным воинам", "в пользу пострадавших от неурожая".

Был установлен особый порядок проведения тарелочных и кружечных сборов. При вскрытии кружек составлялись специальные акты, деньги приходовались по квитанциям.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Немалые средства направлял Красный Крест на обучение сестер милосердия. С момента организации управления подготовкой сестер занимались врачи лечебницы Костромского Богоявленского монастыря. Сестры милосердия учились ухаживать за больными, промывать раны, накладывать повязки, пользоваться аппаратом для сжатого воздуха, проводить лечение электротоком. "Сверх этих обязанностей, - отмечал в одном из отчетов врач Иванов, - сестры были неоднократно командируемы в ближайшие деревни... так, например, в д.Сельцо для ухода за обгоревшими на пожаре". (8)

Курсы сестер милосердия. Фото начала века.

Кроме этого местный Красный Крест направлял своих стипендиатов на обучение в фельдшерское училище при Покровской общине и в Санкт-Петербургскую школу при дамском лазаретном комитете.

16 августа 1900 года в г.Костроме на средства местного земства и частных жертвователей была открыта костромская община сестер милосердия во имя Федоровской Божьей Матери. В отчете об организации общины перечислены имена всех благотворителей, передавших денежные суммы на ее устройство. Купцом Диометием Минаевичем Звоновым было дано 10000 рублей, фабрикантом Петром Александровичем Павловым - 5000 рублей, Василием Федоровичем Разореновым - 2000 рублей, игуменьей Святотроицкого женского монастыря - 25 рублей, Ветлужским общественным клубом - 50 рублей, Евгением Милиевичем Никифоровым - 5 рублей, Екатериной Михайловной Смирнитской - 218 рублей, неизвестными - 1 рубль 75 копеек. (9)

Попечительницей общины, как оказалось на долгие годы, была избрана вдова статского советника Александра Васильевна Рылеева, неоднократно награжденная впоследствии за служение "святому делу Красного Креста".

Ведущие медики г.Костромы Н.А.Усольцев, А.Г.Курочкин, П.Д.Реформатский, Н.В.Комаревский преподавали будущим сестрам анатомию, гигиену, фармакологию, хирургию. Практические занятия в больницах города велись ежедневно.

Качество подготовки сестер милосердия было довольно высоким, что неоднократно подтверждалось благодарностями врачей, направляемыми в управление из районов, пораженных эпидемиями, из медицинских отрядов и лазаретов прифронтовых областей.

В 1892 году 20 сестер милосердия Костромского Красного Креста работали на эпидемии в

г.Астрахани и г.Саратове. В 1899 году в распоряжение симбирской общины были командированы 2 фельдшерицы и 10 воспитанниц школы Богоявленского монастыря. (10)

В 1910 году сестра Хвалимова работала в с.Большие Поляны Варнавинского уезда на эпидемии холеры. В ее обязанности входил объезд близлежащих селений, оказание помощи заболевшим, раздача пайков. Сестра Абросимова два месяца работала в холерном бараке д.Стрелица, наблюдала за приготовлением пищи, несла ночные дежурства.

По отзывам врачей деятельность сестер "заслуживала высшей похвалы за самоотверженное отношение в деле ухода за больными и оказании помощи пострадавшему населению".(11)

В это же время сестры Федоровской общины работали на фабрике братьев Разореновых в Кинешемском уезде, в холерном бараке губернской земской больницы, в городском и путейском заразных бараках, в Большесольской больнице на борьбе с сыпным тифом, в тифозном бараке г.Костромы. Сестры делали прививки противохолерной вакцины, занимались оспопрививанием, дежурили по ночам у тяжелобольных по частным вызовам. По предложению общества борьбы с детской смертностью готовили стерилизованное молоко и раздавали бедным детям.

В 1912 году сестры Е.А. Левашова, В.А. Чистякова, М.А. Горшкова и др. работали в столовых "постигнутых неурожаем" уездов Уральской и Оренбургской губерний. За что были удостоены благодарности местных врачей и "Ея Императорского Величества".(12)

Во время русско-японской войны весь первый выпуск общины ухаживал за ранеными в госпиталях г.Читы и Дальнего Востока. 23 июля 1904 года на фронт выехал сформированный местным управлением Красного Креста отряд в составе 5 врачей, 16 сестер, 16 санитаров, 2 прачек и 2 поваров. Отряд вез оборудование

Костромской лазарет во время первой мировой войны.

для лазарета на 200 кроватей и операционной, запас белья и перевязочного материала. В течение 1904-1905 гг. костромской лазарет развертывал свою работу под Мукденом, Фандзятуном, в г.Сретенске.

Особенно напряженной была работа лазарета на станции Мукден. Раненые прибывали постоянно. Персоналу пришлось разделиться на 2 смены и работать круглосуточно. Больных оперировали, перевязывали, снабжали бельем, одеялами и отправляли в тыл. Несколько раз ездили за ранеными на передовую под Шахе. Всего за время боя в районе Мукдена через руки врачей и сестер прошло более 2000 больных.

С января по март 1905 года лазарет принял более 400 тяжелораненых из-под Сандепу. Число операций доходило до 8 в день. "Благополучный во многих случаях исход [лечения - О.К.] должен быть приписан, - отмечал врач П.Ф.Гусев, - самоотверженному заботливому уходу со стороны сестер, не признававших ни усталости, ни отдыха".(13)

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ

Летом 1910 года в г.Костроме и Костромском уезде началась эпидемия холеры. Буквально за одну неделю эпидемией был охвачен весь Варнавинский уезд: заболел 541 человек, а 212 - умерло в 132 селениях. 26 июля Варнавинская уездная управа сообщала о поступлении многочисленных ходатайств от семей, потерявших кормильцев, о помощи в пропитании. "Имеются сироты и полусироты, оставшиеся в безпомощном состоянии, так как односеленцы, - указывалось в отношении, - из боязни заразы не принимают к себе оставшихся сирот, между которыми есть малолетние, и были случаи, когда малолетние оставались одни на произвол судьбы целые сутки..."(14)

Костромской Красный Крест принял решение о создании подвижных санитарных отрядов. С 20 июля такой отряд стал действовать в г.Костроме. Больных на карете скорой помощи, специальных извозчиках, повозке 183 Пултусского полка перевозили в городские заразные бараки. Одновременно обследовались дворы и квартиры, проводились санобработки. Врачи и сестры навещали пострадавшие семьи, выясняли их материальную обеспеченность, направляли в приюты детей-сирот. Местное управление выступило в печати с обращением "к частной благотворительности", приглашая "все лица и учреждения оказать свою по-

сильную помощь... путем взноса добровольных пожертвований деньгами или припасами".(15)

Выздоравливающие получали продовольственные пайки, сформированные сестрами Федоровской общины из пожертвованной муки, крупы, чая, сахара. Одиноким выдавались марки Красного Креста для получения бесплатных обедов в чайной на Молочной горе Попечительства о народной трезвости.

Два санитарных отряда были направлены в Костромской уезд и обслуживали селения Апраксинской, Башутинской, Бычихинской, Ильинской, Климовской, Челпановской волостей. В д.Мякишево уездным земством был открыт заразный барак на 6 коек, куда привозили безнадежно больных.

Всего в г.Костроме и уезде было выдано 236 пайков, а 115 семей получили денежную помощь.(16)

1 августа в Варнавин выехал санитарный отряд в составе врача, студента медика, фельдшерицы, сестры милосердия и 4 санитаров. Вместе с ними отправился исполняющий дела вицегубернатора для организации питания населения, приютов для сирот, своевременного погребения умерших.

Красный Крест передал средства земским начальникам Варнавинского уезда для организации необходимых санитарных мероприятий, в частности, для рытья колодцев, т.к. многие водоемы были загрязнены. 6 августа в Варнавин был направлен второй усиленный санитарный отряд.

Красный Крест передал средства на увеличение медперсонала в г.Костроме, наладил снабжение горожан родниковой кипяченой водой, которая доставлялась специальным водовозом из родника "Семь ключей" при д.Ребровка. "Воду эту охотно пили, обходя городские сосуды с кипяченой волжской водой, а в жаркое время сосуды... приходилось заполнять несколько раз в день".

В сельской местности отряды сталкивались со значительными трудностями. Крестьяне не разрешали проводить санитарные обработки домов, не соглашались принимать противохолерную вакцину. В отчетах врачи писали, что при обследовании больных они были вынуждены сами принимать лекарства, чтобы собственным примером побудить к этому недоверчивых крестьян. Иногда силой приходилось забирать тяжелобольных. И только возвращение их живыми и здоровыми переломило настроение, и эпидемия пошла на убыль. Беднейшие семьи Варнавинского уезда получили 140 пайков, дети - рисовую крупу, холерные больные - красное вино или портвейн.(17)

Деятельность местных организаций Красного Креста, построивших свою работу исключительно на привлечении частных пожертвований, умевших в нужный момент мобилизовать силы и средства для решения общественно важных задач, беззаветный труд врачей и сестер заслуживают нашего преклонения и уважения и современников, и потомков.

---

1) Государственный архив Костромской области.Ф. 536. Оп. 1. Д. 337. Лл. 6, 10, 74.
2) ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 366. Л. 15.
3) Отчет Костромского местного управления Российского общества Красного Креста за 1887 год. Кострома. 1888. С. 9-12.
4) Отчет Костромского местного управления Российского общества Красного Креста по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая с 1 апреля 1898 года по 1 апреля 1899 года. Кострома. 1899.
5). Отчет... за 1900 год. Кострома. 1901. С. 8-9.
6) Отчет... за 1904 год. Кострома. 1905. С. 36-41.
7) Отчет... за 1915 год. Кострома. 1916. С.10.
8) Отчет... за 1879 год. Кострома. 1880. С. 21.
9) Отчет... за 1900 год. Кострома. 1901. С. 10-11.
10) Отчет.. за 1892 год. С. 4-5; Отчет за 1899 год. С. 6.
11) Отчет... за 1910 год. С. 64.
12) Отчет.. за 1912 год. С. 40.
13) Отчет... за 1905 год. С. 34-36.
14) ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 390. Л. 38.
15) Там же. Д. 386. Л.11.
16) Отчет... за 1910 год. С. 18-25.
17) ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 390. Л. 40-47. Д.383. Л. 5, 12.

Хроника настроений

ВОДА ДЛЯ БЕДНЫХ

Из протокола заседания Городской Думы

Громко и категорично заявил это в своей горячей речи гласный Куломзин. Доклад управы о повышении таксы ни более, ни менее как замаскированный налог на первейшую необходимость всякого человека и особенно бедняка - воду. Вплоть до шампанского, возмущенно говорил г. Куломзин составителям доклада, всевозможными напитками можете вы удовлетворять свою жажду, так не отнимайте у обездоленных их права бесплатного пользования водой. Надо хорошенько продумать этот вопрос, а потом решать. Г.Н.Ботников задает вопрос докладчикам, имели ли они, составляя этот доклад, в виду завещание Акатова, в котором известный благотворитель завещал бесплатную раздачу беднейшим жителям г.Костромы воды.

В.А.Шевалдышев заявляет, что связывать такой громадный вопрос, на разрешение которого уже затрачено полмиллиона рублей, с завещанием Акатова невозможно - все равно завещанная сумма должна потонуть в море затраченных денег. Если вы хотите заниматься благотворительностью, то управе ничего не остается делать как согласиться. Но помните, что ваша благотворительность в конце концов для тех же бедняков будет "медвежья услуга". Источники воды все более и более иссякают, и перед городом стоит грозный призрак водного голода. Где вы будете брать деньги на изыскание новых источников, устройство водопроводов? Вы, живущие в центре, будете иметь эту воду, а благодаря старой постановке дела бедняки в перспективе должны остаться без нее.

"Костромская жизнь", 1913 г., № 239.

Леонид **КОЛГУШКИН**

НИЩИЕ, БЛАЖЕННЫЕ И КУТИЛЫ

Глава из «Воспоминаний старожила»

Против спасательной станции в Костроме стоял ночлежный дом, созданный крупным костромским хлебным торговцем и пароходчиком Ф.И.Черновым. В этом доме каждый, не имеющий ночлега, мог бесплатно переночевать, а утром получить горячий кипяток, фунт хлеба и кусок сахара. В настоящее время этот дом заселен постоянными жильцами, но на чугунной доске, смонтированной в стене у входа, сохранилась следующая надпись:

"Сей ночлежный дом построен костромским купцом Федором Ивановичем Черновым на свой капитал для нуждающихся в бесплатном ночлеге, без различия всякого сословия, обоего полу и передан на вечные времена в костромское городское общество.

Открыт 1890 года".

Пользовались ночлежным домом только по зимам, а в теплое время года предпочитали свободу волжского берега и штабеля дров и бревен. Во всех волжских городах таких людей называли "босяками", у нас же в Костроме их звали "зимогорами". Трудно сказать, каково происхождение этого слова. Можно предполагать, что оно происходит от слов "зима" и "Молочная гора". А может быть, слово "зимогор" составлено из сочетания слов "зима" и "горевать".

В зимогоры, в основном, попадали оторвавшиеся от деревень неудачливые отходники, завлеченные круговоротом большого торгового города и ставшие рабами "зеленого змия". Они были разного возраста, но до 45 лет редко кто из них доживал.

Зимогор почти не нищенствовал и редко замечался в кражах. Летом он работал грузчиком на пристанях или на вокзале, переносил различные тяжести гражданам с базара и из магазинов, выполнял различные поручения торговцев. Зимой же занимался колкой дров, расчисткой снега и вообще не отказывался ни от какой работы, лишь бы заработать на кусок хлеба и, главное, на "косушку". Работать же постоянно на одном месте он не мог, т.к. при любом заработке обязательно напивался и к вечеру всегда был пьян до бессознания. В отличие от коренного рабочего - зимогора всегда можно было узнать по опойному, небритому лицу, фартуку из грубой мешковины, зимой - по лаптям, а летом - по грязным босым ногам. Его имущество все было на нем. Лишнее немедленно пропивалось. Иногда пропивалась и самая необходимая одежда, без которой нельзя было выйти к людям. В этом случае он кругом обвязывался своим фартуком и шел спать на берег в штабеля бревен, а друзья в это время принимали меры к приобретению для него каких-нибудь штанов.

Для доказательства честности костромских зимогоров можно в качестве примера привести такой случай. Как-то, вскоре после Японской войны, ранним весенним утром, проснувшись, уважаемый в городе учитель Виктор Никанорович Лаговский увидел стоящих около своей кровати трех здоровенных оборванцев. Сильно испугавшись, он крикнул: "Что вы тут делаете?". Один из них спокойно ответил: "Не пугайтесь. Мы ждем когда вы проснетесь, входя в квартиру, мы не знали, что в ней никого нет. Мы хотели просить работы. Увидя вас, мы не посмели выйти до вашего пробуждения, боясь, что вы могли бы подумать, что мы что-нибудь у вас взяли. Соблаговолите нас отпустить и не откажите в двугривенном. Успокоившись, Виктор Никанорович побеседовал с ними еще несколько минут, посоветовав им и в будущем быть такими же честными. На прощание подарил целый рубль. Позже выяснилось, что его супруга и прислуга, уйдя на базар, забыли запереть квартиру.

Зимогоры часто пили в складчину или, как они говорили, "паяли". Небольшими партиями, прямо на земле, играли в карты или просто в "орлянку". Случались между ними ссоры и драки, но до убийств дело почти никогда не доходило. Полиция относилась к зимогорам весьма снисходительно и даже иногда прибегала к их помощи, когда нужна была физическая сила.

Иногда можно было видеть спящего на земле зимогора, у головы которого была дощечка с корявой надписью мелом или углем: "Без дела не будить" или "На любую работу за пять копеек!".

В эту "золотую роту" попадали люди и из "привилегированных" классов. Таких людей увлекал туда тот же "зеленый змий". Это были спившиеся чиновники, попы-расстриги, разорившиеся купцы, церковные певчие, неудачники студенты и прочие. Такие люди обычно старались держаться особняком от коренных зимогоров, подчеркивая этим свое некоторое превосходство, и только поневоле встречались с ними в полицейском участке или в ночлежном доме. Такого сорта люди не любили физический труд, а, прожив остатки своего скарба, бродили по различным учреждениям-управам, судам, почтовым конторам, выискивая неграмотных клиентов, которым писали прошения, снимали копии, заполняли почтовые перево-

ды, за что получали пятачки и гривенники. Занимались и попрошайничеством, афишируя при этом свои прежние, порой придуманные, заслуги и достоинства. "Господа! Подайте бывшему студенту на хлеб!", "Окажите посильную помощь бывшему политическому ссыльному!", "Поддержите пострадавшего за справедливость поборника истины и честности!".

Такими приемами они вызывали чувство жалости к себе. Для большего эффекта многие надевали потрепанные чиновничьи или студенческие фуражки и даже куртки. Потеряв понятие о человеческом достоинстве и самолюбии, за стопку водки они всегда готовы были "ублажать" самодурство разгулявшихся купчиков, выполняя унизительные шутовские приемы вроде представлений "утопленника", бросаясь во всей одежде в воду и разыгрывая сцену утопления, а также многое другое.

В качестве живого примера пропившегося интеллигента можно указать на бывшего мирового судью Ивана Александровича Красовского. В начале он изредка запивал месяца на два в году и, пропив все, что приобретал во время трезвых месяцев, снова возвращался к работе. Запои стали учащаться, и с первых дней он уходил из дома в "ночлежку", получал сменку одежды и продолжал пить целыми месяцами. Он был совершенно одинок и не имел близких, которые могли бы вывести его из этого тяжелого состояния и поддержать морально.

Даже среди этих людей, дошедших до грани падения находились такие, которые и у них были объектами для насмешек и издевок. К таким можно отнести "Тузьку". Это был мужчина средних лет, высокого роста, несколько сутуловатый, с лохматой, нечесаной бородой. Он был пьян или с большого похмелья и постоянно голодный. Обладая нечеловеческим аппетитом и полным отсутствием брезгливости, он ел все, что попадало ему на глаза, выбирал съедобное из помойных ям и мусорных ящиков, собирал объедки со столов в чайных и трактирах, складывая все вместе в грязное ведро. При еде часто вместо ложки пользовался первой найденной в мусоре щепкой. Он не имел своего угла и ночевал в мусорных ящиках или под кустами, редко в ночлежном доме.

Настоящее его имя было Кузьма, а собачью кличку дали ему зимогоры для того, чтобы подчеркнуть этим его полное ничтожество. "Тузька" не отказывался ни от какой работы. На самую трудную и грязную работу рекомендовали только его. "Тузька" пытался скупать кости и тряпки , но на это мероприятие у него почти никогда не хватало "оборотного капитала". Поручали ему расклейку афиш увеселительных заведений, но он съедал клейстер, и его прогоняли. Однажды в общественную уборную какой-то купец уронил золотые часы с цепочкой. Никакими способами не смогли их вытащить. Тогда решили позвать "Тузьку". Купец обещал за эту работу три рубля. "Тузька", не раздумывая, разделся и погрузился в яму, где содержимое дошло ему до груди. Босыми ногами он нащупал часы, но поднять их с помощью ног никак не мог. Тогда, заткнув паклей нос и уши, он опустился в жидкость с головой и часы достал. Получив заработанные таким путем деньги, он убежал на Волгу, долго полоскался в холодной воде, а потом кутил несколько дней в одиночку, так как из брезгливости разделить с ним компанию не хотел ни один зимогор.

Еще хуже бывало с одинокими людьми, лишенными природой ума. Умственно отсталым очень трудно было приспособиться к самостоятельной жизни, а на общественное призрение в богадельни такие люди попадали очень редко. Примером может быть паренек по имени Вася, а по кличке "Кук". Имея достаточную физическую силу и почти полное отсутствие ума, он, кроме того, был еще и косноязычен. Двигался он качающейся походкой и не был вовсе приспособлен к самостоятельной жизни. Этим воспользовался зажиточный человек А...кий, который взяв его на свое попечение, нещадно эксплуатировал на самой тяжелой физической работе, предоставив ему для сна и отдыха сараюшку вместе с дворовой собакой. За каждую оплошность хозяин наказывал Васю поркой и зуботычинами. Ребята окрестных дворов смеялись над "Куком" и всеми способами издевались над ним.

Босяки. Зимогоры. Фото М. Дмитриева. 1890-е годы.

Кулачный бой во дворе ночлежного дома. 1900-е годы.

Однажды с Васей приключился печально кончившийся для него случай. Как-то летом хозяева всей семьей куда-то уехали, оставив на попечение Васи запертый дом и пять штук овец, которых приказали кормить, а главное, чаще поить. Вода была оставлена в большом чане, покрытом брезентом. Вася усердно старался поить овец, ежечасно подтаскивая их к чану. Овцы, конечно, так часто пить не могли, он же расстраивался и даже плакал. Ребята в шутку посоветовали ему отрубить овцам головы и положить их в чан с водой, тогда, мол, они будут пить все время. Кук так и сделал. Приехавший хозяин жестоко избил Васю и прогнал со двора. Что с ним стало впоследствии, неизвестно.

Много лет по улицам города ходила маленькая старушка, весьма странно одетая. Ее звали Матреша-дурочка. Зимой и летом она носила старую соломенную шляпу с цветами и яркими лентами. В городе говорили, что в молодости она влюбилась в красивого дьякона и, когда он уехал из Костромы, психически заболела и всю жизнь ждала его возвращения, жила она у дальних родственников в рабочем районе, а пропитание добывала сбором милостыни. В городе ее знали все и часто вызывали на разговор о ее "любимом". Тогда Матреша мгновенно оживлялась и с молодым задором шепотом сообщала, что дьякон овдовел, скоро приедет в Кострому, и они обязательно поженятся. Умерла она в глубокой старости, так и не дождавшись объекта своей любви. Матрешу в Костроме любили и ребятам запрещали ее дразнить. Малыши же ее очень боялись, принимая за бабу-ягу.

Немало было в старой Костроме странных личностей, но о всех написать невозможно. Много было вопиющей бедноты добывающей себе пропитание сбором милостыни, но были и такие нищие, которые эту профессию рассматривали как выгодный и легкий источник дохода. Так, у одной нищей старухи, обитавшей в грязной конуре, после ее смерти в 1910 году, было найдено более 1500 руб. наличными деньгами и на несколько сот рублей процентного выигрышного займа, по тому времени это был довольно приличный капитал для безбедного существования.

Теперь скажем и о тех, кто не бедствовал, кому деньги не давали покоя, но кому и в голову не приходило употребить их на помощь ближнему и спасение человека от нужды. Одна молодая вдова, которой покойный муж оставил большой каменный дом на Муравьевке и довольно приличный капитал в Госбанке, вдруг вообразила, что она серьезно заболела, не может встать с постели, т.к. при этой попытке у нее немедленно выпадут все внутренности. Окруженная толпой домашней прислуги, заинтересованной продолжительностью болезни, наняв высокооплачиваемых врачей, она вылежала в постели девять лет, и только революция, освободив "больную" от движимой и недвижимой собственности, быстро излечила болезнь. Лишившись ухода, вдова встала с постели и потом еще много лет работала в советских учреждениях, полностью забыв о своем недуге.

Некая гражданка Т...ва, будучи одинокой старой девой, находила себе утешение в воспитании кошек, причем только женского пола, которых в количестве до 20 штук при отличном кормлении держала в двух специальных комнатах с соответствующей обстановкой. К ним были прикреплены две горничные, но кошки по прихоти барыни были лишены общения с котами. В таком же положении она семнадцать лет держала в хлеве телку, которая никогда не телилась и не доилась. От своей многочисленной домашней прислуги хозяйка также требовала соблюдения безупречной нравственности.

Бывали случаи, когда за несколько часов азартной карточной игры люди лишались десятков и даже сотен тысяч рублей. Известен случай, когда каменный двухэтажный дом на Русиной улице (Советская, 55) его владельцем вместе с тройкой лошадей был проигран в карты за одну ночь.

Особенно не давали покоя деньги известному в начале этого века богачу, кутиле и выдумщику, купцу и пароходчику Углечанинову. Живя, в основном, в Нижнем Новгороде, он, имея предприятия в Костроме, часто приезжал сюда, проводя время в

бесшабашных кутежах. Его приезда с нетерпением ожидали многочисленные собутыльники, а главное, владельцы гостиниц и буфетчики, так как его приезд всегда сулил огромные доходы.

Зная буйный нрав, к его приезду из зал и кабинетов гостиниц и ресторанов убиралась вся ценная обстановка и зеркала, которые заменялись похожими, но дешевыми. Буфетчики в пустые бутылки из-под шампанского наливали лимонад, а в винные - подкрашенную воду.

Пьяневший Углечанинов обязательно бил зеркала и оконные стекла бутылками, хватая их с буфетной стойки, куда буфетчики предварительно и ставили фальшивые. Он любил обливать шампанским своих друзей и случайных подруг, но для этого, конечно, подавались настоящие вина. После кутежа щедро оплачивал предъявленные счета, в которых лимонад фигурировал как лучшее шампанское, а дешевые зеркала как обрезанные "бемские".

Однажды летом Углечанинов, подобрав десятка два зимогоров и одевшись в шубу, валенки и теплую шапку, сел в сани и заставил зимогоров под пенье "Дубинушки" и похабных частушек возить себя вдоль Русиной улицы и по площадям. Блюстители порядка, боясь гнева, препятствий его развлечению не чинили, зная, что и им перепадет немалый "куш".

А купцу С-ву не давал покоя Богоявленский женский монастырь. Некоторые молодые монахини, в особенности послушницы, ходящие по городу и окрестным селениям с кружечным сбором на "благолепие храма Божьего", вызывали кривотолки. С-в, закупив у крестьянина дер.Тепры Шунгенской волости целый воз плетеных люлек для укачивания детей, направил их в монастырь с запиской на имя игуменьи. Этот случай вызвал большие толки в городе, и игуменья вынуждена была расстаться с монастырем. Бывая за церковной службой в монастыре, С-в постоянно отпускал плоские шутки в адрес молодых монахинь, а однажды, когда его пытались вывести из церкви за нарушение порядка, он взял под руки подошедших к нему двух монахинь и с пением: "Вот мчится тройка почтовая..", начал бегать по церкви, произведя полное смятение среди молящихся.

"Нашему ндраву не препятствуй!" - был девиз купечества, и костромские купцы в этом не отставали от прочих. Был и такой случай: один загулявший купчик, будучи в "Большой московской гостинице", и, зная, что в это время года охота на дичь запрещена, потребовал на закуску свежей дичи. Метродотель растерялся и побежал к старшему повару по прозвищу "Головушка". Тот, не растерявшись, нашел ружье-дробовину, набил в саду ворон и галок и вкусно приготовил их под каким-то замысловатым соусом. Купец был в восторге, щедро дал повару "на водку", а когда его спросили, что это была за дичь, тот ответил: "Тетеревинный выводок из Ушаковского бора", намекая этим на городские свалки, бывшие в то время на Ушаковских ямах в конце Жоховской улицы (ул.Войкова). Вот такие контрасты существовали в то историческое недалекое время.

Странник.
Фото М. Дмитриева.

Хроника настроений

ПРОШЕНИЕ НА «ЩУКУ»

На днях в губернскую управу поступило очень оригинальное прошение крестьянина Ветлужского уезда Ошминской волости Тимофея Мальцева, следующего содержания:

"Продавец казенной № 310 винной лавки Иван Щука получает от губернского земства ежегодно 100 руб. пособия, что я считаю неправильным по нижеследующему: Щука именуется бедным, что неправда, а именно Щука имеет семейное положение, сам 45 лет, жену 42 лет, дочь Софью 18 и сына 16 лет. Кроме того Щука ведет разгульный образ жизни и детей одевает по-барски. На основании вышеизложенного имею честь покорнейше просить губернскую управу данного пособия Щуку лишить, а в случае несогласия передать мое прошение на рассмотрение губернского земского собрания".

"Костромская жизнь", 1913 г., № 235.

ОБ УЛИЧНЫХ НИЩИХ

Никогда, кажется, не бывало еще у нас столько нищих на улицах, как теперь, и притом столько просящих милостыню детей! В иных местах от них прохода нет, и довольно трудно, особенно дамам, отделаться от назойливого приставания некоторых из этих попрошаек. Быть может, между ними находятся и действительно несчастные, удрученные нищетою, - но, наверное, есть и просто бездельничающие попрошайки. По крайней мере, случилось же так, что мать не отдала в приют мальчика, который весь день проводил в сборе милостынек. Надо бы, наконец, разобрать всю эту труппу нищих, и выделить нищету от профессионального попрошайничества и уличного бездельничания. Дело это хорошо ведется в других городах приходскими попечительствами. Но у нас, к сожалению, таких благотворительных учреждений еще не имеется.

"Костромской листок", 1898 г., № 18.

Любовь ПОРОСЯТКОВСКАЯ

МЕДНАЯ КОПЕЙКА В СОЛДАТСКУЮ КРУЖКУ

В прошлом России трудно найти другое время, когда милосердие имело бы такую же многообразную и отлаженную "систему" проявлений, как в первую мировую войну. От высших сфер управления государством до простых крестьян и горожан, жертвовавших медную копейку в благотворительную кружку, охвачены были им без всякого законодательного нажима. Источник его не поддавался сколь-либо логическому толкованию и объяснялся, быть может, обыкновенной потребностью человека открыто излить свое участие на нуждающегося в нем.

В Костромскую губернию война 1914 года пришла вместе с объявлением всеобщей мобилизации. Сборы запасных солдат на специальные пункты осуществлялись в три дня и сопровождались обычно и горестным плачем, и пением, и плясками. Призыв на войну нередко единственного кормильца сразу ставил многие семьи в чрезвычайно тяжелые условия, оставляя без средств к существованию. В деревне из-за недостатка рабочих рук, отнятых мобилизацией, хлеб на полях стоял неубранный. Раньше казенного пособие пришло от соседей и односельчан, в которых "пробудилось сочувствие к несчастью других [...] и сделало их чуткими к чужому горю".(1) Они оказывали поддержку всякого рода работой, необходимой на первых порах и вселявшей надежды на будущее. Не обделили вниманием и заботой семьи, покинутые кормильцами, волостные и сельские общества, вводившие по добровольному согласию своего большинства самообложение с надела, дома или "души" в их пользу.(2)

В городах проблема помощи семьям ратников, на первый взгляд, стояла менее остро. Городская управа выдавала "паек". Некоторые владельцы фабрик и заводов сохранили за ушедшими на войну частичный и даже в редких случаях полный заработок, который выплачивался их женам и детям. Рабочие и служащие предприятий делали однопроцентные отчисления в фонд потерпевших.(3) Несмотря на это, произведенные группой энтузиастов исследования, выявили семьи, стоящие на уровне полуголодного существования. Казенное пособие оказалось недостаточным, чтобы покрыть нужду бедствующих горожан. Активные жители Костромы объединились в общество "Помощи семьям воинов", и уже две недели спустя после начала войны, официально открыли свои действия.(4) Посильная поддержка семьям призванных на военную службу была определена его главной задачей.

Не имея никакой базы, общество помощи начинало деятельность практически с нуля. Всю энергию члены его обратили на собирание денежных средств, без которых цель осталась бы не осуществленной. "Благодаря сочувствию и отзывчивости населения сборы давали результаты, как об этом свидетельствует общая сумма, достигшая к настоящему времени (15 октября 1914 года - Л.П.) 11.195 рублей 51 копейки. Сумма составилась из пожертвований, продажи флажков и членских взносов".(5)

В пофамильном списке жертвователей объединились самые различные общественные слои Костромы. Рядом с рабочими крупные фабриканты Зотов, Забенкин, Аристов, городской голова Шевалдышев, владельцы хлебопекарни Тарунины; чиновники, приказчики и целые коллективы. Величина взносов колебалась от 20 копеек до 780 рублей.(6)

Об устройстве 24-25 августа обществом Помощи "Дня флажков" возвестили расклеенные по городу афиши, нарисованные учениками реального училища и семинарии. Незаурядное отношение организаторов к празднику повлияло на его успех. В раскинутых по городу палатках установили 233 кружки. Сочувствующие наполняли их монетой и кредитками, при этом каждому вручался флажок - маленькая копия российского флага. Вскрытие и подсчет содержимого кружек превзошел ожидания. Кроме 5374 рублей и 68 с половиной копеек в них нашли 4 золотых обручальных кольца, золотые крестики с серебрянной цепочкой, серьги и перстни, иностранные монеты...(7)

Распределение собранных средств среди наиболее нуждающихся семей признавалось одной из важных сторон деятельности общества. В помещении городской управы, представленном его главой, ежедневно дежурили активисты, принимая заявления о помощи. Дважды в неделю на специальных заседаниях они внимательно рассматривались, после чего подвергались тщательной проверке. Результаты обследований заносили на опросные листы, изображавшие отнюдь не веселую картину быта семей защитников Отечества. "Муж работал на фабрике у Зотова, - записано в одной из анкет, - зарабатывая 25 р. в месяц. Осталась жена (32 лет), трое детей (9,4 и 1 1/2) и мать 70 лет. Работает сама на фабрике, получая в месяц 13-14 р. За квартиру (кухня с комнатой и боковушкой) платит 6 р. 50 коп. Боковушка пустует, тщетно ищет постояльцев. В квартире грязно,

кроватей нет, спят на полу ("крысы одолели"), у парнишки кожаных сапог нет ("сила не берет купить сапоги"). От города получила 3 р. Осталась на половинном периоде беременности, жалуется: ноги болят, тяжело работать, "через большую неволю работаешь".(8) Подобные ситуации встречались нередко: за два с половиной месяца были удовлетворены около шестисот заявлений от семейств с тяжелым положением. Некоторым из них оказали повторную помощь.

Деятельность общества не замыкалась на выдаче денежных пособий. Через посредничество кооперативов наладили продажу дешевого молока детям запасных. А плохо одетых помогли снабдить принятой от населения одеждой и обувью. Солдаткам устраивали временные заработки на шитье белья для госпиталей. Особенной гордостью общества стало оказание юридической помощи через разъяснение прав семей призванных и советы: как получить отсрочку платежей, расторгнуть арендную сделку или навести справки.(9)

Предприимчивость общества помощи нашла отклик в среде благотворителей, число которых увеличивалось с каждым днем войны. Кинешемская уездная комиссия комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных приступила в марте 1915 г. к сбору средств на приют для увечных воинов-костромичей.(10) Редкое по форме проявление участия к судьбе своих работников выразили на фабриках товарищества бумаго-ткацкой мануфактуры братьев Г. и А.Горбуновых в с. Киселеве Нерехтского уезда, объединившись в комитет помощи увечным воинам, вдовам и сиротам убитых на войне бывших рабочих и служащих фабрик товарищества.(11) Ста сорока семьям выплачивал комитет дотацию из членских взносов, сборов от спектакля и добровольных пожертвований.

Первые поезда с ранеными прибыли в Кострому осенью 1914 года. Пройдя своего рода "сортировку", раненые делились на имеющих легкие повреждения и тяжелые, требующие ампутации или другой сложной операции; а также на офицеров и нижние чины. Соответственно их помещали в госпитали, оборудованные операционными залами и дезинфекционными приборами, или лазареты, обладающие лишь необходимым набором медикаментов. Содержание раненых офицеров от нижних чинов отличалось размерами отпускаемых на каждого из них средств и вытекающими из этого условиями.

В госпитали превратились практически все существующие в губернии больницы: мирному населению все равно хворать стало некогда - слишком много забот. Для эвакуированных из прифронтовых госпиталей срочно строились бараки в селе Середе, Мантурове, Кинешме и Костроме. Подсчет количества заготовленных для раненых мест, произведенный по требованию Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, выявил несколько чисел, достойных восхищения. На 1 сентября 1916 года в губернии было налажено 138 лазаретов и госпиталей с общим числом мест около 10 тысяч, из которых занятыми оказались 7 тысяч.(12) Разгадать секрет их буйного роста помогли воспоминания генерала Курлова, занимавшего высокие правительственные посты во время войны.

"Лазареты и санитарные поезда оборудовались членами Императорской фамилии, различными общественными организациями и даже частными лицами. Нельзя сказать, чтобы эта существенная потребность, которой все так охотно шли на помощь, объяснялась дефектами санитарной части военного министерства: казенные госпитали и санитарные поезда имелись с первого момента войны. Конечно, в них не было тех удобств и роскоши, как в частных учреждениях, но это легко объясняется громадной разницей между ассигнованиями военного ведомства и частными затратами на этот предмет."(13)

Призрением раненых занимались государственные, общественные организации и частные лица, не избежавшие по свидетельству Курлова трений между собой. Но соперничество в необходимой дозе лишь содействовало высокому уровню исполнения сложной работы. В Костромской губернии государственная и общественная системы ухода за ра-

104-й сводный эвакогоспиталь. 1917 г.

неными воинами были представлены соответственно местными отделениями Всероссийского Красного Креста, губернским и уездными комитетами Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. В отличие от Красного Креста, заслужившего долголетним своим существованием бесспорную и самую широкую популярность, возраст обоих союзов был чрезвычайно молод, т.к. основанием их последовало с началом войны и по ее причине. Однако, объединяя столичных промышленников и политиков, располагавших крупными капиталами, они очень быстро приобрели авторитет с помощью энергичной, щедрой деятельности и в призрении пострадавших от бедствий войны, устройстве поставок для армии и т.д. При строгом разграничении сфер влияния обе системы пользовались одинаковыми приемами в работе. На оборудование и содержание лечебных заведений для раненых в Костроме и губернии ими привлекались финансы, как высших, так и низших своих структур; местных, несоподчиненных с ними учреждений и, наконец, частных лиц в разной степени долевого участия.

В Романовской больнице Федоровской общины сестер милосердия (ныне онкологический центр) был открыт госпиталь на 18 офицерских и 105 для нижних чинов мест, которые обеспечивались весьма дееспособным Дамским комитетом при отделении Красного креста. Костромское духовенство устроило лазарет в Соборном доме на набережной на личные сбережения и пожертвования прихожан церквей города при участии все того же Дамского комитета. Сельскому духовенству Костромской епархии обязан своим происхождением лазарет имени цесаревича наследника Алексея Николаевича (на территории Ипатьевского монастыря).(14) В Кинешме раненых принимал госпиталь I разряда на 80 мест. Фабрикант Миндовский предоставил безвозмездно для него свой дом на Вознесенской

Солдаты первой мировой.

улице. Оснащение и уход оплачивало общество Красного Креста, кроме двух коек, которые содержались из посильного вклада В.и С.Григоровых. (15) Там же был собран Кинешемско-Вычугский передвижной санитарно-питательный передовой отряд, рассчитанный на обслуживание 280 раненых в зоне военных действий. Финансирование отряда обеспечивалось Кинешемским отделением Красного Креста. (16)

Из 138 стационаров для раненых половину оборудовали и содержали на свои средства земский и городской союзы. Занимая здания губернской земской больницы (ныне I городская больница), самый крупный госпиталь в Костроме имел еще десять отделений в частных домах Стоюнина на набережной, Янцен - на Ильинской (ныне Чайковского), на Никитской улице и т.д. Персонал госпиталя ухаживал за больными нижними чинами. Сто пятьдесят мест оснастило губернское земство, остальные пятьсот - земсоюз.(17) На его же средства организовали и оборудовали Кинешемский санитарный поезд, который до марта 1915 года совершил 16 рейсов на линию фронта и перевез в тыл 6.196 раненых.(18)

Окруженный заботой и лаской, солдат поправлялся быстро. В среднем его лечение, питание и другие потребности обходились в двадцать рублей ежемесячно (для сравнения: заработок рабочего в Костроме составлял двадцать пять рублей, на которые кормилась вся семья). Представительницы дамских комитетов и других благотворительных обществ шили для солдата белье. Коротать долгие зимние вечера и забывать недомогания помогали гимназические спектакли и концерты. В Пасху и Рождество не оставляли без подарков. И наконец, поправившись, солдат отбывал в краткий отпуск на родину... в меховой шубе от Кинешемского комитета Великой княгини Марии Павловны!(19). Не корысти ради.

Еще зримей стали приметы войны в Костроме и губернии с прибытием беженцев из западных районов России. Их нужно было накормить, одеть, поселить в теплое жилище, отправить детей в школы. Если учесть, что количество осевших беженцев в губернии выражалось в цифре, близкой к пятнадцати тысячам, то сделать это было нелегко. Не сразу определилась сеть благотворительных учреждений, взявших на себя хлопоты о них. По своему устройству она походила на систему призрения раненых воинов с таким же делением на государственную, общественную и частную сферы при взаимном сотрудничестве. Своего рода координирующим центром стал губернский объединенный комитет по устройству беженцев во главе с председателем губернской земской управы Борисом Николаевичем Зузиным. Комитет ведал распределением беженцев по уездам, добывал и делил деньги между организациями, которые непосредственно заботились о быте пострадавших, налаживал регистрирующие и врачебно-питательные пункты. О высокой степени напряжения в работе комитета сообщали посланные им в течение нескольких дней октября 1915 года телеграммы. "Москва. Собеж. (20). Ввиду распоряжения ставки Верховного главнокоман-

дующего об отправке 12.000 человек в Костромскую губернию [...] приступлено к найму помещений, постройке тепловых землянок, бараков в Нерехте, Костроме, Буе, Кинешме. Необходимо на это сейчас 40 тысяч. Вышлите срочно".(21)

"Ветлуга. Земство. Примите беженцев. Нужда крайняя. Открывайте питательный пункт в Шарье для беженцев, останавливающихся и проходящих. Переводится 5 тысяч рублей. При недостатке персонала телеграфируйте, кого надо [...] Имейте запас дешевой теплой одежды, обуви для снабжения крайне нуждающихся".(22)

"Нерехта. Земство. Губернатор распорядился предоставить беженцам гостиницу "Кострома". Приступайте к постройке земляных бараков".(23)

Пока спешно готовилось временное жилье, беженцы занимали ночлежный дом в Костроме, дачи, отданные частными лицами, школы. Проблемы "выплывали" неожиданно и требовали все новых и новых затрат сил и средств. В районе станции Николо-Полома среди беженцев - вспышка сыпного тифа, принявшего эпидемическое развитие.(24) Бесконечные запросы разлученных войной, ищущих друг друга родственников. С наступлением холодов - катастрофическая нехватка теплой одежды и особенно обуви, в которой нуждались каждые семьсот человек из тысячи.(25) "Местный Литовский комитет, обсуждая эти обстоятельства, пришел к заключению, что в видах дороговизны кожевенного товара обувь для беженцев может быть изготовляема из брезента, холста и прочих материалов, и только подошвы из кожи".(26)

Национальные организации в Костроме возникли из объединившихся для решения общих проблем беженцев разных кровей. Числом их было шесть: две польских, латышская и литовская, еврейская и Западно-русское общество из представителей разных наций. Общими усилиями они делали попытки наладить в своей среде нормальную жизнь. Всего труднее оказалось находить работу, особенно в зимнее время, с окончанием сезона полевых работ. На профессиональную переориентацию среди беженцев направили свои усилия создатели сельскохозяйственных курсов в с.Андреевском Костромского уезда - члены Литовского общества. Национальным организациям оказывали материальную поддержку разные учреждения, но чаще других отделение комитета Ее Императорвского Высочества Татьяны Николаевны. Оно выделило кредит на починку одежды и обуви полякам-приютянам и финансы на открытие детских очагов еврейскому и латышскому комитетам, отпустило средства на содержание приюта из 53 человек, находящегося в ведении литовского комитета.(27)

Татьянинское отделение создавалось ради сирот и детей-беженцев, потерявших своих родителей в пути. Поэтому оно сотрудничало с Педагогической комиссией и всеми детскими приютами в губернии, помещая в них девочек и мальчиков, оставшихся без присмотра. Через комиссию детей устраивали в учебные заведения, внося плату за их обучение. Кроме этого отделение принимало на полное содержание эвакуированные детские приюты: Кобринский разместили в с.Селище, а пятнадцать детей сувалкского православного попечительства устроили в костромские Александровский для мальчиков и Ольгинский для девочек приюты.(28) 1 января 1916 года в здании городской управы для детей беженцев устроили большую елку, а в Пасху - праздничный стол, предложили подарки и раздали куличи и крашеные яички "для создания в душе бедных детей настроения,соответствующего светлому празднику".

Капиталы Татьянинского отделения складывались по известному уже принципу других благотворительных учреждений, а именно: из сумм, поступающих непосредственно от руководящего комитета, из пожертвований, устройства лотереи-аллегри, кружечного сбора в Успенском соборе, продажи портретов Татьяны Николаевны, спектаклей, чтения лекций...

В этом и во многом другом все общества, построившие свою деятельность на участии к судьбам пострадавших от бедствий войны, разительно походили друг на друга, что нисколько не умаляло их достоинств. Одинаковый вклад служил доказательством сотрудничества и взаимной выручки между ними.

---

1. Отношение деревни к войне (по данным анкеты Костромского научного общества по изучению местного края). Кострома, 1916. С. 8.
2. Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С.8.
3. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 457. Оп. 1. Д. 1615. Л. 19.
4. Отчет костромского общества "Помощь семьям воинов" за время с 31 июля по 15 октября 1914 года, Кострома, 1914. С.3. (Далее - Отчет общества помощи).
5. Там же, С.5.
6. Там же. С. 21-30.
7. Там же, с.17.
8. Там же, с.9.
9. Там же, с.13.
10. ГАКО. Ф.133. Оп.2. Д.14353. Л.22.
11. Там же. Л. 45 об.
12. ГАКО. Ф. 134. б/н. Л.435.
13. П.Г.Курлов. Гибель императорской России. Москва. "Современник". С.183, 184.
14. ГАКО. Ф. 134. б/н. Л. 409-410.
15. Там же, л. 422.
16. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 14353. Л. 23.
17. ГАКО. Ф. 134. б/н. Л. 394 об.
18. ГАКО. Ф. 133. Оп.2. Д. 14353. Л. 25.
19. Там же. Л. 21.
20. Собеж - особое совещание по устройству беженцев.
21. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3(в). Д. 284. Л. 7.
22. Там же. Л. 11-12.
23. Там же. Л. 45.
24. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3(в). Д. 292. Л.3.
25. Там же Л. 42 об.
26. Поволжский вестник. 1916. 19 апреля. N 2863.
27. Очерк деятельности Костромского губернского отделения комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны. Кострома, 1917. С.9.
28. Там же. С. 8.

* Часть источников автору указана Галиной Давыдовой.

Нина БАСОВА

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО О СЛЕПЫХ

В конце 1885 года в г.Кострому прибыл управляющий акцизными сборами Б.К.Кукель, который решил организовать здесь попечительство о слепых и училище-приют. Первое, что он предпринял, это собрал сведения о числе слепых в Костромской губернии и выяснил их имущественное и семейное положение. При содействии Костромского губернатора В.В.Калачова были составлены списки по волостям и городам губернии. В этих списках значилось около 4 тыс. человек, в том числе 350 детей в возрасте от 5 до 15 лет. Почти все они происходили из беднейших крестьянских семей - большая часть из них была сиротами.

Кукель обратился с просьбой к настоятельнице Костромского Богоявленского женского монастыря игуменье Марии (Давыдовой) принять под свое покровительство новое начинание и получил ее согласие. Затем, заручившись согласием и поддержкой местных властей и влиятельных костромичей, обратился в Совет Попечительства с представлением об открытии в Костроме отделения Попечительства. 1 июля 1886 года пришел положительный ответ, при этом Ярославскую губернию отнесли в ведение Костромского отделения с правом пользования всеми сборами, поступающими из обеих губерний, и назвали попечительство Костромско-Ярославским.

Тогда же были представлены временные правила для деятельности отделения и состоялось избрание в члены Совета. Председателем стал губернатор В.В. Калачев, вице-председателем А.И. Шипов, членами Совета П.В. Исаков, И.Н.Чалеев, В.И.Чернов, уполномоченным Попечительства и казначеем - Б.К.Кукель, секретарем - А.А.Степанов.

С разрешения духовных властей игуменья Мария предложила Попечительству временно занять под училище дом, принадлежавший монастырю и находящийся вне монастырской ограды. Из-за тесноты помещения на первых порах в училище было принято 10 девочек. 31 августа 1886 года состоялось освящение и открытие приюта. Это знаменательное событие было удостоено внимания Императрицы Марии Федоровны, приславшей телеграмму следующего содержания: "Душевно радуюсь совершившемуся сегодня у Вас благому делу открытия приюта для слепых девочек. Благодарю Вас, игуменью Марию и членов Мариинского Попечительства за телеграмму. Желаю полного успеха начинающемуся учреждению на пользу призреваемых. Мария".

Училище остается в этом помещении под надзором матери игуменьи до опустошительного пожара в Костроме 18 мая 1887 года, истребившего значительную часть монастырских зданий. С мая по октябрь 1887 года училище стараниями губернатора Калачева было размещено в каменных флигелях при губернаторском доме. В конце того же года удалось решить вопрос о приобретении собственного дома для училища. Это был обширный деревянный дом с двумя флигелями, надворными постройками, обширным садом и землею, более десятины, в лучшей части города, приобретенными у вдовы гвардии ротмистра А.И.Шипова. Все уступлено было Е.С.Шиповой за 6 тысяч руб. Торжественное освящение училища состоялось 25 октября 1887 года.Условия теперь позволяли принимать наряду с девочками и мальчиков.

Весной 1893 года началось строительство нового здания. Кроме корпуса администрации училища все заинтересованные лица хотели возвести домовую церковь. После получения благословения от епископа Виссариона Б.В.Кукель обратился к общественности города и благотворителям за помощью. Успех превзошел все ожидания: вещественные и денежные пожертвования достигли суммы в 8 тыс.руб., что позволило изменить первоначальный план и смету нового здания. Совет Попечительства со своей стороны дополнительно выделил училищу 5 тыс.руб., в 1895 году осуществилась постройка 3-х этажного каменного здания, половина верхнего этажа которого была отведена для церкви. Строительство обошлось в 38500 руб., внутреннее устройство церкви потребовало 1800 руб.

В новом здании могло обучаться 50 девочек, а в старом - 25 мальчиков, всего 75 детей. На момент открытия нового корпуса обучалось 25 девочек и 20 мальчиков. Смотрительницей училища была назначенная игуменьей Марией бывшая сестра милосердия и преподавательница монастырского училища М.П.Яблокова.

Местное отделение попечительства и его совет проявлял постоянную заботу и внимание об учащихся, контролируя учебный процесс и профессиональную подготовку выпускников, которых обучали различным ремеслам: щеточному, столярному, переплетному и др.

Капитал отделения на 1 января 1896 года составлял 18900 руб. в т.ч. неприкосновенный капитал в % бумагах 11610 руб. Неприкосновенный капитал образовался от поступивших специальных пожертвований: от костромской дворянки Е.В.Чижовой 2000 руб., от отставного штабс-капитана Д.А.Сологубова 3000 руб., от потомственного почетного гражда-

нина В.А.Андреева 2000 руб. и др. Г.К.Горбунов ежегодно жертвует на нужды училища 500 руб.

Попечительство выделяло Ветлужскому, Варнавинскому и Макарьевскому уездам на формирование летучих отрядов, работавших летом 1894-1895 годов, где врачи окулисты оказывали практическую помощь населению, кроме этого выявляли причины заболеваний и пути устранения эпидемии инфекционных глазных болезней.

В отчете о деятельности отделения говорится о бескорыстной и благотворной работе протоиерея отца Павла Горского, смотрительницы учительницы М.П. Яблоковой. Это благодаря их труду питание детей обходилось недорого. Причем обед всегда состоял из двух блюд, ужин из одного, и дважды в день давался чай с белым хлебом. Праздничные обеды были из трех блюд.

"Белым хлебом дети пользуются от щедрот Ивана Яковлевича Аристова, братьев Михаила Михайловича и Ивана Михайловича Чумаковых, а также Александра Макаровича Чумакова, которые по праздникам присылают им крупчатой муки в таком количестве, что ее хватает на целый год. Люди доброго сердца не могут отказать себе в удовольствии иногда и побаловать наших детей: так ежегодно на елку многие присылают им различные лакомства, а г.Тшаркер и Софья Ивановна Геэп и в самые праздники одаряют детей сладким печеньем и пряниками из своей кондитерской и булочной."

Среди благотворителей в отчете названы имена генерал-лейтенанта Ивана Николаевича Чалеева, Екатерины Васильевны Чижовой, как активных жертвователей на нужды слепых. Общество выразило Е.В.Чижовой благодарность за принесенный в дар Попечительству капитал в 2000 руб. Кроме денежных взносов костромичи делали ежегодно пожертвования продуктами, тканями, одеждой. Всего в списке значится 46 фамилий таких жертвователей.

Елена САПРЫГИНА
Павел КОРНИЛОВ

Пушное дело Пановых

Сенсационные солигаличские находки - полотна талантливого Григория Островского, - значительно обострили интерес к запасникам районных краеведческих музеев. И как оказалось - не зря.

В середине 70-х внимание исследователей привлекли 5 портретов XVIII века кисти неизвестного художника. После проведенных исследований выяснилось, что картины представляют собой не что иное как фамильную портретную галерею. Все изображенные на портретах - урожденные вологжане. В научной краеведческой литературе портреты идентифицируются как галерея тотемских купцов Пановых. Сразу возникает вопрос, почему портреты нескольких поколений одной вологодской семьи оказались на костромской земле? Ответ дает обращение к истории усадьбы Внуково, где эти портреты украшали интерьеры, увековечивая предков владельцев имения более столетия.

Где-то на рубеже десятых годов XIX века, накануне Отечественной войны 1812 года, когда мир, испуганный необычайно ярким свечением редкой кометы, готовился к грядущим бедам, в далеком Солигаличском уезде внук известного тотемского купца Панова Иван придирчиво осматривал доставшееся ему в приданом жены Екатерины Васильевны имение Внуково. Еще недавно усадьба принадлежала ее отцу, помещику Кривскому, а теперь права владения перешли к новому хозяину, который, по-видимому, остался весьма доволен приобретенной недвижимостью. Именно здесь родились трое его детей, и как-то сами собой сконцентрировались все семейные реликвии, включая уже известные портреты, фамильный архив, уникальную библиотеку в несколько сот томов, а также старинные - середины XVIII века - географические карты Сибири и Дальнего Востока с нанесенными от руки контурами доселе неведомых земель, в открытии которых принимал участие сам владелец карты, глава семейного клана, патриарх российской пушнины и первая модель фамильного живописного собрания Петр Алексеевич Панов.

Свыше двух с половиной столетий тому назад степенная, неспешная жизнь российского купечества вдруг резко изменилась. В 1741 году 2-ая Камчатская экспедиция под руководством В.Беринга и А.Чирикова открыла Северо-Американский континент со стороны Азиатского материка, а также огромное число мелких островов, расположенных к западу от Америки. Предприимчивое купечество сразу осознало, какие неисчислимые прибыли можно получить, по-хозяйски распорядившись новыми источниками сырья и рынками сбыта для своих товаров. Едва только весть об открытии новых земель распространилась по России, как торговые люди устремились к далеким берегам неведомого Тихого океана.

В середине XVIII века птица счастья и удачи русского купечества парила над безбрежными тихоокеанскими просторами, отдыхая на диких скалах Аляски, Алеутских островов и Северной Калифорнии.

Уроженцы Ярославля и Вологды, Каргополя и Тотьмы, Великого Устюга и Лальска готовились поймать свою удачу на только что обретенных окраинах Российской империи.

Небольшой камчатский городок Охотск весной 1758 года был озабочен снаряжением экспедиции в неведомые края. По палубе экспедиционного корабля "Святой Иулиан" с раннего утра до поздней ночи шумно пробегали вереницы матросов, руководимые суровым, немногословным капитаном, мещанином Степаном Шотовым. Грузили рыболовные снасти,

навигационное оборудование, еду, питье, товары для меновой торговли с туземцами, которые обязательно должны были встретиться на пути отважных искателей приключений. Предстоящее, как ожидалось, многомесячное плавание требовало от участников замышляемого предприятия аккуратности и тонкого расчета. Вологодские купцы Иван Буренин и Василий Кульков, яренский Иван Томилин, лальский -Афанасий Чебаев, тотемские - Андрей Титов и братья Пановы - Григорий и Петр Алексеевичи сильно рисковали своим капиталом. Во время плавания с кораблем могло случиться все, что угодно, и возможность получения прибыли представлялась почти эфемерной. Тотемские торговые люди братья Пановы, поставившие на кон весь свой капитал, решили от предприятия не отдаляться и, положившись на Бога и океан, плыть к настоящей удаче или... к морскому дну. Войдя в состав экспедиции, на "Святом Иулиане" они пустились в плаванье, продолжавшееся четыре долгих года. В бумагах путешественников хранился ордер Сибирского губернатора Мятлева, содержащий рекомендации по надлежащему освоению российскими купцами новых земель: "Что де принадлежит до обхождения с теми дикими народами також о награждении промышленных такими вещами, которых они [не имеют], особливо в самонужнейшем, яко то: в пороху, свинце, пушках, чего они ни за какие деньги получить не могут. О том тем промышленникам, что до хождения, принадлежит, по силе высокоправительствующего сената и прежних камчатских командиров велено дать наставление..."

За время путешествия были открыты четыре ранее неизвестных острова, жители которых пополнили число подданных Российской империи. Большое значение имела и подробная географическая карта, составленная на основе данных этого плавания и обобщавшая все имевшиеся тогда сведения об Алеутских островах. В финансовом отношении экспедицию можно назвать более чем удачной. Ее участники привезли огромное количество ценных мехов на сумму 130 тысяч рублей. По тем временам это был весьма значительный капитал. Как воспользовались им концес-

В. П. Панов. 1781 г.

сионеры, сказать сегодня трудно. Мы знаем лишь о действиях Петра Алексеевича Панова. Осознав весь масштаб возможных торговых операций, Панов вкладывает все свои средства в торговлю мехами как внутри России, так и за ее пределами. Через несколько лет он уже имеет свои конторы и склады мехов в Москве, на Камчатке, в Иркутске, Кахте - пограничном пункте с Китаем, через который проходила тогда почти вся торговля с этим государством. С Алеутских и других островов, с Камчатки, из Якутии и других сибирских краев шел непрерывный, все усиливающийся поток дорогих мехов, принадлежавших Петру Панову. Китайские купцы закупают в Кахте в неимоверных количествах камчатских бобров, чернобурых лисиц, соболей, котиков, выдру, белку. Причем, за рубеж шли преимущественно "сырые", то есть необработанные меха. В пределах Российской державы торг шел мехами выделанными. Товаром удачливого торговца заинтересовались всесильные фавориты императрицы Екатерины II братья Орловы, а впоследствии сам светлейший князь Г.А.Потемкин. Покровительство последнего обеспечило Панову безраздельное господство на российском рынке мехов.

Московскому искусствоведу А.Лебедеву довелось увидеть портрет П.А.Панова в середине 70-х годов в Солигаличе. К сожалению, он имел очень плохую сохранность и вскоре рассыпался, но осталось описание портрета: "Петр Алексеевич изображен в рост, стоящим между двух небольших столиков, в левой руке у него трость, в правой - запечатанное письмо. Фигура написана в фас, довольно плоскостно, голова слегка повернута вправо". Портрет датируется тем временем, когда тотемский купец передал ключик от налаженного, подобно лучшим швейцарским часам, торгового механизма своему доверенному лицу, внуку старого сподвижника Ивана Буренина - Николаю Яковлевичу Буренину. Петр Алексеевич дал ему полную доверенность на ведение любого рода сделок, включая выдачу векселей от своего имени. С тяжелым сердцем пошел старик на этот, как впоследствии показало время, гибельный шаг, передавая бразды правления пушной миллионной империей пусть и в умелые, но все-таки чужие руки. Его сын Василий не проявлял ни малейшего интереса к главному делу жизни своего отца.

Василий оказался добрым, незлобивым юношей, полностью лишенным деловой хватки, так отличавшей его отца. О характере молодого человека говорит его портрет. Спокойный, робко-меланхоличный взгляд серых глаз выдает натуру глубокую, склонную к рефлексии и самоанализу. В облике младшего Панова нет ничего купеческого. Даже одежда - двубортный черный камзол с серебряными пуговицами и с бархатным коричневым воротником, выступающий из-под камзола кружевной белый шарф - заставляет нас считать изображенного дворянином, каковым Василий стал спустя чуть более десяти лет после написания портрета. Это десятилетие своей жизни В.Панов описал в позднейшей докладной записке вологодскому губернатору графу Д.Б.Толстому. "При жизни еще покойного отца моего тотемского купца Петра Алексеевича Панова и при благополучном его состоянии, по собственному моему желанию записался я в 1786 году генваря 1-го из купцов в гвардию в Преображенский полк каптенармусом и потом переведен был в том же году в конную гвардию, а из оной был выпущен из виц-вахмистров порутчиком в 1787 генваря 1-го и потом состоял в Павлоградском в легкокон-

ном полку, находясь при его светлости покойном князе Григорье Александровиче Потемкине Таврическом, а в 1791 году по прошению моему за болезнями оставлен из ротмистров с награждением майорского чина с данным от государственной коллегии паспартом, а в 1792 году удостоился на сей чин получить и патент за подписанием Ея Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и после сего записался в дворянство Вологодской губернии".

В то время, как Василий исправно поднимался по ступенькам служебной лестницы, делая военную карьеру, меховая империя отца, умершего в 1786 году, переживает тяжелый и, более того, смертельный удар. Из-за каких-то недоразумений между Россией и "небесной империей" прекращается всякая торговля между двумя странами, что для дела Панова было равноценно смерти. Дело в том, что торговля с Китаем имела в основном вид торгового обмена. Взамен пушнины китайцы снабжали Россию чаем, рисом и некоторыми другими видами товаров, не производившимися в то время у нас. К моменту прекращения торгового обмена с Китаем в 1787 году в Кяхте на складах Панова скопилось невыделанной пушнины на сумму в несколько сот тысяч рублей. Торговый обмен возобновился только через семь лет. За это время лежавшая без движения на складах пушнина пришла в такое состояние, что китайские купцы отказывались ее брать. Пришлось в спешном порядке реализовывать меха по демпинговым ценам, что принесло компании Панова колоссальный убыток в 300 тысяч рублей, от которого она уже не смогла оправиться.

К тому же, после смерти старого Панова служащие его компании воспользовались некомпетентностью и неопытностью наследника умершего, попросту разворовали все финансы компании.Главный приказчик Н.Я. Буренин выдал на весьма значительную сумму векселей от имени старого хозяина. В результате, после кяхтинского банкротства векселя, срочно переданные к взысканию, никоим образом не могли быть оплачены. В обеспечение исков все имущество Панова, собранное им за десятилетия громадных трудов, полных опасностей и риска, было описано и назначено к продаже, в том числе выставлялся на торги и построенный в Тотьме большой каменный двухэтажный дом, на который, кстати, так и не нашлось покупателей, - настолько он оказался большим и роскошным.

Ситуация осложнялась тем, что виновник разорения, главный приказчик компании Н.Я.Буренин приходился Василию Панову родственником, поскольку тетка растратчика была женою отставного майора.

Растерявшемуся, разоренному Василию Панову судьба вскоре наносит новый страшный удар. Вот как описывает семейную трагедию сам Василий в уже упоминавшейся объяснительной записке, адресованной графу Толстому: "Обращаясь же к бедствиям моим изъяснить должен, что... все то вместе лишило меня знатного наследственного отцовского капитала и повергло в бедность, а оную довершил еще пожар в тотемской деревне жены моей, случившийся 795 года в феврале месяце присущей и чрезвычайной моей тогда болезни в коей едва и движение имел; в которой погорел дом ея, а в нем разные письменные документы и все движимое мое имение как то: святые образа, посуда, жемчужные, алмазные и бриллиантовые дорогие вещи, лисий и соболий меха и платье всего на сто тридцать пять тысяч рублей без остатка". Юридический документ под пером отчаявшегося любимца светлейшего князя стал подлинным криком измученной многолетними невзгодами души. Последней опорой, поддерживавшей Василия, стала семья, в особенности жена, Татьяна Яковлевна, урожденная Буренина. О ней почти не имеется сведений. Не сохранился и ее портрет, имевшийся в фамильной галерее. Зато портрет ее матери Марии Васильевны Буреиной кисти художника Березина является украшением Внуковской галереи. Известно только, что при выходе замуж за Василия Петровича в 1776 году она получила от отца в приданое "одною наличностью суммою 15 тысяч рублей,кроме немалого числа золотых и бриллиантовых вещей, посуды и платья". О личных качествах супруги Пановой можно судить лишь по косвенным данным. По-видимому, она была дальновидной, умной, а самое главное, преданной женой своему мужу. Всего через два года после свадьбы она самостоятельно приобретает, поняв, что на мужа в практических делах рассчитывать не приходится, несколько деревень со ста пятьюдесятью душами крепостных крестьян "для временного только пребывания". Но печальные обстоятельства судьбы сделали эти деревни, кстати они - единственное, что осталось у Пановых после катастрофического банкротства, "всегдашним и единственным ея и моим здешним жилищем". До конца оставаясь рядом с мужем-неудачником, Татьяна Яковлевна "последние остатки своего приданого употребила на содержание меня и детей наших из коих 2 сына Василий и Иван служат ныне офицерами в Павловском гренадерском полку, а я в несчастии моем имею одно пристанище и пищи в деревне единственно по любви жены моей и что нет у нас не токмо обилия и богатства, но что единое только умеренное пропитание от деревни, с которой еще уделяет и сыновьям служащим". Но даже заботливое внимание преданной супруги не избавило Василия Панова от тяжких душевных и физических страданий: "С тех пор как бедствия разрушили состояние мое, вместе с оными разрушили и самые душевные силы мои и породили ужасные болезни, так что

М. В. Буренина. 1769 г.

в 795 и 796 годах был я в долговременной тяжкой горячке и сомошествии... после чего память и самые мысли чувствую расстроенными".

Что происходило в небольших деревеньках вологодчины после 1798 года, которым датируется последний документ, имеющий отношение к Василию Панову, сказать трудно. Наверное, он тихо доживал свои дни, сидя по вечерам в стареньком, скрипящем кресле, дожидаясь, когда Татьяна Яковлевна "единственно по любви" подаст ему чашку горячего, пахнущего настоем терпких северных трав, чаю с малиновым вареньем. Умер Панов в 1810 году, Татьяна Яковлевна пережила мужа на 13 лет.

С этого момента наше повествование будет продолжаться на костромской земле. Сыновья Василия Панова - Иван и Василий, к счастью, не были свидетелями многолетней агонии своего отца. С ранней юности, будучи записаны в Гатчинскую гвардию, они жили в Петербурге, где, выйдя в офицеры, продолжили службу в Павловском гренадерском полку. Старший Василий, портрет которого в детском возрасте представлен в фамильной галерее Пановых в 1798 году был в составе десантных войск, оперировавших на голландском побережье. После того, как император Павел 1 заключил мир с наполеоновской Францией, русский десантный отряд оказался в бедственном положении. Остатки десанта были переведены бывшими союзниками на о. Уайт, где В.В.Панов пробыл свыше года на положении интернированного. Возвратившись в Россию после смерти императора Павла и выйдя в отставку в чине штабс-капитана, внук пушного короля приехал на родину. Однако жить рядом с родителями не захотел, возможно тяготясь тамошней атмосферой упадка и жизненного неблагополучия. Он женится на дочери костромского помещика прапорщика И.И.Чалеева. Сперва молодые живут в приданом имении супруги усадьбе Красково Чухломского уезда, а затем Василий Васильевич переезжает с семьей в новую усадьбу, в том же уезде, на реке Виге. Склонный к некоторой экстравагантности, он называет семейное гнездо Анно-Василевское, в честь имен - своей жены Анны Ивановны и своего имени Василий.

Умер он бездетным 3 августа 1853 года, завещав свое имение детям брата Ивана, Алексею и Александру.

Младший брат Иван, как и Василий, служил в гвардии. Принимал участие в войнах с Францией в 1805-1807 годах. За подвиг в сражении под Прейсиш -Эйлау он получил редкую награду - Прейсиш-эйладский золотой крест. Как и брат он вышел в отставку в чине майора и тоже женился на костромской дворянке, взяв в приданое усадьбу Внуково Солигаличского уезда. Там родился один из его сыновей, дочь которого Мария Александровна Замяткина наследовала после отца и дяди все, что осталось от когда-то

В. В. Панов. 1784 г.

большого состояния своего прадеда, Петра Алексеевича Панова.

Именно Марии Алексеевне суждено было получить вознаграждение за все несчастья своего деда и в какой-то части компенсировать утерянное состояние. Дело в том, что при покупке имения Антоновское, которое сгорело в 1795 году, в купчей были указаны только крепостные крестьяне поименно, со всем имуществом, строением, скотом и птицею, а также "со всеми угодьи". Как оказалось "угодьи" эти были весьма значительны, и заключались, в основном, из лесных дач с прекрасным строевым лесом, из-за отдаленности эти лесные дачи не эксплуатировались, и в то время, когда состоялась покупка Антоновского, ни продавцы, ни покупатель, даже не нашли нужным упомянуть об этих лесах, ограничившись лишь словами "со всеми угодьи, что прежде по дачам и писцовым книгам было". А в прежние годы для определения границ земных угодий употреблялась такая формула: "со всеми угодьи, сенными покосы и лесы, куда исстари топор ходил и куда коса ходила". И вот, оказалось, при размежевании казенных лесных дач от владельческих, производившемуся в 40-х годах XIX века, что "топор ходил" очень далеко. К имению Антоновское отошло ни много, ни мало 18 тысяч десятин прекрасного строевого леса, находящегося в верховьях реки Унжи, по притокам ее речкам Кунож, Кема и др.

В 1898 году последняя из рода Пановых, Мария Алексеевна Замяткина, продала всю эту лесную дачу в 18 тысяч десятин по баснословно дешевой цене - 10 рублей за десятину. Она получила большое богатство по тем временам - 180 тысяч рублей, а покупатель, "Северное акционерное лесное общество" в первый же год выручило эту сумму от заготовки и сплава по Унже строевого леса. А.А.Григоров, которому довелось работать в лесном хозяйстве, отмечал, что с бывших Пановских дач ежегодно вывозилось и сплавлялось по Унже прекрасной строевой древесины на весьма значительные суммы.

Неординарная судьба семьи Пановых издавна привлекала внимание столичных и провинциальных историков, искусствоведов, писателей и краеведов. Причем, каждый исследователь находил в ней что-то свое. Так, С.Марков много сделал для выяснения роли Петра Панова в открытии и освоении тихоокеанского побережья, В.И.Смирнов занимался разработкой связей Пановых с нашим краем, А. Лебедев и Е. Кудряшов атрибутировали и провели искусствоведческий анализ фамильной галереи. Д.Белоруков, А.Григоров, В.Бочков значительно прояснили генеалогию семьи.

Совместными усилиями нескольких поколений историков-краеведов удалось увековечить эту фамилию и ее представителей за вклад в экономику и торговлю страны, за их значительную роль в освоении и открытии новых территорий. В этих исследованиях просвечивает символичная закономерность, подобная восходящей лестнице, у подножия которой выдающийся деятель, а последующие ступени - род-клан-край-Отечество.

ХЛЕБ-ИМЕНИННИК

In this section of our magazine we publish articles on folk-art and traditions in culture of Kostroma land. Here you can learn many interesting things, connected with the secrets of baking Russian bread. You can make acquaintance of most interesting masters in art and traditional crafts. You can find songs of urban folklore, sad and lamenting, which were popular in the times of the "babushkas" of the present-day generation of Kostroma. We also introduce to the reader the religious poetry of the poet Yuri Kuranov who now lives in Kaliningrad.

In diesem Teil unseres Magazines sind die Artikel über die Volkskunst und Kulturtraditionen der Region Kostroma gesammelt. Hier kann man viel Interessantes über das russische Brot erfahren, sich mit den alten Backenrezepten vetraut machen, Brötratsel lösen. In der "Handwerkerstadt" macht man sich mit der Technik der russischen Handwerker in der Zierkeramik, Weberei, in dem Weideflechten bekannt. Man wird fur sich auch die betrübten und klagenden Lieder entdecken, die zu ihrer Zeit russische "Babuschkas" gesungen haben. Wir präsentiren auch die Welt der religiosen Poesie des Dichters Juri Karabanow.

На Бориса и Глеба хлеб поспел. В этот день Хлеб-именинник. Ах, какой праздник в честь него в нашем музее-заповеднике справили в августе... А народу пришло полакомиться особым хлебушком - праздничным, тортами разными да печеньями - видимо-невидимо. Кто бедно живет, тому и так давали, угощайся булочкой с маком, не побрезгуй, да помни любовь да ласку. Спонсоры праздника - Акционерное общество "Костромахлеб" и музей-заповедник.

Мало уж теперь домов осталось, где еще пекут свои хлеба, пыхтят у квашонки и опарницы - скоро ли поспеет каравай?

- Каравай, каравай! Кого хочешь, выбирай... играет детвора и даже не догадывается, что этот древний обряд связан с магией плодородия. Хлеб - всему голова всегда на Руси был. Хлебом-солью гостей встречали. А при переходе хозяев в новый дом пекли новосельный каравай с заветом. Если каравай был пышный и румяный, то жизнь в новом доме обещала быть счастливой. Половину каравая съедали в день новоселья, а вторую сушили и хранили до года. Этот обычай особенно чтился в Вохомском районе.

Специальный пшеничный каравай пекли к свадьбе и благословляли им молодых к венцу, а встречая из церкви, обсыпали молодоженов зерном - чтоб достаток был в новой семье. В Поветлужье Рождество обычно встречали тоже хлебом - солью на столе. На хлебе гадали о женихе - каким он будет мужем. Приносили в дом курицу и петуха и пускали их к сковороде, где еда - вода с хле-

бом. Если петух хлеб склевывает, значит работящим будет муж. В Кадыйском районе во всех деревнях накануне Вербного воскресенья творили праздничные хлеба и угощали ими друг друга.

В обычные дни пшеничную муку использовали редко, простой хлеб творили на ржаной муке с отрубями. Рожь, ячмень, овес, горох - вот, что произрастало в костромских хозяйствах, из того и хлеб пекли. Смешивали и мололи вместе овсяную и ржаную муку. В Поназыревском районе мука эта называлась "сужитной", и из нее пекли очень вкусный хлеб и каравай, которые любовно назывались "хлебец". Для экономии еще смешивали ржаную муку с ячневой, гороховой. В неурожайные годы в тесто для хлеба добавляли жмых, дуранду (выжимки от льняного семени), куколь (головки льна без семени), вареный картофель, головки клевера, крапиву и даже сушеные листья липы. Возможно, этим опытом экономного хлебопечения нам еще придется воспользоваться в будущем. Поэтому несколько советов из народной жизни. Первонаперво заботливая хозяйка должна была подумать о "закваске". Обычно это был кусочек теста, оставшийся от прошлой выпечки. Использовались также для этой цели квасная гуща, дрожжи домашнего приготовления - из картофеля и хмеля, солод.

В различных районах нашего края были разными названия одного и того же хлеба. Кислый ржаной хлеб называли "караваем", "ковригой". Если его выпекали не в формах, а на поду, то называли "подовым", "подовиком", "мяконьким". Ситник - хлеб из ситной ржаной муки. Ясник - хлеб из ячневой муки. "Сухарник" - хлеб, в опару которого добавляли ржаные сухари. Такой хлеб долго не черствел. "Насолодник", "солоденыш" - хлеб, заквашенный на солоде. Хлеба из пшеничной муки называли "пирогами", "ситниками", "пшеничниками".

Основа приготовления хлеба была всегда одна и та же. С вечера затваривали опару на чуть подогретой или холодной воде и ставили на печь или на шесток, чтобы опара ходила. Утром замешивали, прибавляя муку, и снова ставили в теплое место. Когда опара вновь поднималась и начинала оседать, тесто разделывали (валяли, катали) на отдельные хлебы на специальном желобе, посыпанном мукой. Затем выкладывали в чашки или на противни. Если же пекли прямо на поду, то выкладывали караваи на холщовую скатерть и оставляли подходить, деревянной лопатой высаживали их в вольный жар печи на чисто выметенный под. После выпечки вынимали караваи, корочку смазывали маслом или просто водой, выкладывали снова на скатерть, прикрывали полотенцем, чтобы хлеб отдыхал, отходил.

РЖАНОЙ ХЛЕБ

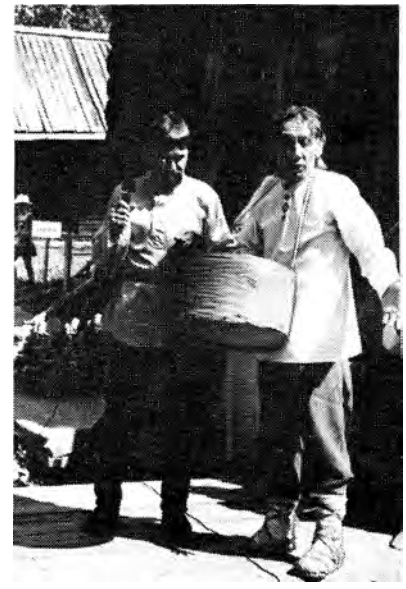
Просеивали ржаную муку 2 кг. Вечером затворяли закваску на теплой воде - 1 литр. В закваску добавляли картошку вареную, тертую (2-3 шт.). Покрывали все и ставили на печь. На следующий день месили. Добавляли муку, соль по вкусу. Плошки смазывали жиром или растительным маслом. Выкладывали в них, смочив руку водой, тесто и разглаживали его. Как поднимется тесто в плошках, ставили его в печь. Пеклись хлеба 1-1,5 часа. Если хлеб сильно горячий, то он не испекся, следует его еще пекчи.

Рецепт Л.Ф. Коневой, д.Горки Нерехтского района.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ДРОЖЖЕЙ

Сварить "в мундире" 0,5 кг. картофеля, размять его, добавить в полученную массу горсть семян хмеля (сухого), развести теплой водой до консистенции сметаны и оставить "выхаживаться" на 2 суток. Через 2 суток дрожжи готовы. Долго хранить их нельзя.

Рецепт А.Ф. Любимовой, п.Островское.



ЗАВАРНОЙ ХЛЕБ

500 гр. муки (лучше смесь ржаной и пшеничной) заливают теплой водой - 1 стакан. Добавляют 500 гр. сахарного песка, все тщательно перемешивают и ставят в печку на 12 часов. Полученную массу вынимают из печки и остужают, выливают в квашонку, добавляют еще 500 гр. муки, по щепотке соли и сахарного песка, перемешивают и ставят в теплое место, предварительно накрыв квашонку холщовым полотенцем, еще на 6 часов. Затем добавляют в тесто 1 кг. муки и круто замешивают. Тесто выкладывают в смазанные растительным маслом формы, заполняют их на 2/3 объема, дают немного подойти и ставят в печь. Чтобы хлеб был ровный, не кривобокий, форму в печи несколько раз вращают. Пекут до готовности. Иногда в тесто перед выпечкой кладут изюм.

Рецепт А. Н. Костериной, д.Фомкино Островского района.

ПШЕНИЧНЫЙ ХЛЕБ

1,5 стакана молока заливают в опарницу (кастрюлю), кладут 400 гр. муки, 125 гр. дрожжей, чайную ложку соли, столовую ложку сливочного или топленого масла и ставят ходить на 12 часов. Когда тесто "выходится", его замешивают до густоты и разделывают на караваи. Пекут на поду в печи или в глиняных (железных) плошках. Хлеб печется 1 час.

Рецепт А.Ф. Серовой, д.Хлябишино Мантуровского района.

СУХАРНИК

Это галичский вариант сухарника. Хлебные сухари замачивают на ночь в молоке, они разбухают. Утром добавляют масла и сметаны, выкладывают на сковороду и пекут в вольной печи. На 0,5 кг. сухарей берут примерно 0,5 стакана молока и 0,5 стакана сметаны, 1-2 столовые ложки сливочного масла.

Рецепт О.С.Жуковой, д. Марково Галичского района.

ПОДОВЫЕ КАРАВАШКИ

Каравашки пекут из ржаной муки. 500 гр. муки разводят 2 стаканами теплой воды, добавляют столовую ложку сахарного песка, соль по вкусу, 5 гр. дрожжей, разведенных половиной стакана теплой воды. Все перемешивают, добавляют муку до получения крутого теста. Ставят на час в теплое место, чтобы каравашки подошли, затем высаживают в печь. Из форм крутые каравашки перевертываются на деревянную лопаточку и с лопатки прямо на голые кирпичи. Пекутся около часа. Низ каравашек бывает в золе. Ее вытирают тряпочкой, каравашки накрывают полотенцем. Они обмякнут и подаются на стол: к похлебкам и к молоку. Подовые каравашки пекли круглый год.

Рецепт М. А. Молчановой, с.Татарское Нерехтского района.

Подготовила Татьяна КУЗИНА

ЗЕЛЕНЕЕТ ДА РАСТЕТ

Загадки

Стоит баба-яга,
Распорота нога,
Весь мир кормит -
Сама голодна.

Соха

Пятеро десен
По четыре зуба.

Борона

Железный нос
В землю врос;
Роет, копает,
Землю разрыхляет.

Плуг

Что две недели зеленится,
Две недели колосится,
Две недели отцветает,
Две недели наливает,
Две недели подсыхает?

Рожь

Один льет,
Другой пьет,

Третий зеленеет
Да растет.

Дождь, земля, хлеб

Сто братьев
В одну избушку
Соткнулись ночевать.

Колосья (зерна)

В городе во Кургане
Стоят курочки с серьгами.

Овес

Месяц,
Новец
Днем на поле блестел,
К ночи на небо слетел.

Серп

Сам с локоток,
Борода с веник.

Сноп

Скрыпит скрыпица,
Едет царица,

Просится ночевать:
- Мне не век вековать,
Одну ночь ночевать;
Придут растопорщики,
Разломают мои косточки,
Тело в вал бросят,
А душу в рай стащат.

Сошки на телеге

Режут меня,
Вяжут меня,
Бьют нещадно,
Колесуют меня;
Пройду огонь и воду,
И конец мой -
Нож и зубы.

Хлеб

Стучит,
Бренчит,
Сто коней бежит;
Что есть в околотке,
Весь хлеб поест.

Мельница

Юрий КУРАНОВ

«Вот моя музыка...»

Православные восьмистишья

Все, что Вы собираете о старой России, имеет особую духовную ценность, ведь Россия - это дом православия...

Из письма Юрия Куранова в "Губернский дом".

Какая печальная птица
К полночи свистит и свистит?
И что ей, бедняге, не спится?
И что ее сердце томит?
О господи - Боже Всесвятый,
Помилуй же тварей своих,
Таких незлобивых когда-то
И загнанных ныне таких.

* * *

Мы к старости, как на вокзале,
Но поезд еще не пришел,
О поезде слышится в зале
Какой-то тревожный слушок,
Кого-то с дорожной авоськой
Ведут патрули на перрон,
А он их так жалобно просит,
И плачет, и молится он.

* * *

Вот моя музыка: синь за угорами,
Тишь да печаль деревень,
Низкий от прорубей пар над озерами,
Белый, заснеженный день,
Сень благодати на сердце бездонное,
Шорох и шелест свечей,
Вот моя музыка, здесь, под иконою, -
В робкой молитве моей.

* * *

Напомни мне, лампады огонек,
Сиянье невещественного света
В потемках дней, где каждый одинок,
Да буду им от Господа согретым.
Душа перекликается в пути
С попутною немеркнущей лампадой,
Им большего порою и не надо,
Лишь только бы к спасенью идти.

* * *

Я изумительную жизнь
С рожденья получил от Бога,
Пусть нелегка моя дорога,
Но есть чем в жизни дорожить,
Но есть чем душу напитать,
Чем утолить духовный голод,
Я телом хвор, но духом молод
И верю в Божью благодать.

* * *

Нам нужно думать о своих,
Своем запущенном народе,
Своей разграбленной природе,
О наших нищих и больных;
Вне Церкви истинной своей -
Святой, соборной, православной,
Мы все бездомней, и бесправней,
И беззащитнее зверей.

* * *

Простое пенье прихожан,
Пусть неумелое такое,
Всегда исполнено покоя,
В котором греется душа.
Пусть песнопения они
Порой выводят неумело,
Но сквозь старательное тело
Душ воскуряются огни.

* * *

Вот она начинается, радость
Предзакатных над озером зорь.
В тихом воздухе холод и сладость,
И какая-то нежная боль,
И какая-то робость прощанья,
Увядания шелест и блеск,
Но и вещая радость свиданья
С долгожданною явью небес.

* * *

Бедность-бедность, смиренная странница,
голубая лампада души,
эта Божья святая избранница,
нас от тягот мирских отреши,
не замкни нас в палаты богатые,
в золотые шатры-терема,
где свирепствуют злые, рогатые
осквернители душ и ума.

* * *

Какая ранняя весна!
Какое небо голубое!
Как все звучит одной мольбою,
Зовущей в сердце Небеса.
Какая в небе благодать
Вознесена светло и строго!
Какое счастье верить в Бога,
Молиться, плакать и страдать...

* * *

Подвижник в этом мире одинок,
И не нужны ему мирские почитанья:
В душе его клубится мирозданье,
В душе его всежительствует Бог,
В душе его расправлены крыла
Возвышенного кроткого моленья,
И Ангелов Господних песнопенья
На все его ниспосланы дела.

* * *

Зима. О какое же чудо:
И прорубь, и снег, и снегирь,
И звон колокольный оттуда,
Где пост в морозности ширь,
И розвальней скрип вдоль дороги,
И трепет лампад у икон,
И каждое слово о Боге,
И Господу каждый поклон.

* * *

Взлетели, летят, улетают
и вовсе не смотрят назад.
О Боже! прими эти стаи
в Твой приносящий сад,
в его цветоносные кущи,
под благовест райских святых.
Да видят с молитвой грядущий
в обители горние их.

* * *

В этой бедной церквушке
Тишина и уют,
Здесь четыре старушки
Да мальчонка поют,
Здесь теплится лампада
И седой иерей,
Здесь для сердца услада,
Здесь по сердцу - елей.

* * *

Сквозь свет листвы сияет беглый отсвет,
Кружась ложатся тени вдоль шагов,
Как все вокруг доверчиво и просто,
Какая тишь и бережность кругом.
Как нежно сквозь прозрачный отсвет чащи
Вздыхают и смиряются леса.
Как трепетна, грустна и преходяща
Земная мимолетная краса.

* * *

Без православья нет России
Да и не будет никогда,
а с Богом в ней избыток силы,
она - как вешняя вода:
она шумит по перекатам,
в ней отразились облака,
она раздольна, и богата,
и глубока, и высока.

* * *

Бог выше и краше отчизны,
Юдоли земных наших слез,
И выше любой укоризны,
Которую к ней ты вознес:
Отчизна пред Богом - ребенок,
Порой своенравный, земной,
Ты ей помоги из пеленок
Возвыситься к жизни иной.

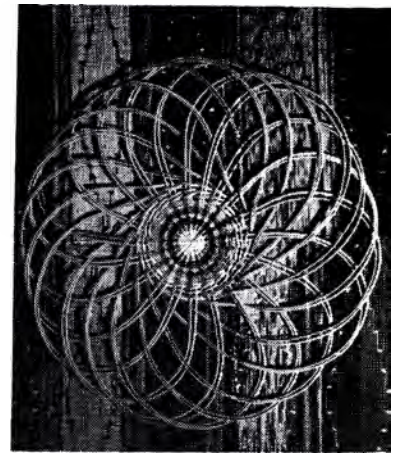
ЧТО ВСТРЕЧАЛО НАС В ДОМЕ

И. Иванников. "Мужик, сидящий на полу", глина.

Чтобы не забыть как раньше жили наши бабушки и дедушки и что они чувствовали, входя с улицы в свой дом, стоит посетить выставочный зал Дома народного творчества, открывшего свои фондовые богатства. Помните, что встречало нас у дверей бабушкиного дома? Тканые половики разной расцветки и длины.

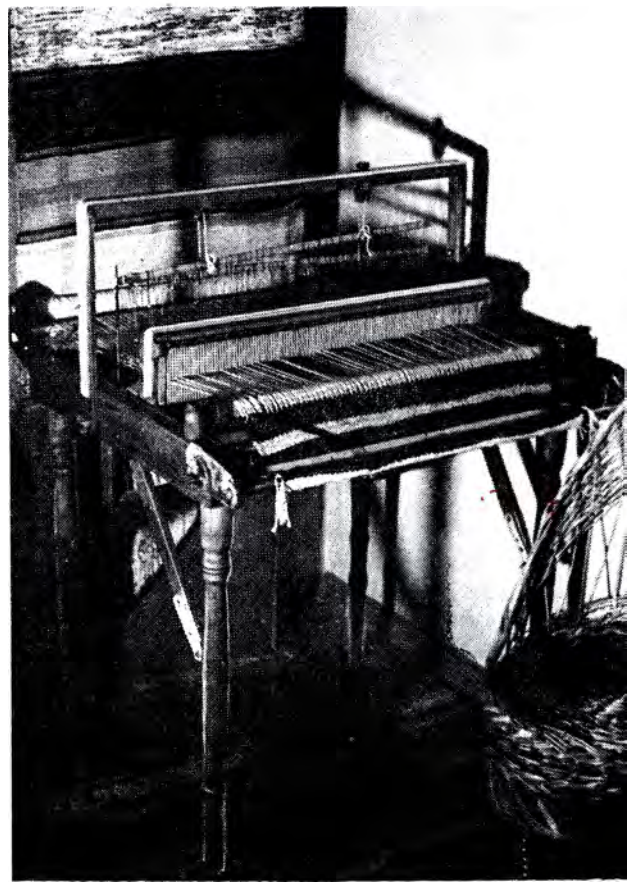
А посмотреть как они раньше появлялись можно прямо на выставке на примере маленького деревянного стана, на котором и ткать как на настоящем разрешено попробовать.

Вошли в дом, а хозяйка угощает медом из берестяного туеска.



П. Лебецкий. Панно "Солнышко".

О. Щукин. "Женский монастырь", воскография.



А. Петерсон. Станок ткацкий.

Нынче это угощение, наверно, редкость, а вот красотой березовых туесов восхититься может каждый, кто заглянет в выставочный зал.

Ну а хлеб непременно в плетеной из бересты корзиночке. Хранить стоило бы. И красиво, и дольше сохранится свежим. А еще здесь есть игрушки разные из бересты. Послушайте-ка берестяной пастуший рожок - ведь как звучит!

Пестерь из бересты плетеный, легкий, да с крышечкой - мечта любого грибника.

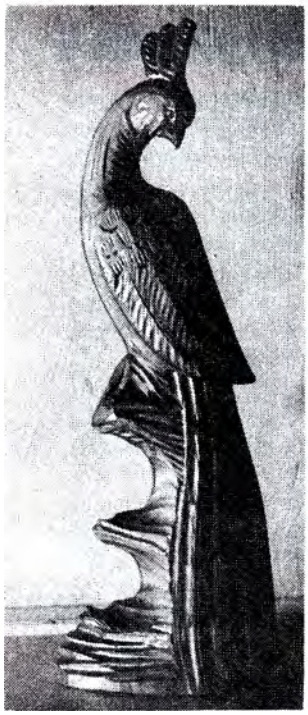
Пойти на рынок или просто для нужды какой в доме - корзиночки разной формы и размера, плетеные из ивового прутка. Пожалуйста, можно прийти и заказать такую.

Детишки поиграть захотели, так тут им глиняную свистульку или еще какую игрушку приглядеть можно. Глиняная вещица и посуда в хозяйстве раньше тоже всегда водилась: и кринки, и горшочки разные. На выставке этой представлена народная керамика, цветная да фигурная.

Вгляду есть где порадоваться; картины земли нашей русской, а на них: лес и река с песчаным берегом, зима и весна. Не умерла душа, чувствует природу: тоскует осенью, жмурится зимой, греется на солнце весной, радуется лету.

И еще много всего можно увидеть на этой выставке, подивиться труду и таланту мастеров наших - может захочется что-то подобное сделать и самому?

Выставку смотрели
Владимир САПОЖНИКОВ
и Георгий БЕЛЯКОВ



Н. Масленников. "Жар-птица", дерево.

М. Теплова. Кувшин "Петух", глина.

Имеем сообщить

МИЛЫЙ КРАЙ, РОДНАЯ СТОРОНА

Летом этого года случилось на костромской земле отрадное событие: почти одновременно увидели свет два сборника - "Галичский край" и "Ветлужская сторона". Несмотря на некоторое различие в содержании и качестве изданий (одно вышло в Москве, другое - в Галиче), в сборниках очень много общего - история родного края в лицах и голосах его жителей, обычаи и обряды, материалы архивные, летописные, этнографические... А вот литературная часть в "Стороне" представлена, в основном, народным творчеством - частушки, загадки, сказки, легенды. "Край" же знакомит с творчеством современных авторов - поэтов Виктора Лапшина и Сергея Потехина, прозаиков Евстолии Прокофьевой и Олега Каликина, а также многих других, уже хорошо известных и впервые представленных широкому читателю.

Кстати, общее между двумя сборниками состоит и в том, что финансовую поддержку в их издании оказали администрации г.Галича и Шарьинского района. Следует заметить, что именно эти администрации возглавляют дамы - Нина Григорьевна Зимина в Галиче и Вера Васильевна Назарова в Шарье. Можно предположить, что их коллеги-господа последуют доброму примеру и тоже в меру сил станут благотворителями в деле народного просвещения. Общий наш край-сторона станет от этого только богаче.

ГОРОДСКАЯ ПЕСНЯ

Песня городская, а помнят ее лучше и поют чаще - на селе. В течение нескольких лет сотрудники МГУ в экспедициях по Ветлужскому краю собирали песни, частушки, заговоры, духовные стихи - то народное краснословие, что еще бытует в малых деревнях российской провинции, украшая сельские праздники и сходы.

Часть этой собранной фольклорной коллекции готовится сейчас к изданию администрацией, отделом культуры Шарьинского района. Сегодня мы предлагаем познакомиться с одной из его страниц, посвященной городской народной песне, созданной где-то в 80-е годы прошлого века. Что тогда певали бабушки, жалостное и грустное, в 20-30-е годы века нынешнего припоминали наши мамы. А теперь песни эти собирают исследователи, сохраняя особенности местных говоров там, где они еще поются.

ПОТЕРЯЛА Я КОЛЕЧКО

Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь, и любовь,
Наверно,
Потеряла и любовь.
Как по этом по колечке
Буду плакать день и ночь,
День и ночь,
Наверно.
Буду плакать день и ночь.
Куда делся тот цветочек,
Кой долину украшал, украшал?
Наверно...
Кой долину украшал.
Куда делся тот дружочек,
Кой словами улещал, улещал,
Наверно...
Кто словами улещал?
Улестил меня словами,
Сам уехал в дальний край,
в дальний край,
Наверно...
Сам уехал в дальний край.
Он уехал, меня бросил,
И с малюткой на руках, на руках,
Наверно...
И с малюткой на руках.
Я возьму свою малютку
И снесу к сестре родной, да родной,
Наверно...
И снесу к сестре родной...
Ты, сестрица дорогая,
Воспитай мое дитя, да дитя,
Наверно...
Воспитай мое дитя.
Я бы рада воспитала,
У самой трое детей, да детей,
Наверно,
У самой трое детей.
Я возьму свою малютку,
Пойду в море утоплюсь, утоплюсь,
Наверно,
Пойду в море утоплюсь.
Сколько раз я ни топилась,
Не достала в море дна, в море дна,
Наверно...
Не достала в море дна.
Своей русою косою
Трепетала по волнам, по волнам,
Наверно...
Трепетала по волнам...
Своей лентой голубою
Украшала берега, берега,
Наверно...
Украшала берега.
Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь, и любовь,
Наверно...
Потеряла и любовь.

Записано у Н. Я. Паршиной, 1921 г. р., д.Пищевка Шарьинского р-на, 1995 г.

Красовье

У ЦЕРКВИ СТОЯЛА КАРЕТА

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была. 2 раза
На ней было белое платье,
Венок был приколот из роз,
Она на святое распятье
Смотрела сквозь радугу слез. 2 раза.
Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она. 2 раза.
Когда ей священник на палец
Одел золотое кольцо,
Из глаз ее горькие слезы
Ручьем потекли на лицо. 2 раза.
Я слышал, в толпе говорили:
"Жених неприглядный такой,
Напрасно девицу сгубили", - 2 раза.
И вышел я вслед за толпой
У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех лучше была 2 раза

Записано у В.Е.Хлебниковой, 1936 г.р., д. Пищевка Шарьинского р-на, 1995 г.

МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕЖКОВ

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А по ней по волнам
Легка лодка плывет.
В ней сидел молодец
Шапка с кистью на нем,
Он с веревкой в руках
Волны резал веслом.
Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.
А на береге том
Красный терем стоял,
В нем красотка жила,
Он ее вызывал.
Муж красавицы был
Воевода лихой.
Не понравился ей
Воевода лихой,
А понравился ей
Молодец удалой.
Одиноко она
Открывала окно,
Приняла молодца
По веревке умно.
Погостил молодец
До утряной зари,
Утром, ранней зарей,
Отправлялся домой.
Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступать
Воевода врагу.

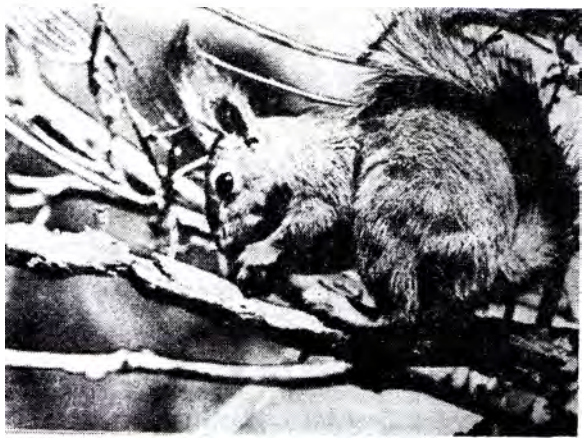
Записано у А.С.Беляевой, 1919 г.р., д.Поверкино, Шарьинского р-на.

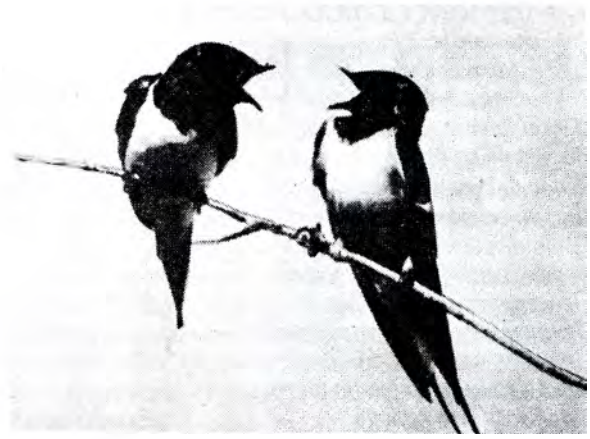
ПОКЛЯНИСЯ ПЕРЕД БОГОМ

"Поклянися перед Богом,
Ежли ты не врешь,
Меня, бедную крестьянку,
Замуж ты возьмешь".
И он с клятвой роковою
С руки перстень снял,
Пояс шелковый и перстень
Снял и ей отдал.
Лето теплое проходит,
Осень настает,
Под ее больным сердечком
Горюшко растет.
Ах, меня теперь в деревне
Никто не возьмет,
А меня моя родня
Со свету сживет.
В чистом поле на пригорке
Березонька стоит,
А на этой на березе
Труп ее висит.
Пояс шелковый с кистями
Шею затянул,
Дружка перстень подаренный
На руке блестит.
Вот вам, девушки, наука,
Как в лесах ходить,
Вот вам, девушки, другая,
Как ребят любить.

Записано у А.П.Ватагиной, 1904 г.р., д.Быниха, 1991 г.

В ЛЕСНОМ ЦАРСТВЕ, В ПОЛЕВОМ ГОСУДАРСТВЕ





Жизнь у зверей и птиц идет своим чередом. Белка песенки поет только в сказке, а так ей сейчас некогда, нужно корм искать-запасать, к зиме готовиться. Ласточкам проще - улетят в теплые края. А может, напротив, сложнее - сколько неожиданных трудностей сулит неблизкий перелет. Поэтому все разговоры-споры лучше закончить перед дорогой, усевшись в последний раз на прутике ивы.

Может быть, этот волчонок когда-нибудь доставит немало хлопот окрестным жителям. А пока он еще только познает мир и даже не хочет съесть вкусного сурка, который сам лакомится хлебным зернышком, нагуливая жирок, чтобы под снегом спалось слаще.

Вот так и живут они - наши меньшие братья - в полезных трудах и заботах. Не надеясь особенно на лесного царя - полевого государя, а больше на свои силы и милость природы.

Фоторепродукции Георгия БЕЛЯКОВА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

6/95

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Время Общество Знание

Евстолия Прокофьева. Много лет спустя.

В гостях. Воспоминания о "венгерках".

Встречи в "Губернском доме".

Внук Ушинского о старой и новой школе.

Свидетельства Архивы Документы

Алексей Грамматин. Исторические известия о моих предках.

Василий Кокорев. Экономические провалы.

Лариса Сизинцева.
Из истории костромского земства. Медицина.

Литература Искусство Культура

Игорь Дедков. Из дневников.

Юрий Бекишев. А солнце у всех на виду. Стихи.

Не надейся на жену. Сказка.

Редактор Николай Муренин
Художник Василий Чистов
Фото Георгия Белякова, Александра Журавлева, Сергея Калинина
Компьютерная верстка Дмитрий Кротков

Адрес редакции: 156000, г.Кострома, пр.Мира, 7, тел. 51-67-38.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 15.08.95 г. Подписано к печати 15.09.95 г.
Печать офсетная. Обьем 10 п. л. Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом",
отпечатано в областной типографии им.М.Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г.Кострома, ул.Щербины,2.

Адреса для помощи:

Any Support is welcome:

Kostroma region, Sharya, st. Gromov 62, Yudintsev Andrey and Irina. A family home of 4 adopted children (from 4 to 8) besides their own 2 little ones.

Kostroma region, Susanino, st. Leonov 2, apt. 49, Solovyova Elizabeth. A family home of 6 girls. The mother is often ill now.

Kostroma, st. Profsoyuznaya 29, apt. 56, Alekseeva Nina. There are 14 children in the family. The mother is suffering of bad hearing.

Kostroma, st. Lenin 100-"B", apt. 120, Oranovskaya Tatyana. A widow, mother of 6 children.

Kostroma, Davydovsky-2, 33, apt. 89, Tichonov Lev. A widower, father of 5 little children.

Kostroma region, Kostroma district, vill. Nekrasovo, st. Tichaya 11, apt. 4, Yudicheva Helena, mother of 6 children.

Kostroma, st. Lenin 44, apt. 3, Polovinkin family. 8 children.

Kostroma, st. Sverdlov 78, apt.4, Monachova Galina. A widow, mother of 9 children.

Anschrifte fur die Hilfe:

Judintsew Andrey und Judintsewa Irina. Kostroma-Gebiet, Stadt Scharja, Gromowa Str., 62. In dem Familienkinderheim sind zwei Jungs und zwei Mädchen.

Solowjowa Elisaweta Alexandrowna. Kostroma-Gebiet, Siedlung Susanino, Leonowa Str., 2. Wohnung 49. In dem Familienkinderheim sind sechs Kinder.

Alekseewa Nina Sergeewna. Stadt Kostroma, Profsojuznaja Str., Haus 29 Wohnung 56. Sie ist kinderreiche Mutter, hat 14 Kinder.

Tichonow Lew Wasiljewitch. Stadt Kostroma, Dawydowski-2 Haus 33 Wohnung 89. Er ist 1928 geboren, Witwer, hat 5 Kinder in der Familie, der ältere ist 10 Jahre alt, der jungere ist 5 Jahre alt.

Judintsewa Elena Anatoljewna. Kostroma-Gebiet, Bezirk Kostroma, Dorf Nekrasowo. Tichaja Str., Haus 11 Wohnung 4. In dieser Familie sind 6 Kinder.

Stadt Kostroma Lenina Str., Haus 44 Wohnung 3. Die Familie Polowinkins hat 8 Kinder.

Monachowa Galina Alexeewna. Stadt Kostroma, Swerdlowa Str., Haus 78 Wohnung 4. In dieser kinderreichen Familie sind 9 Kinder.